

П
Р
А
В
О
С
О
З
Е
Р
Ц
А
Н
И
Е

Сборник
научных трудов

ВЫПУСК I

ISBN: 978-5-16-020752-0

9 785160 207520

ЛИПЕЦКОЕ
РЕГИОНАЛЬНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ»

ЛИПЕЦКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПРАВОСОЗЕРЦАНИЕ

Выпуск I

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Липецк
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
2025

УДК 340
ББК 67.4
П68

*Печатается по решению Президиума
Липецкого регионального отделения
Российской ассоциации политической науки
(протокол № 1 от 13 января 2025 года)*

Ответственный редактор:
Марков Р.С., кандидат юридических наук

Рецензенты:
Забайкалов А.П., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российского технологического университета;
Шауро И.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

П68 Правосозерцание : сборник научных трудов. Вып. I. – Липецк : ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – 166 с.

ISBN 978-5-16-020752-0

В первый выпуск сборника научных трудов вошли исследования преподавателей, специалистов и обучающихся, которые посвящены актуальным проблемам теоретико-исторических, отраслевых и междисциплинарных юридических исследований.

Адресован широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами общественных наук.

УДК 340
ББК 67.4

ISBN 978-5-16-020752-0

© ЛРО ООО «Российская ассоциация политической науки», 2025
© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Н.А. КОШМАН
Научный руководитель – Д.А. БЕЛЯЕВ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В статье рассматривается вопрос о роли искусственного интеллекта (ИИ) в правовой культуре и возникновении проблемы правосубъектности ИИ. Современные достижения в области технологий и автоматизации приводят к активному внедрению ИИ в различные сферы жизни, что вызывает необходимость переосмысления традиционных правовых категорий и понятий, таких как «личность», «правосубъектность» и «ответственность». Исследование направлено на выявление критериев, по которым ИИ может рассматриваться как правосубъект, а также анализ последствий, которые могут возникнуть в системе правовой ответственности и обязательств. Статья охватывает различные аспекты, связанные с правовым статусом ИИ: от вопросов интеллектуальной собственности до юридической ответственности за действия, совершенные алгоритмами. Работа подчеркивает актуальность и необходимость дальнейшего исследования правосубъектности ИИ как неотъемлемой части развития правовой культуры в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосубъектность; правовая культура; ответственность; право.

Современное общество сталкивается с множеством вызовов, вызванных стремительным развитием информационных технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ) [1]. Одной из наиболее актуальных проблем становится вопрос о правовом статусе ИИ и его месте в системе правоотношений [2]. Эта проблема имеет не только практическое значение, но и затрагивает фундаментальные вопросы правовой культуры, правопонимания и правосознания.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что развитие ИИ ставит перед юридической наукой новые задачи, связанные с необходимостью пересмотра традиционных представлений о субъекте права. Если ранее понятие субъекта права было связано исключительно с физическими и юридическими лицами, то сегодня возникает вопрос о том, могут ли искусственные интеллектуальные системы обладать таким же правовым статусом. Это требует глубокого анализа существующих концепций правовой культуры и их применимости к новым технологическим реалиям.

Целью настоящей работы является исследование проблемы правосубъектности ИИ в контексте современной правовой культуры. Данная работа направлена на углубленное изучение проблемы правосубъектности ИИ в контексте правовой культуры и призвана внести вклад в разработку новых правовых механизмов для управления ИИ.

Развитие технологий искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на правовую культуру современного общества [3; 4]. Этот процесс проявляется как в изменении восприятия правосубъектности, так и в трансформации самой правовой системы. Рассмотрим подробнее, каким образом ИИ влияет на правовую культуру и какие изменения происходят в результате этого взаимодействия.

Развитие ИИ приводит к изменениям в самой правовой системе. Во-первых, появляются новые виды правонарушений, связанных с использованием ИИ. Например, киберпреступления, такие как взлом систем безопасности или мошенничество с использованием ИИ, становятся все более распространенными. Это требует создания новых норм и правил, регулирующих использование ИИ и предотвращающих злоупотребление этими технологиями. Во-вторых, меняется характер взаимоотношений между государством и гражданами. ИИ начинает играть важную роль в управлении государственными услугами, обеспечивая автоматизацию многих процессов. Это повышает эффективность государственного аппарата, но одновременно создает новые вызовы, связанные с защитой персональных данных и обеспечением прозрачности принятия решений. Наконец, ИИ изменяет сам процесс правотворчества и правоприменения. Использование алгоритмов для анализа больших объемов данных позволяет создавать более точные и эффективные законы, а также ускорять процессы их применения. Однако это также поднимает вопросы о справедливости и непредвзятости таких решений, особенно когда речь идет о принятии решений, касающихся прав и свобод граждан.

Одним из ключевых аспектов воздействия ИИ на правовую культуру является изменение представления о том, кто может быть признан субъектом права. Традиционно правосубъектность связывалась с человеческим фактором – физические и юридические лица признавались субъектами права, поскольку они обладали сознанием, волей и способностью нести ответственность за свои действия. Однако с появлением ИИ возникают вопросы о том, могут ли эти системы, обладающие определенной степенью автономии и способности принимать решения, стать полноценными участниками правовых отношений. Традиционно для признания кого-то субъектом права требуется наличие определенных качеств, таких как сознание, воля и способность нести ответственность за свои действия. Однако ИИ не обладает сознанием в привычном смысле этого слова, поэтому возникает вопрос: какими критериями следует руководствоваться при оценке его правосубъектности?

Некоторые ученые предлагают использовать функциональный подход, согласно которому ИИ может считаться субъектом права, если он способен выполнять определенные функции, аналогичные функциям человека. Например, если ИИ может принимать решения, заключать договоры, владеть имуществом и нести ответственность за свои действия, то он может быть признан субъектом права.

Однако такой подход вызывает критику, т.к. он игнорирует морально-этические аспекты правосубъектности. Противники этого подхода утверждают, что признание ИИ субъектом права приведет к размыванию границ между человеком и машиной, что может иметь негативные последствия для общества [5].

Сравнивая ИИ с традиционными субъектами права, такими как физические и юридические лица, можно заметить ряд существенных различий. Физические лица обладают сознанием и волей, что позволяет им осознавать свои действия и нести за них ответственность. Юридические лица, хотя и не обладают сознанием, действуют через своих представителей, которые принимают решения и несут ответственность за действия организации. ИИ, напротив, действует на основании алгоритмов и программ, созданных людьми. Он не обладает сознанием и волей, поэтому сложно говорить о его способности нести ответственность за свои действия. Кроме того, ИИ может действовать независимо от воли своего создателя или оператора, что создает дополнительные сложности в вопросе ответственности [6].

На международном уровне пока нет единого подхода к вопросу правосубъектности ИИ. Некоторые страны начали разрабатывать законодательство, направленное на регулирование использования ИИ, однако большинство из них сосредоточено на вопросах безопасности и защиты данных, а не на правосубъектности. Например, Европейский Союз разработал проект регламента об ИИ, который предусматривает создание специальной комиссии по надзору за разработкой и применением ИИ. Однако этот документ не касается вопроса правосубъектности ИИ. В США также ведутся дискуссии о необходимости регулирования ИИ, но до сих пор нет четких законодательных актов, определяющих статус ИИ как субъекта права.

Одной из главных проблем в области правосубъектности ИИ является отсутствие согласованности между различными странами и регионами. Различные юрисдикции могут иметь разные подходы к этому вопросу, что затрудняет международное сотрудничество и обмен информацией. Кроме того, существуют различия в культурном восприятии ИИ. В некоторых странах, таких как Япония, отношение к роботам и ИИ более позитивное, чем в других регионах мира. Это может повлиять на принятие решений о правосубъектности ИИ и создать дополнительные трудности в процессе гармонизации законодательства.

Преимущества признания искусственного интеллекта (ИИ) субъектами права могут быть проанализированы через несколько ключевых аспектов, которые охватывают юридические, этические и социальные моменты. Признание ИИ субъектами права позволит четко определить ответственность за действия, совершаемые системами ИИ. В текущей правовой среде, когда возникают случаи, связанные с неправильной работой ИИ (например, в авариях с автономными транспортными средствами или при принятии решений в медицинских системах), юридическая ответственность нередко остается неопределенной. Установление правового статуса ИИ позволит обозначить, кто несет ответственность: разработчики, пользователи или сам ИИ как самостоятельный субъект. Это может в свою очередь способствовать более справедливому возмещению ущерба и обеспечению справедливости в случаях, когда вред причинен действиями искусственного интеллекта.

С признанием ИИ субъектами права появляется возможность создать правовую и этическую рамку, регулирующую их деятельность. Это может способствовать разработке стандартов поведения для ИИ-систем, которые будут включать требования к безопасности, прозрачности и подотчетности. Правовая база сможет помочь в создании четких правил для разработки и эксплуатации ИИ, а также в оценке и сертификации систем на соответствие этим правилам. Если ИИ признается субъектом права, это может привести к возможности защиты прав и интересов, которые возникают в результате использования ИИ. Например, ИИ-системы, принимающие решения в области здравоохранения или финансов, могут быть обязаны следовать определенным этическим и правовым стандартам, которые будут защищать права граждан, минимизируя риски дискриминации и предвзятости [7]. Это обеспечит более справедливое и ответственное использование технологий.

Признание ИИ как субъектов права может стать толчком для развития новых технологий и бизнес-моделей. Юридическая поддержка может стимулировать инвестиции в исследования и разработки ИИ, т.к. повысится степень доверия со стороны компаний и пользователей. С созданием законодательно установленного порядка в этой области возможны более обширные и безопасные внедрения ИИ в различные сферы, от медицины до права и финансов.

С точки зрения социальной политики, признание ИИ субъектами права стимулирует создание этически ответственного подхода к разработке и использованию технологий. Это может включать обязательства по соблюдению стандартов, направленных на минимизацию негативных последствий внедрения ИИ. Разработка этических норм и принципов потребует активного участия не только бизнеса, но и правозащитных организаций, научного сообщества и общества в целом, что, в свою очередь, повышает общественную осведомленность и участие в этих процессах.

Интеграция ИИ в правовую систему может упростить процесс правоприменения, т.к. ИИ-системы могут быть использованы для более эффективного анализа больших объемов данных и предоставления рекомендаций в юридических вопросах. Признание ИИ как субъектов права позволит формализовать этот процесс и упростить взаимодействие между традиционными юридическими процедурами и современными технологиями. Это может улучшить доступ к правосудию и ускорить процесс разрешения споров. Поскольку технологии продолжают развиваться, правовая система должна быть способна адаптироваться к новым вызовам и реалиям. Признание ИИ субъектами права позволит создать гибкую юридическую основу, которая сможет поддерживать регуляцию, адаптируясь к изменениям в технологиях и методах их использования. Это придаст системе устойчивость и способность предвосхищать новые вызовы, что важно в условиях быстрого технологического прогресса.

Признание ИИ субъектами права может способствовать повышению уровня доверия пользователей к этим технологиям. Понимание, что ИИ подлежит регулированию и имеет определенные права и обязанности, может уменьшить страх и неопределенность, связанные с его использованием. Это, в свою очередь, может способствовать большему принятию ИИ в общественной и экономической жизни, включая более широкое применение в бизнесе, образовании и государственных услугах.

Таким образом, признание искусственного интеллекта субъектами права открывает перспективы для создания более структурированной и этично ориентированной среды, в которой технологии могут развиваться, соблюдая интересы и права всех участников общества. Одновременно признание искусственного интеллекта субъектами права несет с собой множество потенциальных рисков и вызовов, которые могут затронуть широкий спектр юридических, этических и социальных аспектов.

Первым значительным вызовом является необходимость четкого определения статуса и природы ИИ. Легитимация ИИ как правосубъектов ставит много вопросов о том, как именно классифицировать их: являются ли они «личностями» в юридическом смысле, или их права могут быть ограничены? От этого зависит не только правовой статус ИИ, но и последствия для существующей системы права. Неясность в этом вопросе может привести к правовым спорам и неопределенности.

Одним из ключевых вопросов является определение ответственности. Если ИИ признается субъектом права, то кто будет нести ответственность за его действия? Возможны различные сценарии: от полного освобождения разработчиков и пользователей от ответственности до признания ИИ способным на юридическую ответственность. Последствие такого государства может привести к ситуации, когда пострадавшие не смогут получить справедливую компенсацию из-за сложностей, связанных с определением того, кто конкретно ответственный за действия ИИ [7].

Признание ИИ правосубъектами ставит этические вопросы относительно их прав и свобод. Какие права следует предоставить ИИ, и как обеспечить их соблюдение? Это может вызвать дискуссии о том, имеют ли ИИ системы право на «защиту» или «свободу». Этические подходы могут сильно варьироваться, включая мнения о том, являются ли ИИ системами активными или пассивными элементами, что, в свою очередь, влияет на восприятие их правовых статусов.

Одновременно, признание ИИ как субъектов права также может создать возможности для злоупотреблений. Например, кто-то может попытаться создать ИИ-систему, которая будет действовать в своих интересах, максимально используя права, присвоенные ей. Требования к системам ИИ, которые могли бы искусственно манипулировать правовой средой или обманывать людей, могут значительно усложнить регулирование и контроль.

Существующие правовые системы могут не иметь необходимой гибкости и ресурсов для адекватного регулирования и мониторинга ИИ как субъектов права. Это создаст дополнительные сложности для правоприменительных органов, которые могут не быть готовы к новому уровню взаимодействия с ИИ. Отсутствие адекватных механизмов и инструментов для правоприменения может привести к несоответствию между высокими технологическими достижениями и медленной универсальной правовой системой.

Массовое признание ИИ как субъектов права может привести к значительным социальным и экономическим изменениям. На рынке труда может возникнуть новая динамика, когда работники начнут соперничать с ИИ, обладающими законодательными правами. Это потенциально может увеличить уровень безработицы и социальное напряжение. Компании могут столкнуться с дополнительными затратами на соблюдение законов и регулирования, что, в свою очередь, может снизить инновации и замедлить поступление новых технологий на рынок.

Сложность и разнообразие национальных и международных правовых систем могут создать дополнительные препятствия для признания ИИ как правосубъектов [8]. Разные страны могут устанавливать разные и порой противоречивые правила, что затруднит международное сотрудничество и унификацию правовых норм. Это может привести к правовым пробелам и конфликтам при использовании ИИ в транснациональной среде, создавая дополнительные юридические риски для международных компаний и организаций.

Признание ИИ правосубъектами может спровоцировать новые проблемы с конфиденциальностью и безопасностью данных. Если ИИ могут требовать прав на доступ к данным и взаимодействовать с пользователями, это может привести к увеличению уязвимостей в системах защиты информации и нарушениям конфиденциальности данных. Отношение к данным может измениться, и это поставит под угрозу как индивидуальные права, так и безопасность компаний.

Перспективы дальнейшего развития признания ИИ субъектом права охватывают широкий спектр вопросов, направленных на адаптацию правовых норм к быстро развивающимся технологиям и особенностям искусственного интеллекта [9]. Эта адаптация требует не только технического, но и глубокого юридического анализа, учитывающего последствия как для общества, так и для самой природы права. Необходимость в новых законодательных актах, которые непосредственно регулируют статус ИИ, станет главной задачей в ближайшие годы. Это может включать создание специализированных правовых норм, регулирующих объем ответственности ИИ, его права, а также правила взаимодействия с людьми. Важно, чтобы новые законы учитывали особенности различных типов ИИ, начиная от простых алгоритмов до сложных автономных систем. Кроме того, на повестку дня может выйти вопрос о создании специфических органов власти или комитетов по мониторингу и регулированию ИИ.

Сложной задачей будет интеграция новых норм об ИИ в уже существующее законодательство. Это потребует комплексного анализа и пересмотра действующих норм в таких областях, как гражданское, уголовное, административное законодательство и даже трудовое право. Необходимость совместимости новых норм с существующими может привести к юридическим коллизиям и осуществлению реформы системы правосудия, что подтверждает важность подготовки универсального подхода к регулированию ИИ.

Развитие признания ИИ субъектами права окажет заметное влияние на бизнес-среду и экономику в целом. Корпорации и стартапы будут вынуждены адаптировать свои модели ведения бизнеса, учитывать риски и обязательства, связанные с использованием ИИ. Появление новых правовых норм создаст дополнительные возможности для инноваторов, однако сопряжено с обязательствами, например, по обеспечению соблюдения прав ИИ. Более того, это может привести к увеличению количества судебных дел, связанных с ИИ, что повлияет на юридическую практику и спрос на специалистов, знакомых с данной областью.

С признанием ИИ правообладающим статусом возникнут этические вопросы, касающиеся прав и свобод, которые могут быть предоставлены ИИ. Это породит дискуссии о праве ИИ на защиту, сохранение конфиденциальности и недопущение дискриминации. Этика в сфере ИИ будет продолжать раз-

виваться, подстраиваясь под изменения в социальных ожиданиях и технологиях, потребует общественного обсуждения и консенсуса, чтобы избежать потенциальных конфликтов и манипуляций с правами ИИ.

При признании ИИ правосубъектами появляется необходимость создания институтов, которые будут отвечать за защиту прав ИИ. Это может включать создание специальной судебной инстанции или комиссии, которая будет рассматривать дела, связанные с защитой прав ИИ. Кроме того, возможна разработка механизмов, позволяющих ИИ защищать свои права, например, через подачу исков или участие в судебных процессах.

Наконец, признание ИИ субъектами права – это не только локальный, но и глобальный вопрос. Разные страны могут вводить различные нормы и подходы, что создаст сложные международные правовые ситуации. Важно будет разработать международные соглашения и нормативные акты, которые позволят унифицировать подходы к регулированию прав ИИ на глобальном уровне. Этот процесс потребует активного сотрудничества между государствами, научными кругами и бизнесом, чтобы обеспечить адекватные стандарты, стимулирующие развитие технологий, и защита прав пользователей.

С дальнейшим развитием технологий предполагается, что ИИ будут обладать все большей автономией, что будет ставить новые юридические и этические задачи. Вопросы касательно самоуправления ИИ, их способности принимать решения и взаимодействовать с людьми без контроля со стороны человека потребуют дальнейшего изучения. Это также может вызвать необходимость в разработке новых стандартов, касающихся ответственности, этики и правового статуса в условиях увеличенной автономности ИИ [10].

В ходе исследования вопросов, связанных с признанием искусственного интеллекта в качестве правосубъекта, мы пришли к важным выводам, подчеркивающим многогранность и сложность этой проблемы в контексте правовой культуры. Актуальность рассматриваемой темы обуславливается не только стремительным развитием технологий, но и необходимостью осмысления их воздействия на традиционные юридические структуры и концепции, которые обосновывают статус субъекта права.

Во-первых, необходимость четкого определения правового статуса ИИ становится особенно заметной на фоне его растущей автономности и способности к самообучению. ИИ уже активно используется в различных сферах, таких как медицина, юриспруденция, финансы и другие, что поднимает вопрос о том, кто несет ответственность за действия систем, созданных на основе искусственного интеллекта. Вопросы юридической ответственности, авторских прав, а также возможность ИИ выступать в качестве истца или ответчика в суде требуют всестороннего правового анализа и выработки новых норм.

Во-вторых, признание ИИ в качестве правосубъекта может привести к значительным изменениям в системе правовых отношений и юридических норм. Это потребует от правовой науки переосмысления основополагающих понятий, таких как «личность», «недобровольные действия», «гражданские права» и «обязанности». Сложность заключается не только в формировании правового статуса ИИ, но и в учете этических аспектов, связанных с его действиями.

Кроме того, необходимо отметить, что правосубъектность ИИ может повлиять на взаимоотношения между людьми и технологиями. Появление новых прав и обязанностей как для ИИ, так и для его создателей и пользователей создаст правовые рамки, в которых будет происходить взаимодействие, что также потребует культурологического анализа и соответствующего воспитания правосознания общества.

Наконец, важно подчеркнуть, что признание ИИ субъектом права должно проходить в рамках транспарентного и инклюзивного процесса, в который должны быть вовлечены не только правоведа, но и представителям смежных дисциплин, таких как философия, социология и экономика. Дискуссии на этот счет должны сосредоточиться не только на правовых, но и на этических, социальных и культурных аспектах, что обеспечит более комплексный подход к решению возникающих вопросов.

Вообще проблема правосубъектности искусственного интеллекта представляет собой важный вызов для правовой культуры современности. Принятие правильных решений сегодня может обеспечить эффективное и безопасное сосуществование человека и машины в будущем. Научное сообщество, правительство и общество в целом должны активно сотрудничать для создания правовой системы, готовой к вызовам, которые принесет с собой эволюция технологий.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беяев Д.А. Будущее Человека в перспективе техноантропологических конвергенций: Монография. М.: Инфра-М, 2023. 217 с.
2. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.
3. Беяев Д.А. Экспликация искусственного интеллекта в оптике постчеловеческих трансформаций: философская концептуализация // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: Мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2024. С. 60–65.
4. Беяев Д.А., Марков С.А. Искусственный интеллект в контексте философской антропологии // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2022. С. 194–197.
5. Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира / Под общ. ред. О.А. Мельниковой; рук. проекта А.В. Крутских. М.: Аспект Пресс. 2024. 542 с.
6. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
7. Степанов О.А. О правосубъектности роботизированных систем // Современное право. 2017. № 8. С. 17–22.
8. Копаница В.Ю., Марков Р.С. Перспективы развития российского бизнеса в IT-отрасли Афганистана (политэкономический анализ) // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6. № 5. С. 357–361.
9. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1.
10. Марков Р.С., Забайкалов А.П., Маликова Д.В. Использование информационных технологий в муниципальном управлении (по материалам городского округа город Липецк) // Наука Красноярья. 2024. Т. 13. № 1. С. 58–69. DOI: 10.12731/2070-7568-2024-13-1-236.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕОБХОДИМОЙ САМООБОРОНЫ В ДОИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются предпосылки, лежащие в основе возникновения такого института уголовного права, как необходимая самооборона. Автор проводит анализ древнейших памятников права, выявляет условия, обстановку, при которой возможно было применение необходимой самообороны для защиты своей жизни, здоровья, отношений собственности.

Ключевые слова: необходимая самооборона; историческое развитие; самозащита; Русская Правда; Соборное уложение 1649 г.

Изучение того или иного правового института невозможно без проведения исторического анализа развития данного института, т.к. это позволит выявить причины его возникновения, этапы развития, а также появится возможность предугадать тенденции развития. Сказанное полноценно применяется и к одному из важнейших институтов Общей части Уголовного права – необходимая самооборона. В настоящее время необходимую самооборону можно рассмотреть не только в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния, но и в качестве метода защиты прав человека, что в свою очередь гарантируется ст. 45 Конституции РФ.

Предоставление человеку права на самооборону является достаточно рациональным и логическим шагом, т.к. не всегда государство может обеспечить защиту интересов каждого индивидуума в отдельности, в силу чего государство должно гарантировать такую возможность каждому человеку. Еще в древние времена возникла необходимость защищать свое имущество от посягательств других лиц, что находило отражение в древнейших памятниках права.

Зачатки формирования института необходимой обороны можно обнаружить в одном из первых письменных актов права периода существования Древнерусского государства, а именно в договоре Руси и Византии от 911 г., который во многом регулировал торговые отношения между данными государствами, а также предусматривал уголовную ответственность за преступления, совершенные представителями Руси и Византии в отношении друг друга. Особой правовой охраной пользовалась собственность, т.к. во многом именно имущественные отношения лежали в основе возникновения и развития древнерусского общества и государственности. В силу чего договор Руси и Византии 911 г. содержал условие о том, что если вор покушался на имущество, то он мог быть убит при оказании им сопротивления.

Однако, как отмечает Н.С. Таганцев необходимая самооборона в период существования древнерусского государства по своему содержанию большей степенью являлось кровной мстью [1]. В то же время нельзя полностью согласиться с тем, что именно в период действия вышеуказанного договора, началось формирование института самозащиты в уголовном праве, т.к. возможность убийства причинителя вреда являлось элементом обычного права древних племен, признавалось в качестве законной мести.

Следующим памятником права, повлиявшим на становление института необходимой самообороны, является Русская Правда, которая предусматривала, что вор, застигнутый на месте преступления, мог быть убит вне зависимости от того, пытался ли он скрыться с места совершения преступления или нет. Однако, в том случае, если удавалось преодолеть сопротивление посягающего, то в этом он случае он должен быть доставлен для суда на княжеский двор. Можно говорить о том, что стали формироваться зачатки пределов необходимой обороны.

Следовательно, можно сделать вывод, что в период действия Русской Правды формирование института необходимой самообороны продолжалось, но в то же время происходило его смещение с институтом самоуправства, т.к. фактически осуществлялся самосуд задержанного без участия на то представителя власти. В подтверждении данной позиции можно привести следующий аргумент, так в Русской Правде не был сформирован полноценный институт необходимой самообороны, он не отражался в качестве отдельного структурного элемента в Русской Правде, хотя и регламентировал действия лиц, применивших самооборону, для защиты своего имущества.

Существенное влияние на развитие института необходимой самообороны оказало Соборное уложение 1649 г., который фактически являлся прообразом первого кодифицированного правового акта. Соборное уложение 1649 г. предусматривало, что «любой, кто убивает злоумышленника, напавшего на человека и его дом, или причинит ему увечье, не привлекается к ответственности, т.к. нападавший сам совершает преступление». Законодатель того периода времени прямо предусмотрел, что человек может защищать свои прав и законные интересы любыми средствами, вплоть до причинения смерти другому человеку, что не будет являться основанием для привлечения к уголовной ответственности. Отсутствие пределов необходимой самообороны также может быть связано с тем, что нередко посягательство осуществлялось на особо ценные предметы, имеющие высокое значение в жизни общества того периода времени. В частности, дозволялось убивать на месте вора, который покусился на кражу хлеба или сена с поля.

Особенностью Соборного Уложения 1649 г. являлось то, что оно предусматривало возможность применения необходимой самообороны, но только в случае совершения в отношении человека преступлений, сопряженных с хищением или применением насилия, не допускалось воспользоваться правом на необходимую самооборону в случае оскорбления. Отдельно конкретизировалось положение о том, что человек вправе был убить другого человека, при групповом проникновении в его жилое помещение. Соборное уложение 1649 г. предусматривало, что человек может одновременно воспользоваться правом на защиту не только для защиты своих интересов, но и для защиты интересов других посторонних для него людей [2]. Недостатком Соборного уложения 1649 г. являлось отсутствие пределов необходимой самообороны, что нередко влекло к применению особой жесткости при самозащите. Отсутствие легального определения необходимой самообороны [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно в середине XVII в. возникли факторы, способствующие формированию института самообороны. Проводя сравнение Соборного уложения 1649 г. с ранее действующими памятниками права, можно отметить более детальный характер регулирования самозащиты

в рамках уголовно-правовых отношений. Конкретизировались случаи, при которых лицо могло воспользоваться своим правом на необходимую самооборону, предусматривались определенные условия. Были созданы существенные условия для дальнейшего развития института необходимой самообороны.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
 2. Яблонцева И.В. Становление и развитие законодательства о необходимой обороне // Актуальные вопросы теории и практики судопроизводства (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей): Сб. тр. XIX Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Кострома: КГУ, 2023. С. 132–137.
 3. Трофимова И.Д. Ретроспективный анализ развития отечественного уголовного законодательства о необходимой обороне // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2013. № 2. С. 133–142.
-
-

А.Д. САЛЬНИКОВ

ХАЗАРСКИЙ СЛЕД В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Статья рассматривает влияние Хазарского каганата на формирование древнерусской государственности. Анализируются заимствования в области управления, права, экономики и военного дела. Особое внимание уделено дуалистической системе власти, торговым практикам и правовым механизмам Хазарии. Автор подчеркивает многогранность и значимость хазарского влияния для понимания процессов межкультурного обмена и государственообразования в средневековой Восточной Европе.

Ключевые слова: Хазарский каганат; древнерусская государственность; дуалистическая власть; межкультурный обмен; торговые маршруты; правовые институты.

Актуальность изучения рецепции хазарских государственно-властных институтов в Древней Руси обусловлена не только значением Хазарского каганата как крупной политической силы Восточной Европы, но и его уникальной ролью в формировании структур управления, экономики и права, которые могли быть восприняты соседними народами. Хазария, находившаяся на пересечении различных цивилизаций – степной, византийской, исламской и славянской, – служила связующим звеном между ними. Ее способность интегрировать многонациональное и многоконфессиональное общество сделала государственные институты Хазарии примером, достойным изучения.

Особое значение для анализа представляет дуалистическая система власти, характерная для Хазарского каганата. Как отмечает М.И. Артамонов, каган исполнял сакральные функции и был символом единства государства, тогда как бек-каган сосредоточивал в своих руках исполнительную власть [1]. Этот принцип разделения полномочий обеспечивал баланс между духовной и светской сферами, что позволяло сохранять стабильность в условиях этнического и культурного многообразия. На Руси, хотя и не было прямого заимствования подобной структуры, можно видеть элементы этого подхода в отношениях князя с вече, а также в разделении обязанностей между князем и дружиной.

Экономическая система Хазарии была основана на контроле важных торговых путей, таких как Волга, Дон и Каспийское море. Хазары активно собирали дань с подчиненных им народов, включая славянские племена, такие как вятичи, северяне и радимичи. Эта практика, как отмечает А.В. Бондарь, повлияла на формирование древнерусского полюдьа [2]. Полюдь, предполагающее объезд князем подвластных территорий для сбора дани, демонстрирует структурные сходства с хазарскими методами. Такая система позволяла не только укрепить центральную власть, но и наладить стабильный экономический обмен между различными регионами.

Торговля была одним из ключевых элементов хазарской государственности. Через ее территорию проходили важнейшие торговые маршруты, соединяющие Восточную Европу с исламским миром и Византией. Хазары ввели эффективную систему пошлин и обеспечивали безопасность торговых путей, что привлекало купцов из разных регионов. Русские князья, взаимодействуя с хазарами, могли перенять их опыт регулирования торговли. Договоры Руси с Византией, зафиксированные в «Повести временных лет», содержат положения, которые напоминают хазарскую практику юридического оформления торговых соглашений.

Военная организация Хазарии также заслуживает особого внимания. Армия каганата включала наемников из различных этнических групп, что делало ее мобильной и гибкой. Эта практика, как отмечает Р.С. Марков, могла стать примером для русских князей, формировавших дружины из варягов, славян и финноугров [3; 4]. Русско-хазарские войны X в., в ходе которых Русь окончательно освободилась от хазарского влияния, не только стали важным этапом формирования русской государственности, но и сопровождалась культурными заимствованиями. Фортификационные сооружения Хазарии, такие как Саркел (Белая Вежа), построенные с участием византийских инженеров, свидетельствуют о высоком уровне военной архитектуры. Эти укрепления, как предполагают исследователи, могли служить моделью для русских городов. Например, планировка укреплений Киева и Новгорода демонстрирует сходство с хазарскими образцами. Кроме того, находки арабских дирхемов на территории Руси подтверждают интенсивные торговые и культурные связи между этими двумя государствами.

Одним из ключевых вопросов является влияние хазарской правовой системы на древнерусское законодательство. Хазары использовали систему штрафов за преступления, что позволяло поддерживать порядок в многонациональном государстве. Аналогичная система вир была закреплена в «Русской Правде». Как указывает А.В. Бондарь, подобные принципы регулирования общественных отношений могли быть заимствованы Русью в процессе взаимодействия с Хазарией [2].

Религиозная терпимость, характерная для Хазарии, была важным элементом ее государственной политики. В условиях многонационального и многоконфессионального общества хазары сумели создать систему, в рамках которой представители различных вероисповеданий могли мирно сосуществовать. Этот принцип мог повлиять на древнерусскую политическую культуру, где тоже наблюдалась относительная религиозная терпимость, особенно на ранних этапах развития государства.

Однако процесс рецепции хазарских институтов был сложным и не всегда односторонним. Русь не только заимствовала элементы хазарской государственности, но и адаптировала их к своим условиям. Например, хотя хазарское полудье послужило моделью для русского, оно приобрело новые функции, связанные с укреплением центральной власти князя.

Одной из проблем исследования является ограниченность письменных источников. Летописные упоминания о хазарах часто носят фрагментарный характер и требуют критического анализа. Археологические данные, такие как остатки укреплений или находки монет, нуждаются в уточнении с использованием современных методов, таких как радиоуглеродное датирование и компьютерное моделирование [5]. К тому же в научной литературе подвергается сомнению существенное влияние Хазарского каганата на древнерусскую государственность [6]. Для углубления исследования необходимо привлечение междисциплинарного подхода. Использование методов сравнительного анализа, объединяющего данные археологии, истории и права, позволит лучше понять процессы заимствования. Привлечение зарубежной историографии также способствует более полной реконструкции взаимодействий между Русью и Хазарией.

В заключение можно отметить, что хазарское влияние на становление древнерусской государственности было многоаспектным. Рецепция хазарских институтов – от систем управления и права до торговли и военной организации – сыграла ключевую роль в формировании уникальной политической культуры Руси. Изучение этих взаимодействий не только углубляет понимание процессов государствогенеза в Восточной Европе, но и позволяет выявить общие закономерности межкультурного обмена в средневековый период.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Артамонов М.И. История хазар / Под ред. Л.Н. Гумилева. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
 2. Боднар А.В. Историко-правовые основы формирования и развития государственности в Хазарском каганате в VII–X вв.: историко-правовой аспект: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2008. 22 с.
 3. Марков Р.С. Русско-хазарские войны 960–980-х годов в свете письменных источников // Военная история: люди, судьбы, конфликты: Мат-лы VII Междунар. конф. СПб.: Форпост, 2020. С. 11–16.
 4. Марков Р.С. О военном конфликте византийской империи, Хазарского каганата и древнерусского государства в 939–941 гг. // «Гражданская война на Северо-Западе»: «Военная история: люди, факты, обстоятельства»: Мат-лы конф. СПб ГБУ ДМ «Форпост» за 2019 г. СПб.: Форпост, 2019. С. 96–100.
 5. Марков Р.С. Русско-хазарские войны 960–980-х годов в свете археологических исследований // Военная история: люди, судьбы, конфликты: Мат-лы VIII Междунар. конф. СПб.: Форпост, 2021. С. 7–10.
 6. Фомин В.В. Ошибки и фальсификации ученых в оценке роли хазар в истории восточных славян // Вопросы истории. 2023. № 8–1. С. 38–73. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202308Statyi09.
-
-

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Н.К. АХМЕДОВА

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ИХ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ

В статье приводится определение «межбюджетных отношений» и рассмотрены принципы межбюджетных отношений. Проведен анализ показателей межбюджетных трансфертов по кварталам и осуществлена оценка структуры межбюджетных трансфертов. Также рассмотрены проблемы и предложения развития межбюджетных отношений в России.

Ключевые слова: бюджетная система; межбюджетные отношения; дотации; межбюджетные трансферты; регионы и центр.

Межбюджетные отношения играют важную роль в обеспечении органов власти и управления территориальных уровней финансовыми ресурсами и в достижении общегосударственных целей развития на всей территории страны. Это особенно актуально для Российской Федерации как федеративного государства. В условиях сложности практической реализации принципа «один налог – один бюджет», разрыва в уровне финансовой обеспеченности различных территорий страны, необходимости содействия финансовыми ресурсами реализации приоритетных проектов социально-экономического развития в большинстве стран мира практикуется распределение налогов и иных обязательных платежей между бюджетами различных уровней, а также перераспределение ресурсов в формате межбюджетных трансфертов с вышестоящих уровней бюджетной системы на нижестоящие. В связи с этим представляет интерес анализ имеющихся подходов к организации системы межбюджетных отношений, в которой учтены все интересы участников данной системы.

Межбюджетные отношения – это система экономических и правовых взаимодействий между бюджетами разных уровней (федеральным, региональным и местным) в рамках бюджетной системы страны. Эти отношения определяют, как распределяются и перераспределяются финансовые ресурсы между уровнями власти для обеспечения выполнения их полномочий и функций. Межбюджетные отношения включают в себя передачу налоговых поступлений, предоставление дотаций, субсидий и субвенций, а также регулирование бюджетных трансфертов, которые помогают выравнивать уровень социально-экономического развития регионов и обеспечивать баланс в развитии страны [1].

Основными принципами межбюджетных отношений являются стабильность, достаточность, равенство, прозрачность, ответственность, самостоятельность и учет потребностей различных территорий.

1. Принцип стабильности предполагает обеспечение предсказуемости и устойчивости бюджетных потоков на длительный срок. Это необходимо для того, чтобы субъекты могли эффективно планировать свою деятельность, не опасаясь резких изменений в распределении бюджетных средств. Долгосрочная стабильность способствует улучшению управляемости на местах и позволяет регионам уверенно развивать инфраструктуру, планировать инвестиции и реализовывать социальные проекты.

2. Принцип достаточности требует, чтобы регионы получали такие объемы финансовых ресурсов, которые позволяли бы им выполнять возложенные на них обязательства. Уровень бюджета должен обеспечивать выполнение минимально необходимых функций (образование, здравоохранение, социальная защита), что особенно важно для менее обеспеченных регионов. Этот принцип направлен на то, чтобы не допустить ситуации, при которой регионы были бы вынуждены сокращать или отказываться от выполнения обязательных государственных программ.

3. Принцип равенства предполагает, что межбюджетные отношения должны учитывать уровень социально-экономического развития регионов и стремиться к его выравниванию. В более развитых регионах собирается больше налогов, но эти средства перераспределяются в пользу менее развитых регионов. Это направлено на сокращение разрыва в уровне жизни и доступности услуг в различных частях страны.

4. Принцип прозрачности обеспечивает открытость межбюджетных отношений, включая методы и механизмы распределения финансовых ресурсов. Публичный доступ к информации о распределении бюджетных средств позволяет обеспечить контроль и предотвращение злоупотреблений в этой сфере, а также формирует доверие к деятельности органов государственной власти.

5. Принцип ответственности подразумевает, что органы власти должны эффективно и рационально использовать предоставленные финансовые средства. Это означает, что ответственность за исполнение своих бюджетных обязательств лежит на каждом уровне власти. Ответственность предполагает наличие санкций за неэффективное использование средств или нарушение бюджетной дисциплины.

6. Принцип самостоятельности предусматривает, что каждый уровень власти (федеральный, региональный, местный) обладает определенной степенью финансовой независимости в рамках выделенного бюджета. Самостоятельность позволяет регионам реализовывать собственные проекты и учитывать особенности своей территории, что повышает качество и оперативность управления на местах.

7. Принцип учета потребностей означает, что при распределении межбюджетных трансфертов учитываются особенности и нужды каждого региона. Это особенно актуально для сельских и удаленных районов, где могут быть особые потребности, такие как доступность транспорта, медицины или образования. Такой подход позволяет гибко реагировать на уникальные условия, существующие в разных частях страны, и улучшать качество жизни в каждом регионе.

Эти принципы направлены на создание сбалансированной и справедливой системы бюджетного обеспечения и управление развитием территорий [2].

В 2023 г. отмечается сравнительно равномерное перечисление из федерального бюджета межбюджетных трансфертов субъектам РФ (см. рис. 1).

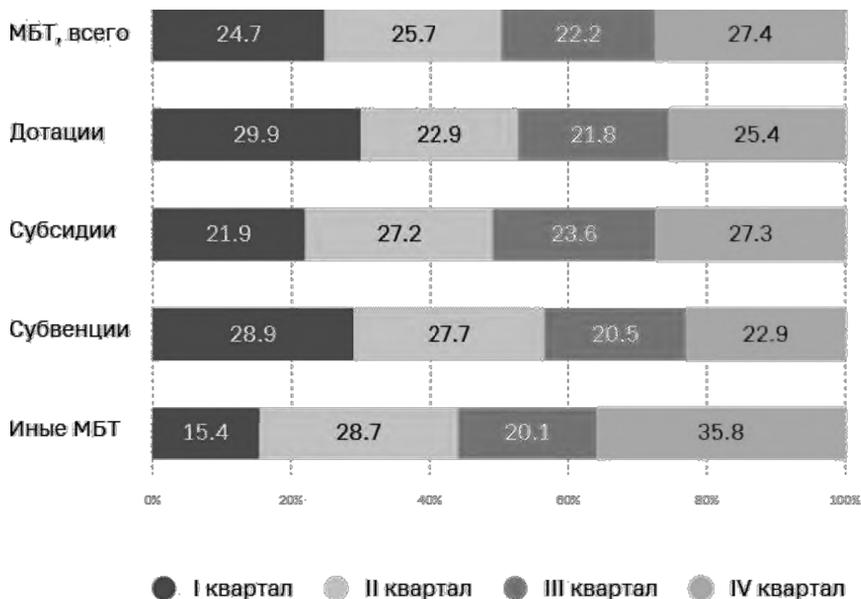

Рис. 1. Информация о поквартальном исполнении расходов по видам межбюджетных трансфертов в 2023 г. в %. (по данным Оперативного доклада Счетной палаты РФ об исполнении федерального бюджета за 2023 г.)

Необходимо отметить неравномерность перечисления регионам иных межбюджетных трансфертов (в IV квартале 2023 г. перечислено 188 903,8 млн рублей (35,8%), в декабре 2023 г. – 105 938,0 млн рублей (20,1%). Основной объем перечисленных иных межбюджетных трансфертов в IV квартале 2023 г. (44,4%) приходится на три госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и «Развитие транспортной системы». При этом по госпрограмме «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» в IV квартале 2023 г. перечислено 51,7% объема иных межбюджетных трансфертов, предоставленных регионам в 2023 г. (23 578,0 млн рублей), из них в декабре 2023 г. перечислено 31,6% (14 399,9 млн рублей), кассовое исполнение составило 95,7%.

Межбюджетные отношения в России сталкиваются с рядом проблем, которые затрудняют эффективное распределение и использование бюджетных средств между федеральным, региональным и местным уровнями. Рассмотрим три ключевые проблемы и возможные пути их решения.

Одна из главных проблем – высокая зависимость большинства регионов от дотаций из федерального бюджета. Многие регионы не имеют достаточной налоговой базы для покрытия своих расходов и вынуждены полагаться на финансовую поддержку центра. Это приводит к ослаблению их финансовой независимости и снижению мотивации к улучшению собственной экономической ситуации, т.к. регионам проще полагаться на федеральную помощь, чем развивать местные источники дохода. Для снижения зависимости регионов можно расширить налоговую базу на местном уровне, передав регионам часть федеральных налогов или увеличив долю региональных сборов. Например, можно предоставить регионам больше возможностей для установления налоговых льгот или увеличения доли налогов на прибыль организаций. Это позволит повысить финансовую самостоятельность регионов, мотивировать их к активному экономическому развитию и снижению зависимости от центра.

Существуют значительные различия в уровне экономического развития и бюджетной обеспеченности разных субъектов России. Более богатые регионы, как правило, концентрируют большую часть налоговых поступлений и инвестиций, тогда как отдаленные или менее развитые регионы страдают от нехватки финансовых ресурсов. Такая ситуация приводит к дисбалансу и замедлению социально-экономического развития отстающих регионов. Для выравнивания бюджетной обеспеченности регионов можно усилить программы поддержки для отстающих субъектов. Это может включать дополнительные целевые трансферты, субсидии на развитие инфраструктуры, меры по привлечению инвестиций в проблемные регионы, а также предоставление льгот для бизнеса, работающего в таких территориях. Кроме того, можно пересмотреть формулы распределения бюджетных трансфертов, чтобы учитывать не только экономические показатели, но и социальные, демографические и климатические факторы [3].

В некоторых регионах и муниципалитетах отмечаются случаи нецелевого или неэффективного использования бюджетных средств. Это связано с недостаточной прозрачностью распределения и использования средств, слабым контролем за их расходованием, а также с нехваткой квалифицированных кадров в финансовой сфере на местном уровне. В результате ресурсы могут тратиться не по назначению, а выполнение задач, стоящих перед регионами, оказывается под угрозой. Необходима усиленная система контроля и отчетности по использованию бюджетных средств. Внедрение современных цифровых технологий для мониторинга расходов и автоматизации процессов поможет повысить прозрачность и управляемость межбюджетных отношений. Важно также проводить регулярные аудиты и привлекать независимых экспертов для оценки эффективности реализации программ, финансируемых из бюджетов. Кроме того, следует уделять внимание повышению квалификации работников в бюджетной сфере, организовывать регулярные курсы и семинары, чтобы специалисты могли грамотно управлять средствами и принимать обоснованные решения [4].

Таким образом, решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего расширение налоговой базы, справедливое распределение ресурсов и повышение эффективности бюджетного администрирования. Внедрение предложенных мер поможет создать устойчивую и более справедливую систему межбюджетных отношений, которая будет способствовать росту финансовой самостоятельности регионов и сбалансированному развитию страны.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белаш А.В. Особенности системы межбюджетных отношений в РФ // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2023. № 4. С. 3–10. DOI: 10.18137/RNU.V9276.23.04.P.003.
2. Мартынов И.А. Основы организации межбюджетных отношений // Наука и практика – 2023: Мат-лы Всерос. науч. конф. Астрахань: АГТУ, 2024. С. 108–112.
3. Лапук М.В. Бюджетное регулирование (выравнивание) межбюджетных отношений в России // Наука молодых – будущее России: Сб. науч. ст. VIII Междунар. науч. конф. Курск: Университетская книга, 2023. С. 153–157.
4. Пудова М.В. Особенности проблем межбюджетных отношений в РФ и пути их решения // Научные труды студентов Ижевской ГСХА: Сборник статей. Ижевск: УдГАУ, 2023. С. 685–687.

В.А. БЕРЕЗКИНА

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – А.Г. МОНЕТОВ

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

В настоящей статье рассматривается понятие административно-правовых режимов Российской Федерации, их особенности. Отдельно смещается акцент в сторону таких административно-правовых режимов как режим чрезвычайного положения и режим военного положения, отмечаются их особенности, сходства и различия. Актуальность данной темы обусловлена тем, что исследуемые режимы являются важными институтами государственного регулирования, обеспечивающими сохранение правопорядка, безопасности и суверенитета в условиях кризисных ситуаций. Однако их правовое регулирование сопряжено с рядом проблем, затрагивающих как теоретические аспекты, так и практическую реализацию норм. В статье рассматриваются проблема ограничения прав и свобод, проблема неурегулированности вопроса компенсации ущерба гражданам и юридическим лицам, пострадавшим из-за введения чрезвычайного положения, проблема обобщенности норм, содержащихся в Федеральном конституционном законе «О военном положении».

Ключевые слова: административно-правовые режимы; чрезвычайное положение; военное положение; ограничение прав и свобод; законодательные проблемы.

Согласно ст. 1 Конституции РФ наша страна представляет собой федеративное государство, в состав которого входят 89 субъектов. Таким образом, актуальность существования административно-правовых режимов в России обусловлена необходимостью обеспечения территориальной целостности государства, единства государственной власти и стабильности осуществления государственной власти на всей территории страны.

Административно-правовые режимы в России – это специальные режимы функционирования органов государственного управления, направленные на реализацию возложенных на них полномочий. Они включают в себя комплекс правил поведения населения и юридических лиц, порядок реализации ими своих законных интересов и прав в определенных ситуациях, направленных на обеспечение общественной безопасности и правопорядка [1].

На сегодняшний день на территории Российской Федерации нормативно закреплено несколько административно-правовых режимов: чрезвычайной ситуации, чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции, охраны государственной границы, закрытых административно-территориальных образований, территорий, на которых введено чрезвычайное положение или военное положение и иные, где каждый такой режим имеет характерные для него особенности.

Большинство административно-правовых режимов имеют общие черты:

- устанавливаются в сфере публичного управления и функционирования органов исполнительной власти и регулируются нормами административного права;
- определяют и уточняют правила поведения для граждан, государственных органов и других участников правовых отношений;
- включают дополнительные ограничения и обязанности, а также широко используют меры административного воздействия;
- для обеспечения соблюдения правил вводится дополнительный контроль, а нарушение режима влечет за собой применение дополнительных мер государственного принуждения [2].

Стоит обратить внимание на такие административно-правовые режимы, как режим чрезвычайного положения, режим военного положения. Чрезвычайное положение вводится в условиях угрозы конституционному строю, безопасности государства и граждан, а также в случаях природных и техногенных катастроф. Военное положение, в свою очередь, вводится при вооруженной агрессии против государства или непосредственной угрозе такой агрессии. Регламентация данных режимов осуществляется Конституцией РФ, федеральными конституционными законами: Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также указами Президента РФ, например, Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей».

Регулирование чрезвычайного и военного положения в Конституции РФ осуществляется через ст. 56. Эта норма предусматривает возможность введения отдельных ограничений прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности и защиты конституционного строя. Чрезвычайное положение может быть введено на всей территории страны или в отдельных ее местностях в соответствии с федеральным конституционным законом.

Рассматривая такой административно-правовой режим, как режим чрезвычайного положения, нельзя не отметить, что согласно ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение

ние представляет собой особый правовой режим, который вводится на всей территории России или в отдельных ее регионах согласно Конституции РФ и Федеральному конституционному закону. Этот режим регулирует деятельность государственных органов, местных самоуправлений, организаций разных форм собственности и их руководителей, общественных объединений и предусматривает определенные ограничения прав и свобод граждан, иностранцев и лиц без гражданства, а также дополнительные обязанности для этих групп.

Что же касается военного положения, то в силу ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военном положении» военное положение представляет собой особый правовой режим, который устанавливается на территории Российской Федерации или в отдельных ее регионах Президентом РФ в соответствии с Конституцией страны в случае агрессии против России или при возникновении непосредственной угрозы такой агрессии.

Военное положение и чрезвычайное положение в России имеют ряд общих черт, поскольку оба представляют собой особые правовые режимы, вводимые для защиты государства и общества в условиях кризиса [3]. Так, оба режима направлены на обеспечение безопасности государства, граждан и восстановление конституционного порядка в условиях угрозы, в рамках обоих режимов возможно временное ограничение прав и свобод граждан, а также полномочий организаций; при введении обоих режимов усиливаются меры государственного управления, включая усиление полномочий правоохранительных органов и органов власти; введение как военного, так и чрезвычайного положения сопровождается официальным уведомлением населения о причинах, масштабах и мерах, принимаемых в рамках режима и иные.

Несмотря на значительное число общих черт, военное положение и чрезвычайное положение в России различаются по причинам введения, целям, правовым последствиям и особенностям реализации. Так, в рамках названного ранее Федерального конституционного закона «О военном положении» военное положение вводится при агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозе агрессии (например, нападение, оккупация, блокада, акт вооруженного насилия), а в рамках Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение вводится в случае внутренних чрезвычайных ситуаций, таких как, например, массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, попытки насильственного изменения конституционного строя.

Несмотря на правовую регламентацию данных административно-правовых режимах, в литературе выделяются определенные проблемы реализации исследуемых режимов на территории нашей страны. Так, одной из наиболее обсуждаемых проблем в анализируемой сфере является ограничение прав и свобод, а именно отсутствие четких критериев и границ ограничений [4]. Пример отсутствия четкой детализации пределов и механизмов ограничения прав непосредственно отражается в Федеральном конституционном законе «О военном положении». Возможность использования имущества граждан и организаций для нужд обороны или обеспечения безопасности, а также его изъятие (с компенсацией) устанавливается ст. 7 указанного Федерального конституционного закона. Однако названный нормативно-правовой акт не детализирует, ка-

кие именно ситуации оправдывают конфискацию имущества, оставляя эту меру на усмотрение органов власти. Также указано, что изъятое имущество подлежит компенсации, однако не уточнены сроки, порядок оценки стоимости и процесс обжалования решений о размере компенсации. В условиях неопределенности данное положение может быть использовано для произвольной конфискации имущества, что нарушает принцип правовой определенности и справедливости, а также вызывает социальное недовольство среди граждан. Этот пример иллюстрирует общую проблему отсутствия четких пределов и процедур, что затрудняет защиту прав граждан в период военного положения.

Схожая проблема касается и режима чрезвычайного положения. Механизмы защиты прав граждан в условиях чрезвычайного положения остаются ограниченными, поскольку органы власти в рамках названного Федерального конституционного закона получают значительно расширенные полномочия, ввиду чего теряется возможность эффективного оспаривания решений, связанного с ограничением права того или иного гражданина [5]. Можно сказать, что Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» не содержит четкого порядка обжалования действий властей при ограничении права на передвижение или изъятии имущества, что непосредственно влечет ухудшение правовой защищенности граждан, подрывает доверие к правовой системе в целом. Также стоит обратить внимание на проблему неурегулированности вопроса компенсации ущерба гражданам и юридическим лицам, пострадавшим из-за введения чрезвычайного положения, что в свою очередь создает риск недовольства населения и социальных конфликтов. Важно отметить, что Федеральный конституционный закон «О военном положении» содержит общие положения, не в полной мере охватывающие все аспекты практической реализации. Например, отсутствуют детализированные процедуры эвакуации населения, мобилизации ресурсов и регулирования экономической деятельности.

Для решения сложившихся проблем в рамках проведенного исследования стоит предложить введение в рассмотренные федеральные-конституционные законы положений, содержащих дополнительные гарантии защиты прав и свобод граждан, включая механизмы обжалования решений властей и компенсации ущерба. Также стоит внести изменения, которые бы четко определяли основания и процедуры введения чрезвычайного и военного положения. Это повысит предсказуемость решений и их правовую обоснованность.

Таким образом, проблемы правового регулирования чрезвычайного и военного положения остаются актуальными, т.к. от их решения зависит эффективность реагирования государства на кризисы, защита прав граждан и сохранение правопорядка. Совершенствование нормативной базы, обеспечение прозрачности и правовой определенности должны стать приоритетами в этой сфере. Только сбалансированный подход к правовому регулированию позволит минимизировать риски и обеспечить безопасность в условиях чрезвычайных ситуаций.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ноздрачев А.Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98–110. DOI: 10.12737/24119.

2. Зиборов О.В. К вопросу о понятии и признаках административно-правовых режимов // Общество и право. 2014. № 4. С. 271-273.

3. Керамова С.Н., Тагирова А.Р. Проблемы правового регулирования режимов чрезвычайного и военного положения в России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 32. № 1. С. 43–49. DOI: 10.21779/2500-1930-2017-32-1-43-49.

4. Федоров В.А. Правовой институт исключительного (военного и чрезвычайного) положения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. М., 2003. 231 с.

5. Ильясов М.-С.З. Административно-правовое регулирование общественных отношений при введении чрезвычайного положения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. СПб.: 2006. 201 с.

А.Е. БЛАГОДАРОВ
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Н.Т. ЛЕОНЕНКО

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЯ В ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В статье проводится исследование отдельных правовых и организационных проблем реализации права граждан на обращения в органы публичной власти. Особое внимание уделяется проблемам длительных сроков рассмотрения обращений, направления ответов на обращения за пределами сроков рассмотрения, безусловных продлений сроков рассмотрения обращений, формальных ответов на обращения и отсутствие надлежащего механизма ответственности за предоставление ответов, несоответствующих критериям объективности и всесторонности рассмотрения обращения. На основании исследования, автор предлагает выявленным проблемам несколько правовых решений.

Ключевые слова: обращения граждан; право граждан на обращения; орган публичной власти; сроки рассмотрения обращения; продление срока рассмотрения обращения; ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращения граждан.

Право на обращение в органы государственной власти является фундаментальным правом, закрепленным в конституциях многих государств. В условиях развития демократии в мире, право на обращение является инструментом гражданского участия в процессе управления, а также способом контроля за деятельностью органов власти, что способствует более активному вовлечению граждан в общественно-политическую жизнь. На текущем этапе развития нашего государства, право граждан на обращения в органы публичной власти закреплено в ст. 33 Конституцией РФ и является одним из составных понятий правового государства. Проведенная в 2020 г. реформа и появление в ее результате ст. 75.1, в которой подчеркивается важность взаимного доверия общества и государства, установили конституционную гарантию.

Донося о своих проблемах соответствующим представителям государственной власти, граждане ждут содействия в разрешении поставленных вопросов и защиты своих прав. Для реализации указанного аспекта института обращений граждан в органы публичной власти Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливается административная процедура рассмотрения обращений. Возможность граждан доносить до власти насущные проблемы выражает несколько важнейших функций, в частно-

сти, это способствует снятию социального напряжения, поскольку жалобы оперативно доходят до лиц, способных повлиять на их разрешение, а также любые обращения являются для власти своеобразной «обратной связью» от населения и позволяют обозначить, какие именно вопросы больше всего волнуют граждан.

При реализации права граждан на обращение граждан в области публичной власти возникает множество проблем. Одна из самых популярных проблем, выделяемая многими правоведами, касается сроков рассмотрения обращений. Нормы действующего законодательства предусматривают, что суммарный срок рассмотрения обращения, с учетом его продления по решению государственного органа или должностного лица, составляет 60 дней. Указанное обнажает сразу две существенные проблемы – такой срок рассмотрения может быть чрезмерно долгим для некоторых видов обращений и в законе не совсем четко изложены основания для возможного продления срока рассмотрения обращения.

Многие граждане обращаются в органы исполнительной власти с вопросами, не требующими тщательной проверки или изучением материалов. Очевидно, что в силу простоты таких обращений они могут быть рассмотрены существенно быстрее. В тоже время, некоторые обращения требуют незамедлительного реагирования со стороны органов власти, ожидание в 30, а то и в 60 дней приводит к тому, что вопросы, указанные в обращении, уже теряют свою актуальность. Зачастую на практике даже рассмотренное в установленные сроки обращение все равно поступает к заявителю через значительное время. Указанное также стало предметом исследования А.А. Решетовой [1].

Из Постановления Верховного Суда РФ от 5 июня 2024 г. № 53-АД24-4-К8 следует, что письменное обращение гражданина было рассмотрено должностным лицом в течение 30-ти дневного установленного срока. Однако ответ отправлен был по истечению 8 дней с даты рассмотрения, за пределами срока, установленного нормами Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». При этом, Верховный Суд РФ не посчитал это нарушением порядка рассмотрения обращений граждан, поскольку рассмотрение обращение и отправка ответа представляют собой различные этапы документооборота. С указанным нельзя безукоризненно согласиться. С одной стороны, формально, обращение действительно было рассмотрено в установленный период времени, что подтверждалось выписками из внутренней системы электронного документооборота. С другой стороны, целью рассмотрения обращения является не сам процесс рассмотрения, а ответ, который должен получить заявитель, поскольку, подавая обращение, гражданин заинтересован получить ответ, а представленная судебная позиция позволяет еще больше затягивать этот процесс.

Нормы, предусматривающие основания продления сроков рассмотрения обращений граждан, в настоящий момент переполнены оценочными суждениями. В качестве примера можно привести Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2633-О, согласно которому было отказано в принятии жалобы на нарушение конституционных прав ст. 12 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». По вопросу отсутствия определенных законом оснований, Конституционный Суд РФ указал на то, что использование оценочных характеристик преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

С позицией Конституционного Суда РФ нельзя в полной мере согласиться, т.к. вариативность действительно необходима для эффективного применения, но оценочные суждения должны иметь разумные границы. Чрезмерное использование оценочных понятий является непозволительным в отношениях между неравными субъектами, в данном случае, между гражданами и органами публичной власти. Гражданами достаточно редко предъявляются иски об оспаривании решения о продлении срока рассмотрения обращения. Под исключительным случаем для продления сроков рассмотрения суды понимают необходимость каких-либо дополнительных действий, необходимых для всестороннего рассмотрения обращения. В Кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 ноября 2021 г. № 88а-17592/2021 указывалось на невозможность признать исключительным случаем период временной нетрудоспособности лица, ответственного за рассмотрение обращений. Делается вывод, что внутриорганизационные проблемы государственного органа однозначно не могут считаться основаниями для продления сроков рассмотрения обращений граждан.

Рассмотрение проблемы сроков рассмотрения обращений граждан в органы публичной власти позволяет заключить, что нормы, регулирующие указанные правоотношения, требуют модернизации. В первую очередь, необходимо пересмотреть сроки рассмотрения обращений. Данную необходимость также отмечают в своем исследовании М.С. Шалин и Я.Ю. Старцев [2]. При внесении изменений в законодательство в качестве примера можно обратиться к Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 30 января 2013 г. № 45, где в разделе 5 установлено, что обращения, не требующие дополнительных проверок, должны рассматриваться в течение 15 дней. Указанная формулировка представляется наиболее удачным способом ускорения сроков рассмотрения обращений. Необходимо внести ее в ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Вопрос необоснованного продления сроков рассмотрения обращений может быть решен также путем внесения изменений в действующее законодательство. Предлагается нормативно закрепить, что исключительным основанием для продления срока рассмотрения необходимо считать проведение дополнительных мероприятий, направленных на обеспечение всестороннего рассмотрения. Таковую формулировку необходимо закрепить в ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

На качество реализации права граждан на обращение напрямую влияет качество ответов, предоставляемых должностными лицами. Однако, ответы очень часто носят лишь формальный характер и не содержат разрешения поставленных вопросов. Одной из причин сложившейся ситуации является то, что в действующем законодательстве не предусматривается как таковой административной ответственности за несоответствие письменного ответа критериям объективности и всесторонности рассмотрения обращения. В связи с этим С.П. Степкин в своем исследовании подчеркивает, что по ст. 5.59 Кодекса РФ об административных правонарушениях в основном привлекаются должностные лица, нарушившие сроки рассмотрения обращений, а другие нарушения не поддаются наказаниям [3]. Вместе с тем, существование данной проблемы препятствует достижению главной цели института обращений – взаимодействию населения и органов публичной власти.

Поэтому, вопрос о совершенствовании института ответственности в этой сфере также является актуальным. Решение указанной проблемы должно быть комплексным, в частности, должен быть разработан и внедрен в деятельность по рассмотрению обращений Стандарт качества ответов на обращения, а также должно быть проведено обучение должностных лиц на предмет качественной работы с обращениями. Эффективным решением, направленным на минимизацию данной проблемы, может стать дополнение диспозиции ст. 5.59 Кодекса РФ об административных правонарушениях формулировкой «в том числе несоответствие письменного ответа существу поставленных в обращении вопросов». Указанное позволит недвусмысленно установить обязанность должностных лиц качественно отвечать на обращения граждан.

Таким образом, институт обращений граждан в органы публичной власти не лишен правовых и организационных проблем. Данный институт чрезвычайно важен для демократического общества, в связи с чем наличие выявленных несовершенств, связанных с чрезмерным затягиванием сроков рассмотрения обращений и их безосновательными продлениями, значительно сказывается на взаимоотношениях общества и государства. Основным решением выявленных проблем может стать внесение изменений в ст. 5.59 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а также в ч. 1 и ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Решетова А.А. Проблемы организации работы с обращениями граждан в органах государственной власти и местного самоуправления // Документальное наследие и историческая наука: Мат-лы Уральского историко-архивного форума. Екатеринбург: УрФУ, 2020. С. 298–304.
2. Шалин М.С., Старцев Я.Ю. Цифровой муниципалитет: сроки рассмотрения обращений граждан // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 6. С. 11–15. DOI: 10.34076/22196838_2022_6_11.
3. Степкин С.П. Проблемы исследования объективности и всесторонности рассмотрения обращений // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. С. 34–37. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-11-34-37.

В.А. БОКОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – У.Э. СЕИТБЕКIROVA

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена актуальным вопросам права на забвение в цифровую эпоху. Рассматриваются ключевые аспекты данного права, включая необходимость защиты личной информации, влияние старых данных на репутацию, а также проблемы, связанные с удалением устаревшей или недостоверной информации из онлайн-пространства.

Ключевые слова: право на забвение; защита личности; конфиденциальность; персональные данные; цифровизация.

В современном мире, стремительно развивающемся под влиянием информационных технологий и цифровизации, возникает необходимость пересмотра традиционных правовых норм и юридического закрепления новых групп прав.

В условиях, когда информация о человеке может быть использована против него в самых разных контекстах – от трудоустройства до личных отношений – наличие правовой основы для удаления устаревших или ложных сведений становится жизненно важным. Каждый день в сети Интернет формируется огромный объем данных о каждом пользователе. Личностные характеристики, истории, фотографии и различные мнения могут оставаться доступными в поисковой системе на протяжении многих лет, независимо от того были ли они актуальны в момент публикации и после этого, желало ли конкретное лицо о том, чтобы его персональные данные распространялись. Кроме того, возникает риск для личной жизни отдельных людей – информация, которая когда-то была безобидной или даже положительной, может трансформироваться в источники дискриминации и стигматизации. Это порождает вопрос о необходимости контроля передачи сведений о себе, возможности истребовать удаление или ограничение доступа к информационному источнику, который может негативно повлиять на честь, репутацию, достоинство, психоэмоциональное здоровье и частную жизнь.

Данную проблему могло бы решить так называемое «право на забвение» (с англ. <right to be forgotten>) или «право на удаление информации». В науке существует множество подходов к определению сущности данного права. Например, оно отождествляется с правом человека отозвать свое согласие на обработку персональных данных, в т.ч. и правдивой, изначально законно обрабатываемой информации, если она будет признана неадекватной, нерелевантной или чрезмерной по отношению к цели обработки [1]. Несколько иначе дается толкование этого понятия в Апелляционном определении Краснодарского краевого суда от 23 мая 2019 г. по делу № 33-13217/2019: «право на забвение означает право гражданина, позволяющее ему потребовать при определенных условиях удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы, т.е. ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред».

В ряде стран, это право закреплено в законодательстве или судебной практике (например, в Регламенте (ЕС) 2016/679 о защите персональных данных, который предоставляет гражданам возможность требовать удаления их личной информации из поисковых систем и интернет-ресурсов). В России данное право не имеет отдельного нормативного регулирования, но его можно рассматривать как производное от других прав и свобод. Так, Конституция РФ гарантирует каждому право на уважение его достоинства и частной жизни, что создает основу для защиты от несанкционированного распространения информации, которая может негативно сказаться на репутации личности [2]. Гражданский кодекс РФ в ст. 152 закрепляет право гражданина требовать удаление сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, ставших доступными в сети Интернет. С практической точки зрения, достаточно проблематично обеспечить реализацию данного положения, и это обусловлено рядом причин:

1) возможность мгновенного копирования и распространения информации от одного источника к множеству других;

2) особенности хранения данных в больших центрах обработки данных и на серверах;

3) неравномерное распределение данных между источниками;

4) неосведомленность самих пользователей.

Кроме вышеупомянутых нормативных положений, содержание права на забвение можно рассматривать с учетом внесенных поправок в законодательство об информации. В Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст.ст. 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» заинтересованным лицам было предоставлено право требовать от операторов поисковых сетей прекращения распространения информации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. Так, заявитель может направить непосредственное требование оператору с указанием страницы сайта в сети Интернет и основания для прекращения выдачи ссылок поисковой системы. В течение десяти дней с момента получения требования заявителя оператор обязан прекратить выдачу ссылок на информацию, указанную в требовании заявителя, а также уведомить об этом заявителя или направить заявителю мотивированный отказ. Заявитель, не согласный с отказом оператора вправе обратиться в суд.

Однако, судебная практика по данному вопросу весьма неоднозначна. Так, решением Пресненского районного суда г. Москвы от 9 ноября 2016 г. по делу № 2-8096/2016, вынесенному по иску гражданина к Google Inc. о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации об истце в сети Интернет, было установлено, что иск подлежит отклонению в связи с тем, что истец не представил в суд доказательств того, что указанная в исковом заявлении информация является недостоверной и одновременно неактуальной, утратившей значение для истца. При этом доводы Истца о том, что сведения 12-летней давности, не могут свидетельствовать об актуальности такой информации, были отклонены судом, поскольку являются субъективной оценкой истца.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что для реализации данного права необходимо, чтобы информация соответствовала одновременно трем критериям: недостоверность, неактуальность и утрата значения. В связи с чем, возникает вопрос о том, что следует понимать под этими отвлеченными понятиями и какие признаки будут определяющими для этих критериев в рамках правоприменительной деятельности. Предположим, гражданин желает удалить информацию о misdemeanor (незначительном правонарушении), совершенном им много лет назад. Может ли он требовать удаления этой информации на том основании, что она больше не отражает его текущее состояние и поведение? Утратило ли данное правонарушение значение для оценки его личности в настоящем времени? Или может ли ресторанный бизнес требовать удаления старых негативных отзывов о качестве обслуживания, если они были оставлены до изменения управления и стандартов обслуживания? Должен ли пользователь учитывать изменения в операционной деятельности при оценке актуальности таких отзывов?

Весьма проблематично дать однозначные ответы на поставленные вопросы, поскольку на момент публикации эта информация могла соответствовать указанным выше трем критериям. В связи с чем, в науке существует дискуссия о том, правомерно ли удаление такой информации.

В рамках нормативного регулирования стоит также упомянуть Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». В данном акте в качестве уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных закреплен федеральный орган исполнительной власти. Устанавливается, что данный орган обязан рассматривать жалобы и обращения граждан или юридических лиц по вопросам, связанным с обработкой персональных данных, а также принимать в пределах своих полномочий решения по результатам рассмотрения указанных жалоб и обращений; вести реестр операторов, принимать меры по прекращению обработки персональных данных. Также, в соответствии с этим законом, у граждан есть возможность требовать удаления своих персональных данных из баз данных организаций (если эти данные были собраны незаконно или больше не нужны для целей, для которых они были собраны), возмещения убытков и (или) компенсации морального вреда в судебном порядке. Эти правовые блоки можно интерпретировать как признание права на забвение, хотя и в ограниченном объеме. С учетом поправок в Федеральный закон «О персональных данных» с 1 марта 2023 г. операторы при уничтожении ПД обязаны составлять специальный документ – акт об уничтожении персональных данных, также были введены новые степени оценки вреда (три категории: высокая, средняя или низкая). Подобные изменения очень влияют на формирование судебной практики в этой сфере [3].

Важная роль в защите прав субъектов отводится самим интернет-платформам, социальным сетям, поисковым системам, которые имеют свои собственные правила и механизмы обработки информации. В связи с этим, право на забвение требует от пользователей активных действий, чтобы инициировать удаление своих данных. Это может включать в себя взаимодействие с администрацией платформ, обращение в специальную поддержку, составление заявки. Так, для удаления информации о себе в поисковой системе «Яндекс» необходимо заполнить соответствующую анкету, которая должна содержать сведения о личности заявителя, о URL страницы, которую лицо хочет удалить, с указанием оснований (недоверенность, неактуальность, несоответствие законодательству Российской Федерации).

При этом практика применения права на забвение в России также сталкивается с рядом вызовов. В соответствии с пп. 4 и 5 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Гарантируется свобода массовой информации, цензура запрещается. В связи с этим возникает определенная дилемма: как защитить права одного субъекта на информацию, не посягая на интересы другого (в т.ч. общественные)?

Кроме того, следует отметить, что право на забвение не является абсолютным. Оно может быть ограничено в интересах защиты прав других лиц, общественной безопасности или в целях предотвращения преступлений. Это означает, что в некоторых случаях информация может оставаться доступ-

ной, даже если субъект данных требует ее удаления. Так, в соответствии со ст. 10.3 закона об информации оператор поисковой системы вправе не удалять ссылки, если информация содержит сведения: о событиях, составляющих признаки уголовно наказуемых деяний (сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли), и о совершении гражданином преступления (по которому не снята или не погашена судимость).

Помимо этого, право на забвение не может применяться к информации, касающейся общественно значимых событий или лиц, занимающих публичные должности. Это связано с тем, что общество имеет право знать о действиях таких лиц, и их репутация может быть важна для общественного контроля. В этом контексте право на забвение становится инструментом, который должен быть сбалансирован с другими правами и интересами, что требует от судов особой осторожности и взвешенности в принятии решений. В остальных же ситуациях, не всегда ясно, какие сведения могут считаться «негативными» и подлежащими удалению, а какие – необходимыми для общественного интереса.

Представляется, что более детальное правовое оформление данных аспектов, позволило бы урегулировать взаимоотношения между неограниченным количеством субъектов в информационном поле.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подрабинюк Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 290–300.
2. Герасимова Е.В. Право на забвение в практике органов конституционного правосудия Российской Федерации и ФРГ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 170–187. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-170-187.
3. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova.

Е.А. БОРИСОВА

Научный руководитель – Ю.В. ПОНОМАРЕВА

ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ: ОПЫТ АНАЛИЗА ПРАВОВЫХ НОРМ

Данная статья рассматривает актуальные вопросы регулирования обеспечения информационной безопасности на примере законодательства США. Рассматривается эффективность и целесообразность американских нормативных правовых актов в сфере безопасности данных, а также их соответствие международным стандартам. С помощью сравнительно-правового анализа законодательства США и других зарубежных стран авторы делают выводы о состоянии правовой системы обеспечения информационной безопасности США.

Ключевые слова: информационная безопасность; Соединенные Штаты Америки; безопасность данных; персональные данные; конфиденциальность; кибербезопасность; правовое регулирование.

В настоящее время правовое регулирование информационной безопасности в США является достаточно объемным и многоуровневым, потому как включает в себя законы и нормативные правовые акты как федерального уровня, так и уровня штатов.

Наиболее значимыми из них являются следующие:

1. Федеральный закон «Об информационной безопасности» (Federal Information Security Management Act, FISMA). Закон признал важность информационной безопасности для интересов экономики и национальной безопасности США. Он определяет политику в области обеспечения информационной безопасности на федеральном уровне.

2. Закон «О кибербезопасности» (The Cybersecurity Information Sharing Act). Он создает систему для федеральных агентств, чтобы получать информацию об угрозах от частных компаний [1], а также устанавливает меры по защите от киберугроз информационной инфраструктуры страны в целом.

3. Закон «О конфиденциальности и защите данных» (American Data Privacy and Protection Act). Направлен на регулирование того, как организации хранят и используют данные потребителей. В законе несколько основных принципов: минимизация данных, индивидуальная собственность и частное право на иск. Бремя оценки программ каждой организации ложилось на организацию. Закон требует от организаций принятия мер для защиты персональных данных и уведомления пострадавших лиц в случае утечки.

4. Закон «О конфиденциальности электронной коммуникации» (Electronic Communications Privacy Act) ограничивает доступ к переписке и другим данным, передаваемым через электронные средства связи. В частности, защищает сообщения, хранящиеся в электронном хранилище, в частности сообщения, хранящиеся на компьютерах. А также запрещает использование перьевых регистраторов и/или устройств ловушки и отслеживания для записи набора номера, маршрутизации, адресации и сигнальной информации, используемой в процессе передачи проводных или электронных сообщений без постановления суда.

5. Закон «О защите конфиденциальности детей в Интернет» (Children's Online Privacy Protection Act) ограничивает сбор и использование личной информации детей младше 13 лет без согласия родителей. Этот закон защищает конфиденциальность детей, предоставляя родителям инструменты для контроля того, какая информация собирается у их детей в Интернете.

6. Закон «О свободе информации» (Freedom of Information Act) обеспечивает гражданам доступ к государственным документам, за исключением тех, которые могут нарушить национальную безопасность или личные данные граждан. Стоит отметить, что закон был призван сделать функции правительственных агентств США более прозрачными, чтобы американская общественность могла легче выявлять проблемы в работе правительства и оказывать влияние на Конгресс, должностных лиц агентств и президента с целью их решения [2].

7. Федеральный закон о модернизации кибербезопасности (Federal Information Security Modernization Act of 2014) внес поправки в действующие законы, чтобы позволить федеральному правительству эффективнее реагировать на кибератаки на департаменты и агентства. Требует от федеральных агентств внедрения современных методов кибербезопасности.

В настоящее время довольно остро стоит вопрос о защите персональных данных пользователей в сети. Разные государства с каждым годом разрабатывают новые технологии, применяют различные средства и методы по информационной конфиденциальности. Однако полной защиты не гарантируют. С каждым днем находятся способы обойти системы защиты и получить доступ к личным данным.

Международный союз электросвязи (МСЭ, ITU) представил Глобальный индекс кибербезопасности за 2024 г. [3]. Индекс оценивает национальные усилия стран для обеспечения кибербезопасности по пяти направлениям: правовые, технические и организационные аспекты, развитие потенциала, а также уровень сотрудничества. Данные собирались на основе опросников, заполняемых представителями каждой страны.

Государства сгруппированы по пяти уровням: «Образец для подражания» (Role-Modelling, включает 46 стран), «Прогрессирующий» (Advancing, 29 стран), «Формирующийся» (Establishing, 49 стран), «Развивающийся» (Evolving, 56 стран) и «Начальный» (Building, 14 стран). В документе впервые не приводится сводный рейтинг стран.

США в данном индексе относится к категории «Образец для подражания» наряду с Сингапуром, Францией, Германией, Великобританией, Австралией и Объединенными Арабскими Эмиратами. В то время как Российская Федерация пока что входит во вторую группу – прогрессирующие, вместе с Китайской Народной Республикой, Швейцарией, Канадой и Мексикой.

Важно отметить, что в 2018 г. В Соединенных Штатах была разработана Национальная киберстратегия, укрепившая законодательную базу США в сфере обеспечения информационной безопасности. В Стратегии указаны способы защиты компьютерных сетей, систем и данных, а также включены положения о необходимости сохранять мир и безопасность в киберпространстве, но в случае необходимости жестоко наказывать нарушителей. Стратегия также подчеркивает необходимость расширения американского влияния во всем мире.

Таким образом, анализ нормативной правовой базы, позволяет сделать вывод о том, что реализуемая в настоящее время правовая система обеспечения информационной безопасности США, находится на достаточно высоком уровне.

Сравнивая правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в США с другими государствами, можно сделать следующие выводы:

1. В США, как и в Российской Федерации действует многоуровневая система правового регулирования обеспечения информационной безопасности.

2. Законодательство, регулирующее свободу доступа к информации и информационным технологиям, действует также в Российской Федерации, Великобритании.

3. Все страны стараются активно бороться с киберугрозами и разрабатывают стратегии по защите критической информационной инфраструктуры. Так, например, «Зеленая дамба» (Green Damba) и «Золотой щит» (The Golden Shield Project) в Китае. Данные программы позволяют осуществлять мониторинг и фильтрацию информационных данных в сети.

4. В некоторых странах, таких как Германия, существуют более строгие нормы по обеспечению конфиденциальности персональных данных, чем в США.

5. Практически для всех государств Европы (входящих в Европейский союз) введен Общий регламент по защите данных (GDPR), который регулирует сбор, хранение и обработку персональных данных лицами, находящимися на территории Европейского Союза или в отношении лиц, находящихся на территории Европейского Союза.

По нашему мнению, важно учитывать, что в сфере информационной безопасности нет универсального решения, и каждая страна должна разрабатывать свои собственные стратегии и законы в этой области. Необходимо принимать во внимание международные стандарты и законодательство других стран при разработке стратегий по обеспечению информационной безопасности. Переняв лучшие практики и опыт у других стран, включая США, государства смогут обеспечить более эффективную защиту персональных данных своих граждан и пользователей сети.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Kominsky M. The Current Landscape of Cybersecurity Policy: Legislative Issues in the 113th Congress // Harvard Law School National Security Journal. 2014. February 6th.
2. Hickman K.E., Pierce R.J. Jr. Federal Administrative Law: Cases and Materials. St. Paul, Minnesota: Foundation Press, 2014. 1078 p.
3. Сидненко Г.Ф. Информационное противодействие терроризму: политологический аспект: Монография. М.: Тринумф, Лучшие книги, 2019. 220 с.

Г.В. БУРМИСТРОВ
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – С.И. ГЛУШКОВА

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ФОРСАЙТА:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Форсайт и общественный контроль имеют сходные существенные черты и построены на частично совпадающих принципах. В условиях глобальной конкуренции политико-правовая технология управления форсайт может способствовать развитию системы общественного контроля в России.

Ключевые слова: политические технологии; форсайт; прогнозирование; управление; общественный контроль; гражданское общество.

В условиях глобальной конкуренции стратегическое прогнозирование является неотъемлемой частью политико-правовых отношений наднациональных союзов и государств. Методы прогнозирования помогают разработчикам политических стратегий и планов ориентироваться в неопределенности будущего и структурно, детально изучать альтернативные сценарии будущего. К одной из научно обоснованных технологий изучения социально-политических процессов, которые с определенной степенью вероятности будут происходить в будущем, относится форсайт.

Под форсайтом понимается политико-правовая технология управления, создаваемая коллективом заинтересованных субъектов с использованием общенаучных и специфических методов, с целью построения сценариев будущих общественных отношений в сфере публичной власти [1]. Политико-правовая технология форсайта побуждает стейкхолдеров вступать между собой в формальные и неформальные коллаборации.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. № 212 ФЗ, под общественным контролем понимается «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений». Из данной дефиниции можно сделать вывод, что существенной чертой института и процесса общественного контроля также является коллективное взаимодействие заинтересованных субъектов.

Среди положительных моментов технологии форсайта можно отметить: информативность – осведомленность о планах и мыслях других людей по поводу будущего, осмысление новых идей и представлений о перспективном развитии и их освоении политической практикой, а также общее видение вызовов и возможностей, содействующих достижению консенсуса по вопросам обеспечения договоренностей в ходе политических переговоров [2]. Форсайт формируется там, где имеет место повышенная активность граждан, где уважаются партикулярные интересы, где поддерживаются гражданские инициативы, где уровень гражданской культуры не является аристократическим изыском [3].

Таким образом, существенными чертами политико-правовой технологии форсайт, *inter alia*, являются: во-первых, активная, деятельная позиция всех заинтересованных субъектов; во-вторых, диалог, стремление к консенсусу, общее видение будущего стейкхолдерами. Что с одной стороны развивает гражданскую субъектность, а с другой способствует созданию дополнительного механизма общественного контроля.

Общественный контроль также предполагает осведомленность о принимаемых решениях органов публичной власти, поскольку это является необходимым условием для достижения цели общественного контроля – анализа и оценки издаваемых уполномоченным субъектом актов.

Еще одной важной характеристикой форсайт-технологии, отличающей его от прогнозирования и планирования, является сам непрерывный процесс работы с будущим, и ценность имеет не только продукт (документ), но и сама система взаимодействия участвующих в процессе экспертных сообществ [4]. Постоянно участвуя в процессе форсайта, стейкхолдеры не только вступают в постоянный диалог, с помощью консенсуса вырабатывают наиболее приемлемый сценарий завтрашнего дня, но и контролируют реализацию намеченного плана, дорожной карты к желаемому будущему. Тем самым, с помощью политической технологии форсайт создается еще один механизм общественного контроля.

Наблюдения за деятельностью органов субъектов публичной власти также растянуто во времени и носит повторяющийся, системный характер. Поэтому форсайт и общественный контроль в методологическом плане являются процессом и связаны с активной гражданской позицией субъектов политики.

У политико-правовой технологии форсайта и общественного контроля также можно выявить сходные принципы регулирования. Принципы правового регулирования, как основные начала, определяют сущность и направление развития всего комплекса правовых норм, как единого целого, в рамках одной правовой системы либо в конкретной сфере общественных отношений, подлежащих регулированию [5]. Главным отличием основных начал организации системы общественного контроля является то, что они формально определены и установлены в нормативных правовых актах. Основные принципы форсайта, напротив, формально не определены и не установлены нормативными правовыми актами.

С помощью ряда методов (сравнительного анализа, формально-логического) рассмотрим соблюдение (совпадение/несовпадение) регулирующих и системообразующих принципов, положенных в основу, как политико-правовой технологии форсайта, так и системы организации общественного контроля, установленной Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Полученные данные представлены в сравнительной таблице 1.

Таблица 1. Регулирующие и системообразующие принципы политико-правовой технологии форсайта и системы общественного контроля

№ п/п	Принцип	Общественный контроль	Форсайт	Вывод: совпадает/ не совпадает
1	Приоритет прав и законных интересов человека и гражданина	Является целью. Закреплен в нормативном правовом акте	Является целью. Не закреплен в нормативном правовом акте	Частичное совпадение
2	Добровольность участия	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает
3	Самостоятельность субъектов. Их независимость от органов государственной власти и местного самоуправления	Соблюдается	Частично соблюдается. Стейкхолдеры могут зависеть и не зависеть от органов власти	Частичное совпадение
4	Публичность, открытость деятельности и общественный характер обсуждения	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает
5	Законность деятельности	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает
6	Объективность, беспристрастность, добросовестность, достоверность результатов	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает

Продолжение таблицы

7	Обязанность рассмотрения органами государственной власти и местного самоуправления итоговых документов	Соблюдается	Не соблюдается	Не совпадает
8	Многообразие форм, инструментов	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает
9	Не допустимость вмешательства в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает
10	Презумпция добросовестности органов государственной власти и местного самоуправления	Соблюдается	Соблюдается	Совпадает
11	Не допустимость вмешательства в сферу деятельности политических партий	Соблюдается	Частично соблюдается. Может применяться в деятельности политических партий	Частичное совпадение
12	Соблюдение нейтральности субъектов, исключение возможности воздействия на них политических партий	Соблюдается	Частично соблюдается. Могут принимать участие представители политических партий	Частичное совпадение

Сравнительный анализ данных в приведенной выше таблице позволяет сделать вывод, что большая часть из 12 основополагающих начал регулирования организации технологии форсайта и системы общественного контроля совпадают (7 совпадают и еще 4 – частично). Система организации общественного контроля и технология форсайта построены на схожих основополагающих регулирующих принципах. Это можно объяснить, во-первых, сходством характеристик объекта исследования: в обоих случаях им являются общественные отношения, связанные с реализацией различными субъектами функции управления. Во-вторых, частично совпадают главные цели системы организации общественного контроля и технология форсайта, которые призваны послужить достижению устойчивого развития общества, государств и наднациональных союзов. В-третьих, подобны друг другу имманентные сущности системы организации общественного контроля и технологии форсайта: они присущи демократическому обществу, с развитой политической и правовой культурой граждан.

В качестве итога можно сделать вывод, что использование технологии форсайт в политико-правовых сферах способствует формированию системы общественного контроля. Форсайт и общественный контроль в методологическом плане являются процессом и связаны с активной гражданской позицией субъектов политики.

Система организации общественного контроля и технология форсайта построены на схожих основных принципах регулирования, которые имеют совпадающий объект исследования; призваны послужить достижению устойчивого развития общества, государств и наднациональных союзов; присущи современному демократическому обществу, с развитой политической и правовой культурой граждан.

Рекомендуем дальнейшее применение форсайт технологии, которая будет способствовать также развитию системы общественного контроля в Российской Федерации, что в целом положительно должно повлиять на развитие демократических институтов в нашей стране. Обеспечит дальнейшее устойчивое развитие России в условиях глобальной конкуренции.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бурмистров Г.В. Проблемы применения технологии форсайта в политико-правовых исследованиях // Образование в XXI веке: между рутинной и творчеством: Сб. мат-лов и докл. XXVI Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024. С. 273-280.
2. Циренщиков В.С. Новый стратегический форсайт в ЕС // Современная Европа. 2021. № 7. С. 50–60. DOI: 10.15211/soveurope720215060.
3. Околеснова О.А. Новое прочтение принципов общественного контроля в контексте Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Труды по интеллектуальной собственности. 2014. Т. 19. № 4. С. 64–77.
4. Крымова Э.И. Форсайт как политическая коммуникативная технология // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4. С. 297–300.
5. Южанинова К.А. Общие принципы правового регулирования культуры в Российской Федерации на современном этапе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12–4. С. 178–181. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-12021.

С.Ш. ИРГИТ

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Е.В. ВАЙМЕР

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

В статье анализируется эффективность конституционно-правовых механизмов, обеспечивающих информационную открытость судебной власти. Автор подчеркивает проблему, заключающуюся в том, что в правоприменительной деятельности не всегда удается получить доступ к информации о деятельности судов, вследствие чего конституционное право граждан на данную информацию часто нарушается. На основании проведенного исследования, предлагаются пути совершенствования конституционно-правового регулирования информационной открытости судебной власти.

Ключевые слова: конституционно-правовое регулирование; доступ к информации о деятельности судов; информационная открытость судебной власти; конституционное право на информацию; механизм защиты нарушенного права.

В ст. 1 Конституции РФ устанавливается, что Российская Федерация является демократическим и правовым государством. Одним из фундаментальных элементов такого государства является открытая и прозрачная деятельность су-

дов. Деятельность судов как часть государственно-властного механизма должна быть доступной для общества, в связи с чем конституционно-правовое регулирование в области правосудия имеет свою специфику и на сегодняшний день не имеет полного и всестороннего теоретического осмысления.

В законодательстве и правоприменительной практике уже несколько десятилетий остро стоит проблема доступа к информации о деятельности судов как органов государственной власти. Такая закономерность подтверждается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., которая подчеркивает, что одним из основополагающих национальных интересов является развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и органов власти, при формировании информационного пространства учитывается потребность общества в получении качественных и достоверных сведений.

Основой для формирования правоотношений, связанных со свободой доступа к информации о деятельности судов, является правовая база, включающая соответствующие положения. Центральное место в массиве нормативных правовых актов, регулирующих доступ к информации о деятельности судов, занимает Конституция РФ. Так, исходя из контекста ч. 4 ст. 29 Конституции РФ следует, что любое заинтересованное лицо имеет право на доступ к информации о деятельности судов. Отсюда следует, что право на доступ к такой информации является конституционным. В ст. 123 Конституции РФ устанавливаются такие важные требования, относящиеся к доступности информации о деятельности судов, как открытость судебных разбирательств, ограниченность закрытых судебных заседаний и недопустимость заочных разбирательств.

В своем исследовании Н.Е. Колобаева отмечала, что принятие специального закона разрешит многие существующие проблемы, создающие препятствия в получении информации о деятельности судов [1]. Однако, после принятия Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» в практике появились сложности, обусловленные различным толкованием норм. Установленное Конституцией РФ право на доступ к информации иногда воспринимается как право на любую информацию, но буквальное толкование формулировки «информация о деятельности судов», закрепленной в ст. 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» сужает используемое понятие и относит к нему только информацию, подготовленную в пределах полномочий судов.

На практике не всегда удается получить доступ к информации о деятельности судов, поэтому зачастую конституционное право граждан нарушается. Как отмечает А.О. Коновалов, реализация законодательства в этой сфере не позволяет получить доступ даже к социально важной информации [2]. С этим можно согласиться, поскольку зачастую гражданам предоставляется возможность получения только той информации, которая затрагивает их права и свободы.

Государством еще не так давно была избрана направленность на открытую и прозрачную деятельность судов, механизм по защите нарушенного конституционного права на информацию о деятельности судов еще не является отлаженным. Текущее состояние конституционного нормативного регулирования и несоответ-

ствие ему федерального законодательства препятствует достижению целей демократического правового государства и информационного общества – доступности судебной власти. Негативным последствием этого становятся бесосновательные отказы судов на запросы об информации или ходатайства о фиксации хода судебного процесса, игнорирование необходимости ведения официальных сайтов судов, скептическое отношение субъектов судебной системы к открытости деятельности.

Для совершенствования возможности реализации конституционного права на доступ к информации о деятельности судов важно уделить внимание следующим аспектам: формулирование расширительного понятия «информация о деятельности судов» на законодательном уровне, внедрение механизмов обжалования отказов судов в предоставлении информации по запросам и по ходатайствам, закрепление требований, предъявляемых к официальным сайтам судов, разработка института ответственности должностных лиц за нарушения, связанные с доступностью информации о деятельности судов.

В процессе реформирования важно сохранить баланс конституционных принципов публичности и конфиденциальности правосудия. Их противостояние заключается в том, что лицо, обращающееся в суд не всегда заинтересовано в огласке обстоятельств дела, но судебное разбирательство изначально предполагает публичный характер. Как отмечает В.С. Бахарева, моральные основания необходимости ограничения публичности правосудия не должны препятствовать сбору доказательственной базы для разрешения дел [3]. Пределы конституционного принципа публичности нуждаются в правовой урегулированности.

Таким образом, система конституционно-правовых механизмов, предназначенных для обеспечения информационной открытости судебной власти, является несовершенной. Среди направлений совершенствования правового регулирования отмечается расширение понятия «информация о деятельности судов», внедрение механизмов обжалования отказов судов в предоставлении информации по запросам и по ходатайствам о фиксации хода судебного процесса, а также предъявление требований к официальным сайтам судов и разработка института ответственности должностных лиц за нарушения в этой сфере. Установление пределов конституционного принципа публичности положительно отразится на регулировании исследуемого права, т.к. сохранит баланс интересов между лицами, заинтересованными в конфиденциальности данных, и лицами, желающими получить информацию о ходе определенных дел.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Колобаева Н.Е. Право на доступ к информации о деятельности органов власти // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 1. С. 16–22.
- 2 Коновалов А.О. Реализация права на доступ к информации о деятельности судов в Российской Федерации (на материалах Сибирского федерального округа) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2011. Т. 7. № 2. С. 36–48.
- 3 Бахарева В.С. К вопросу о соотношении конституционно-правового принципа публичности и конфиденциальности правосудия // Science Time. 2016. № 3. С. 69–72.

О.И. КАИЧЕВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Е.Н. АБАНИНА

НЕДЕЙСТВУЮЩИЕ КЛАДБИЩА КАК УГРОЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В работе поднимается вопрос о целесообразности распространения действия нормативно-правовых актов в сфере захоронения на недействующие кладбища в связи с необходимостью устранения экологической угрозы их негативного воздействия на воды и почвы, а также о их перезахоронении при наличии экологической угрозы.

Ключевые слова: места захоронения; кладбища; экологическое право; экологическая угроза; недействующие кладбища.

Исторически кладбища выполняют ключевую роль в жизни государства и общества. Предание тела умершего человека земле позволяло ликвидировать возможность распространения эпидемий и пандемий, что влекло уменьшение и без того высокого уровня смертности от тифа, холеры, скарлатины и иных инфекционных заболеваний. Проблема влияния кладбищ на экологию обусловлена биологическими процессами, происходящими после смерти человека. Это влечет так называемый «каскадный» эффект – разлагающиеся останки негативно влияют на экологическое состояние почв, подземных и поверхностных вод. В связи с этим функционируют Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», СанПиН 2.1.2882-11, СанПиН 2.1.3684-21, устанавливающие кроме прочего требования к размещению содержанию мест погребения. В частности, п. 4 ст. 17 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» указывает на обязанность органов местного самоуправления принять меры по устранению допущенных нарушений санитарных и экологических требований. Однако как данная обязанность, так и в целом нормативно-правовое регулирование захоронения в Российской Федерации, не распространяются на недействующие кладбища. Под ними можно понимать места бывших захоронений, которым не присущи актуальные признаки кладбища: они не учтены в реестрах кладбищ, а соответственно не находятся в ведении органов местного самоуправления, в связи с чем на них не ведутся новые захоронения.

Требования к размещению и функционированию кладбищ в отмеченных нормативно-правовых актах были выработаны в результате многовековой практики захоронения людей. Например, по данным электронного ресурса Городской ритуальной службы, указанным в статье «Похоронное дело в Российской Империи», исторически лишь с 1657 г. начались попытки урегулировать захоронения: запретили похороны на территории Кремля, сформулировали требования к определению границ погостов, поводом к чему выступили, разумеется, эпидемии распространяющихся инфекционных заболеваний, а в период правления Екатерины Второй начала появляться практика дислокации кладбищ исключительно за пределами населенных пунктов. Сейчас же в соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона «О погребении и похоронном деле», это является непоколебимым правилом: «Вновь создаваемые места погребения должны размещаться на расстоянии

не менее 300 метров от границ селитебной территории». Однако, отмечая усвоение опыта захоронений законодателем в вопросах правового регулирования размещения мест захоронений, автором делается вывод о том, что в настоящий момент правовое регулирование не позволяет уберечь экологию от негативного воздействия недействующих кладбищ. Так, на территории Ровенского района Саратовской области находится с. Кочетное (ранее именовавшееся Гельцель), в котором со времен Екатерины II по годы Великой Отечественной войны проживали поволжские немцы. На территории погоста, находящегося в 3–4 км от села, на протяжении веков (до 1941 г.) хоронили немцев Поволжья. Создание Волгоградского водохранилища сделало русло Волги существенно шире, в связи с чем старинное кладбище оказалось на берегу Волги. Это привело к тому, что останки захоронений оказались без какого-либо защитного материала в виде дерева или металла не только на береговой полосе, но и в самих водах самой длинной реки Европы. Рассмотрим данную проблему с точки зрения экологического права.

Во-первых, согласно пп. 3 п. 2 ст. 16 Федерального закона «О погребении и похоронном деле»: «Не разрешается устройство кладбищ на берегах озер, рек и других поверхностных водных объектов, используемых населением для хозяйственно-бытовых нужд, купания и культурно-оздоровительных целей». На уровне правил, установленных СанПиНом 2.1.2882-11 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения», отмечается, что участок, отводимый под кладбище, не должен затопляться при паводках, а также должен иметь сухую, пористую почву с допустимым уровнем влажности 6-18%. В данном случае стоит отметить формальное соблюдение норм: кладбище является недействующим, отсутствует в реестрах кладбищ Саратовской области. Более того, данное кладбище было создано задолго до вступления в силу указанного федерального закона и СанПиНов, а значит не подпадает под сферу их действия. По нашему же мнению, действие указанных положений должно распространяться на ситуацию в с. Кочетное и все другие недействующие кладбища. Сущностью этих правил является запрет на существование кладбищ на берегах рек и иных водоемов, а также в затопляемых и влажных местах. Более того, законодатель говорит о необходимости целевого использования населением данного водоема: для хозяйственно-бытовых нужд, купания и культурно-оздоровительных целей. Безусловно, жители с. Кочетное используют воду из реки Волга в соответствии с указанными целями.

Во-вторых, возникает вопрос о возможных последствиях нахождения кладбища на берегу реки и иного водоема. Г.В. Бургановой отмечается, что «вода является основным средством распространения для загрязняющих веществ, перенося их в более глубокие слои почвы или на поверхность. В целом, загрязняющие вещества в подземных водах ослабевают с увеличением расстояния от источника» [1]. Т.е. речь идет о том, что все возможные инфекционные заболевания посредством воды могут привести к заражению огромного количества людей – к эпидемии. Так, например, на момент 1832 г. в с. Гельцель (ныне Кочетное) умерло за год 212 человек, 153 из которых умерло от оспы [2] (около 72% умерших), т.е. особо опасной вирусной инфекции. Более того, Поволжье (Саратовская и Астраханская губернии) всегда «славилось» эпидемиями чумы

в силу близкого расположения к азиатским странам [3]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что на немецком кладбище в с. Кочетное земля полна различными инфекциями (тиф, оспа, холера, скарлатина, чума).

В-третьих, с точки зрения экологического права возникает вопрос о дальнейшей судьбе кладбища, существование которого угрожает безопасности жителей Поволжья. Недействующие кладбища в настоящее время не входят в предмет регулирования федерального законодательства, что является значительным упущением. В Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» имеется лишь схожая по своей сути ст. 22 о специфических захоронениях – старых военных и ранее неизвестных. Под такими в п. 1 указанной нормы понимаются «захоронения погибших в боевых действиях, проходивших на территории Российской Федерации, а также захоронения жертв массовых репрессий». Упоминание в данной статье *иных недействующих захоронений* способствовало бы решению указанных ранее экологических проблем. Так, в соответствии с ч. 3 данной статьи, у органов местного самоуправления появилась бы обязанность в необходимых случаях организовывать перезахоронение останков погибших. Безусловно, устранение угрозы санитарной и экологической опасности населения является тем самым необходимым случаем. Исследователем С.Н. Рыбиной отмечается, что «органы местного самоуправления <...> во многих регионах неудовлетворительно решают вопросы содержания и благоустройства городских и сельских кладбищ» [4]. В связи с этим, по нашему мнению, устранение экологической угрозы при несоответствии недействующих кладбищ установленным требованиям должно приобрести статус первоочередной задачи в сфере содержания захоронений.

Таким образом, в целях ликвидации экологической опасности недействующих кладбищ предлагается внести изменения в п. 1 ст. 22 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и изложить ее в следующем виде: «Старыми военными и ранее неизвестными захоронениями считаются захоронения погибших в боевых действиях, проходивших на территории Российской Федерации, а также захоронения жертв массовых репрессий и *иные недействующие кладбища*». Такие изменения распространяют действие нормативно-правовой базы на недействующие кладбища. Принципиально важным окажется распространение нормы о перезахоронении в необходимых случаях на недействующие кладбища, состояние которых не соответствует установленным санитарным и экологическим нормам, и являющиеся источником экологической угрозы для регионов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бурганова Г.В. Актуальные проблемы использования и охраны земель захоронений // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2023. № 1. С. 15–22. DOI: 10.24411/2618-8120-2023-1-15-22.
3. Кищенко Р.Н. Чумные эпидемии и становление противочумной службы в Царицыне в начале XX века // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2022. № 1–2. С. 172–177. DOI: 10.25742/NRIPH.2022.01.022.
4. Рыбина С.Н. Правовое регулирование в сфере погребения и похоронного дела в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 187–189. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_3_187.

АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена анализу конституционных норм, закрепляющих порядок приобретения гражданства (подданства) в Беларуси, а также его особенности. Проводится сравнительный анализ конституционных основ приобретения подданства с Россией и тенденции развития институтов гражданства

Ключевые слова: гражданство; подданство; Конституция; граждане; государство.

Гражданство является основным правом человека. Его наличие определяет права и обязанности личности перед государством, а также защиту лица не только внутри страны, но и за ее пределами. Именно посредством обладания гражданством Республика Беларусь отличает своих граждан от иностранцев и лиц без гражданства [1]. В Республике Беларусь данный институт регулируется Конституцией Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-ХП, международными договорами, Законом Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» и иными нормативно-правовыми актами. Конституция закрепляет, что никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство.

Исходя из Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» можно выделить следующие способы получения гражданства:

- по рождению;
- в результате приема в гражданство Республики Беларусь;
- в порядке регистрации;
- вследствие восстановления в гражданстве Республики Беларусь;
- по иным основаниям

Необходимо отметить, что главным основанием приобретения гражданства является получение его в силу факта рождения. При этом действуют такие принципы, как «право крови» (учитывается гражданство родителей) и «право почвы» (учитывается место рождения) [2].

Лицо, подающее заявление на получение гражданства, должно достигнуть возраста 18 лет, знать один из государственных языков Республики Беларусь, проживать на ее территории в течение пяти лет непрерывно, иметь законный источник получения доходов и не иметь гражданства иного государства, а также принести присягу. При этом в законе предусмотрены льготы на сокращение срока проживания в стране для лиц, имеющих выдающиеся заслуги перед Республикой в различных областях; состоящих в браке с гражданином Республики Беларусь не менее трех лет и имеющих общего несовершеннолетнего ребенка, являющегося гражданином Республики; иностранных граждан и лиц без гражданства, ранее состоявших в гражданстве Беларуси.

Государство предусматривает получение гражданства в порядке регистрации для лиц, проживавших либо родившихся на территории Республики Беларусь до 12 ноября 1991 г., а также для их супругов или потомков. Дан-

ной возможностью также могут воспользоваться лица, получившие высшее образование в учреждениях Республики Беларусь, осуществляющие трудовую деятельность на ее территории не менее трех лет.

В 2023 г. были внесены изменения в Закон «О гражданстве Республики Беларусь». В своем комментарии Белорусскому телеграфному агентству БелТА заместитель председателя Постоянной комиссии по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации Палаты представителей Лилия Ананич отметила, что данные поправки укрепляют национальную безопасность государства. Так, появилась необходимость принесения Присяги гражданина Беларуси всем лицам, приобретающим гражданство, кроме тех, кто приобрел его по рождению. Если же лицо отказывается приносить Присягу, то решение о приобретении им гражданства отменяется. Законом также устанавливается регламентация порядка оценки уровня знаний одного из государственных языков. Кроме этого, для всех граждан стало обязательным информирование органов внутренних дел или органов дипломатической службы о получении гражданства или вида на жительство другого государства в течение трех месяцев.

Одним из важнейших нововведений можно считать утрату гражданства Республики Беларусь в связи со вступившим в законную силу приговором суда, которое подтверждает участие лица в экстремистской деятельности или причинение им тяжкого вреда интересам страны. Данная причина утраты действует только на лиц, находящихся за пределами Республики Беларусь.

Сравнивая институт гражданства в Республике Беларусь и Российской Федерации, можно выделить как сходства, так и различия. К общим чертам можно отнести регулирование вопросов гражданства, в первую очередь, основным законом – Конституцией, которая закрепляет право на изменение гражданства, а также невозможность его лишения. Чтобы стать полноправным гражданином в Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, лицу необходимо отказаться от своего первого гражданства [3]. Также общими являются требования, например достижение определенного возраста, и основания, такие как знание государственного языка и соблюдение Конституции. В обоих государствах поощряется получение гражданства лицами, имеющими выдающиеся заслуги перед страной. Отличительной особенностью Беларуси является требование к размеру доходов, он обязательно должен устанавливаться лицу и находящимся на его иждивении нетрудоспособным членам семьи прожиточный минимум, который установлен в Республике Беларусь, а в Российской Федерации законодатель обязывает иметь законный источник средств к существованию без определения его размера. Исключительной особенностью получения гражданства в Республике Беларусь, не закрепленной в России, является его получение по национальности, а именно без достижения пятилетнего срока проживания. В Российской Федерации отличительной особенностью является такое основание приобретения гражданства, как оптация.

Таким образом, проведя анализ приобретения гражданства в Республике Беларусь и, сравнив его с гражданством в России, можно сделать следующий вывод: вопрос регулирования гражданства является одним из важнейших в обеих странах, именно поэтому он закреплен нормативно-правовых актах, имеющих юридическую силу. В обеих странах гражданство действительно яв-

ляется правовой связью человека и государства, т.к. со стороны государства присутствует защита и признание прав граждан страны, а также предусмотрен облегченный порядок получения для определенной категории людей, со стороны же граждан присутствует выполнение обязательств перед государством.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Василевич Г.А., Киселева Т.М. Конституционное право: Учеб.-метод. комплекс. Мн: БГУ, 2021. 107 с.

2. Сергеева Е.М., Масько С.Г. Соотношение норм национального законодательства Республики Беларусь об институте гражданства и международно-правового регулирования вопросов гражданства // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5. Политология, философия, история, филология. 2004. № 12. С. 167–173.

3. Смашикова Т.Б. О возможности наличия второго гражданства в России, Беларуси и Казахстане // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 1. С. 109–114. DOI: 10.14529/law170118.

Р.С. МАРКОВ

**МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В статье дана характеристика текущих процессов в системе местного самоуправления Липецкой области. Представлены варианты сочетания самостоятельности местных органов и их взаимодействия с областным государственным аппаратом. Особое внимание уделено модернизации механизмов управления и повышению роли населения в решении вопросов местного значения.

Ключевые слова: местное самоуправление; Липецкая область; реформа публичной власти; административно-территориальное устройство; муниципалитет; городские и сельские поселения.

Местное самоуправление в России представляет собой один из важнейших институтов народовластия, предоставляющих населению городских и сельских населенных пунктов право самостоятельно решать вопросы местного значения. В условиях реформирования системы публичной власти, главным образом, направленного на централизацию аппарата управления, актуальность исследования состояния и перспектив местного самоуправления возрастает. Исследование опыта Липецкой области, регион с насыщенной историей местной демократии и особым экономическим укладом, предоставляет большой научный интерес. Основной проблемой, которую предстоит рассмотреть, является поиск баланса между автономией муниципалитетов и эффективностью их интеграции в единую систему публичной власти.

Основы местного самоуправления в России заложены в главе 8 Конституции РФ, которая провозглашает самостоятельность муниципалитетов в решении вопросов местного значения. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» устанавливает двухуровневую систему муниципальных образований: городские округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения. Однако последние годы

характеризуются активным пересмотром принципов муниципальной демократии. Законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предполагает усиление контроля со стороны региональных органов власти [1]. Ключевым аспектом этого процесса является переход от двухуровневой системы к одноуровневой, что предполагает укрупнение муниципалитетов и ликвидацию поселенческого уровня. Согласно аналитике, проведенной в рамках исследования Липецкой области, подобные реформы могут привести к уменьшению автономии муниципальных образований и ограничению участия населения в управлении [2].

Липецкая область включает 230 муниципальных образований, в т.ч. 2 городских округа, 13 муниципальных районов, 5 муниципальных округов, 6 городских и 204 сельских поселений, а также 5 вновь образованных муниципальных округов. Такая структура отражает специфику региона, где сосуществуют промышленные центры и сельские территории. Согласно Уставу Липецкой области, органы местного самоуправления наделены полномочиями преимущественно экономического характера, включая управление коммунальной инфраструктурой, благоустройство, содействие занятости населения [3].

Одним из значимых направлений муниципальной реформы стало укрупнение муниципалитетов. В 2023 г. пилотные проекты по преобразованию муниципальных районов в округа были запущены в Воловском, Добровском, Измалковском и Становлянском муниципальных районах, в 2024 г. к эксперименту присоединился Липецкий муниципальный район. Основной целью реформы заявлялось повышение эффективности управления и сокращение административных расходов. Однако реализация данных мер встретила сопротивление на местах, т.к. они могут снизить доступность власти для граждан, особенно в сельских поселениях. Подобные трансформации, наряду с произошедшей ранее отменой прямых выборов глав муниципальных образований и упрощение процедур их назначения, приводят к уменьшению вовлеченности населения в решение местных вопросов, ограничение электоральной активности граждан, а также затрудняют сохранение традиционных форм местной демократии [4].

Реализация реформы административно-территориального устройства должна учитывать особенности сельских районов, минимизируя риски социального отчуждения [5]. В частности, проекты по укрупнению муниципалитетов должны сопровождаться детальным анализом транспортной доступности и социально-экономических условий. В сельских поселениях, таких как Воловский муниципальный округ, важно сохранять доступность административных услуг для населения.

Следует признать, что такие изменения имеют своей первопричиной не политические, а сугубо экономические детерминанты. Бюджеты муниципалитетов Липецкой области в значительной мере зависят от межбюджетных трансфертов, что ограничивает их способность к самостоятельному решению вопросов местного значения. Важным фактором остается сложность распределения бюджетных средств между городскими и сельскими территориями. Например, городской бюджет Липецка позволяет реализовывать проекты модернизации инфраструктуры, в то время как в сельских районах многие объекты остаются недофинансированными. Муниципальные учреждения, организации и предприятия на периферии

сталкиваются с нехваткой квалифицированных специалистов, что усугубляет ситуацию. Важно отметить, что такие проблемы характерны для большинства окраинных (ко всему прочему сельских) муниципалитетов Липецкой области.

Но стоит отметить, что в Липецкой области уже реализуются инновационные подходы к решению вопросов местного значения. Например, развитие программ электронного взаимодействия между гражданами и муниципалитетами позволяет повысить прозрачность и оперативность работы органов местного самоуправления. Кроме того, использование современных технологий, таких как геоинформационные системы, способствует более эффективному управлению муниципальными ресурсами. Эти технологии активно внедряются в крупных городах региона, таких как Липецк и Елец. Создание условий для активного вовлечения граждан в решение локальных проблем, используя успешный опыт территориального общественного самоуправления, может быть распространено на сельские территории.

Разработка программ поддержки экономического развития сельских территорий, стимулирование создания аграрных кластеров и привлечение инвестиций может укрепить финансовую базу муниципалитетов. Черноземные почвы Липецкой области создают благоприятные условия для развития сельского хозяйства [6], однако этот потенциал остается не в полной степени реализованным.

Липецкая область, как и многие другие регионы России, сталкивается с проблемами, связанными с демографическими изменениями. Снижение численности населения в сельских районах оказывает влияние на стабильность экономической ситуации в муниципальных образованиях [7]. Для решения этой проблемы необходимо разрабатывать комплексные программы, направленные на поддержку сельских территорий, создание рабочих мест и улучшение условий жизни населения. Например, проекты развития туризма в г. Ельце и Чаплыгинском районе демонстрируют положительные результаты, способствуя привлечению молодежи и увеличению доходов местных бюджетов. Также важным направлением является привлечение молодежи в муниципальную службу через образовательные курсы, включая специализированные программы, реализуемые, в частности, на базе Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» и Липецкого филиала РАНХиГС.

Следует в целом уделять больше внимания подготовке кадров для работы в органах местного самоуправления, т.к. именно квалифицированные специалисты могут эффективно решать вопросы местного значения. Организация регулярных тренингов и курсов для сотрудников местных администраций с акцентом на современные методы управления способна повысить квалификацию муниципальных служащих. Кроме того, более активная работа с муниципальным кадровым резервом может существенно улучшить кадровую ситуацию.

Рассматривая перспективы развития местного самоуправления в Липецкой области, важно учитывать не только экономические, но и социальные аспекты. Развитие программ гражданской активности, таких как территориальное общественное самоуправление, может стать одним из ключевых факторов успеха. Эти программы позволяют гражданам более активно участвовать в жизни своих муниципальных образований, что способствует развитию гражданского общества и укреплению доверия к органам власти.

Таким образом, местное самоуправление в Липецкой области находится в переходном состоянии, что связано с общероссийскими тенденциями централизации и предстоящей общероссийской муниципальной реформой. Важным направлением будущей работы областных властей должно стать сохранение баланса между автономией муниципалитетов и их включением в единую систему публичной власти. Для этого необходимо укрепление финансовой базы, развитие территориального общественного самоуправления и создание условий для равномерного развития городов и сельских территорий. Только в этом случае местное самоуправление сможет сохранить свою роль как основы народовластия.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожвинков О.А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2024. № 3. С. 4–9.
2. Жуковская Н.Ю., Колбаса Д.Ю. Дискуссионные вопросы реформирования системы публичной власти в России // Научный альманах «В зеркале права»: сборник научных трудов. Вып. 7: Новые горизонты. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2024. С. 39–44.
3. Персианов Е.Э., Чеховская Д.А. Местное самоуправление в системе публичной власти Липецкой области // Образование и право. 2023. № 1. С. 17–23. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-17-23.
4. Шауро И.Г., Бочаров А.В. Избирательные технологии местного самоуправления // Актуальные проблемы современной наук: Мат-лы XIV Межвуз. науч.-практ. конф. Тамбов: Изда-во Першина Р.В., 2016. С. 294–298.
5. Аристов Е.В., Щепетильников В.Н. Формирование единой системы публичной власти в России как вектор новой конституционности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 60. С. 194–214. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214.
6. Гурина М.А., Яцухин Ю.И., Зубков С.А., Щетинина И.С., Владимирова С.В. Организационно-правовой механизм и результаты деятельности органов местного самоуправления по реализации национальных проектов в Липецкой области // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. Т. 11. № 1. С. 95–112. DOI: 10.18334/err.11.1.111504.
7. Айрапетян Д.А., Макаров И.Н., Дробот Е.В., Казарова Д.С. Проблематика кадрового обеспечения производственного развития периферийных регионов // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 9. С. 3513–3524. DOI: 10.18334/err.13.9.118928.

В.И. МИНЧЕНКОВ, Д.А. СИТДИКОВА

**ПОДСУДНОСТЬ И КОМПЕТЕНЦИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье анализируется подсудность и компетенция Верховного Суда РФ как континентальной модели высшей судебной инстанции. Прослеживается его история и развитие как суда первой инстанции. Авторами ставится вопрос о том, что современные реформы Верховного Суда РФ продиктованы влиянием англо-саксонской высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: уголовный процесс; судоустройство; Верховный Суд РФ; подсудность.

Недавно Верховный Суд РФ отметил свой столетний юбилей. За свою историю этот высший орган судебной власти претерпел не мало изменений. В настоящей статье мы хотели бы коснуться вопросов того, как изменение характера полномочий Верховного Суда РФ влияет на функции и природу высшей судебной инстанции.

В доктрине выделяют две организационные модели высшей судебной инстанции – англо-саксонская и континентальная [1]. Обе эти модели предусматривают ограниченную возможность высшей судебной инстанции суда рассматривать определенный круг дел по первой инстанции. Отличие состоит в том, что в англо-саксонской модели Верховный суд может анализировать фактические обстоятельства дела, рассматривая споры, имеющие исключительную важность для правовой системы этого государства. Это связано прежде всего с отсутствием отдельного органа, осуществляющего конституционный контроль, функции которого в данном случае перенимает высшая судебная инстанция. В континентальной модели Верховный суд (или же Кассационный, в зависимости от конкретного государства) рассматривает вопросы права, исправляя существенные нарушения закона. В случае возникновения вопросов относительно применения и толкования Конституции он обращается в соответствующий орган конституционного контроля. Верховный Суд РФ традиционно относят к континентальной модели, однако за эти сто лет природа полномочий рассмотрения Верховным Судом дел по первой инстанции неоднократно менялась. Поэтому говоря о его настоящем статусе, нельзя не сказать о прошлом.

Анализируя исторический аспект, на наш взгляд, необходимо все-таки начать со времени Великих реформ. Благодаря судебная реформе 1864 г., в Российской Империи было принято Учреждение судебных установлений, согласно ст. 1 которого судебная власть принадлежала: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату – в качестве верховного кассационного суда. Таким образом, Правительствующий сенат в судебной системе того времени занимал положение единственной кассационной инстанции по гражданским и уголовным делам, рассматриваемых в двух одноименных кассационных департаментах [1]. Однако сенат мог и рассматривать дела по существу. В частности, это были дела о служебных преступлениях подсудных ему должностных лиц (ст. 1075 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.), а также дела о государственных преступлениях. Первая категория дел рассматривалась уголовным кассационным департаментом с участием сословных представителей или без таковых. В последнем случае апелляцию рассматривало общее собрание кассационных департаментов. Вторую категорию дел рассматривало созданное после реформы Особое присутствие сената – «учреждение, стоящее совершенно отдельно от кассационных департаментов» [2], рассматривавшее наиболее громкие «политические процессы» того времени: например, «процесс ста девяносто трех», дело Каляева.

Отдельно следует отметить деятельность Верховного уголовного суда, который являлся судом *ad hoc*, т.е. являлся чрезвычайным судом, учреждавшийся по особому Высочайшему указу для рассмотрения наиболее важных государственных преступлений. Обжаловать решения такого суда было нельзя. После принятия Уставов этот суд учреждался всего лишь по двум делам, оба из которых касались покушения на убийство на царя [2].

Таким образом, можно отметить, что до Октябрьской революции на уровне высшей судебной инстанции рассматривались дела по первой инстанции. Это были дела о государственных, а также служебных, преступлениях, зачастую имевшие политический характер.

После Октябрьской революции 1917 г. отечественная судебная система претерпела значительные изменения. Декретом Совета Народных Комиссаров от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. «О суде» старые суды были упразднены. Новая судебная система была представлена двумя звеньями – народными судами (единственные рассматривавшие дела по первой инстанции) и губернскими советами народных судей. Контролировал эту систему Народный комиссариат юстиции РСФСР. Однако уже в 1922 г. с принятием Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» советская власть стала проводить судебную реформу, благодаря которой и появился Верховный Суд РСФСР. После образования СССР была создана единая судебная система, которую возглавил Верховный Суд СССР. На протяжении всего своего существования высшая судебная инстанция Советского союза могла рассматривать по существу дела «исключительной», «особой», «государственной» важности – в зависимости от законодательства формулировки менялись, но содержание оставалось неизменным. Верховный Суд СССР даже был наделен полномочиями по конституционному контролю, однако после давал лишь заключения о законности постановлений союзных республик с точки зрения Конституции СССР.

Необходимо также обратить внимание на то, что по ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., Верховный Суд РСФСР мог принимать к своему производству уголовные дела особой сложности или особого общественного значения. Подобные изменения родовой подсудности проводились им по собственной инициативе или же по инициативе Прокурора РСФСР, Генерального прокурора СССР, а также их заместителей.

Таким образом, природа полномочий Верховного Суда СССР была максимально широкой, начиная от надзора, обобщения и формирования единообразной практики, заканчивая рассмотрением некоторых дел по первой инстанции и даче заключений о соответствии определенных актов Конституции СССР.

Верховный Суд РФ в соответствии с п. 2 Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 декабря 1991 г. № 3045-1 «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего арбитражного суда СССР и Прокуратуры СССР» является преемником Верховного Суда СССР как в буквальном смысле, так и в теоретическом. Однако начиная с реформ 1990-х гг. круг его полномочий относительно рассмотрения дел по первой инстанции сильно сократился, а полномочия в сфере надзора, контроля и обобщения судебной практики стали более широкими.

В соответствии со ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, осуществляющим судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Он также осуществляет судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной прак-

тики. На основании ст. 126 Конституции РФ, ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст.ст. 2 и 10 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», что самым широким перечнем дел, рассматриваемых Верховным Судом РФ по первой инстанции, являются административные дела. Далее идут дела по разрешению экономических споров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, между высшими органами государственной власти субъектов РФ. Наконец, ст. 27 Гражданского процессуального кодекса РФ упоминает о рассмотрении гражданских дел, подсудных Верховному Суду, ссылаясь на Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации». Но данным нормативным актом не предусмотрена подсудность каких-либо гражданских дел Верховному Суду РФ. Как метко выразился профессор А.Ф. Воронов: «Никто не называет, какие это дела, т.к. скорее всего Гражданского процессуального кодекса РФ «зарезервировал» эту норму на будущее» [3].

Ранее Верховный Суд РФ рассматривал уголовные дела по первой инстанции в отношении лиц с особым правовым статусом (судьи, депутаты). Однако после 2013 г. данная категория дел ушла из его подсудности с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». Однако зачем тогда необходима апелляционная коллегия при Верховном Суде РФ по уголовным делам? Ее существование оправдано неоднозначной ч. 4 ст. 35 Уголовно-процессуального кодекса РФ, связанной с изменением территориальной подсудности уголовных дел по решению Верховного Суда РФ.

Таким образом, основополагающим, главным и превалирующим полномочием Верховного Суда РФ сегодня является формирование, обобщение и выработка единообразной судебной практики, а также надзор за нижестоящими судами. По мнению профессора В.В. Момотова, «одна из концептуальных идей, заложенных в основу судебной реформы 2018 г., заключается в том, что первоочередной задачей высшей судебной инстанции является обеспечение единообразия судебной практики» [4]. И судебский корпус активно лоббирует эту идею. Иными словами, Верховный Суд РФ все дальше уходит от континентального понимания суда и все больше становится на англо-саксонские позиции. Постепенно, шаг за шагом, высшая судебная инстанция пытается освободить себя от традиционного для нее полномочия по рассмотрению дел. Но в таком случае на второй план уходит «пирамидальность» структуры судебной системы и у потенциального заявителя остается все меньше шансов на пересмотр его дела на качественно высоком уровне для того, чтобы поставить финальную и неоспоримую точку. Думается, что это не совсем верный путь.

Наконец, возникает вопрос о противоречии тех разъяснений положений законодательства, которые дает Верховный Суд РФ. Зачастую высшая судебная инстанция меняет смысл нормы или же создает качественно новое положение. Особенно это актуально для судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по экономическим спорам, которые часто толкуют фактически одни и те же нормы. Думается, что при континентальной модели это не может быть допустимым.

Подобные изменения фактически сближают нашу модель с моделью Верховного Суда англосаксонского типа. Так, в Великобритании, чтобы дело попало в Верховный суд необходимо получить разрешение от Апелляционного суда [5]. Или, например, для передачи дела в Верховный Суд США необходимо пройти процедуру истребования дела (*writ of certiorari*), при которой Верховный Суд США сам решает рассматривать дело или нет [1].

По всей видимости Верховный Суд РФ старается ровняться на своих англо-американских коллег и пытается ограничивать свободу обжалования в разных процессах с помощью различных непроцессуальных фильтров. Так, например, предложение Постановления пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 32 о внесении в Государственную Думу проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» о расширении профессионального представительства в гражданском процессе губительно скажется на доступности правосудия. И совершенно очевидно, что данная инициатива необходима не лицам, участвующим в деле, а самому судейскому корпусу.

Таким образом, полномочия вышестоящей судебной инстанции неуклонно изменяются. А вместе с ними меняется и ее природа. Увлекаясь законотворческими инициативами и разъяснениями нижестоящим судам, Верховный Суд РФ отодвигает на второй план интересы тех лиц, кто обращается в него за «оспариванием вынесенных по результатам судебного рассмотрения решений для устранения возможной ошибки» [1]. В завершение хотелось бы привести замечательную и как никогда актуальную цитату Г. Спенсера: «Верховный Суд – это группа юристов, которые исправляют ошибки других судов и увековечивают свои собственные».

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Судоустройство и правоохранительные органы / Под ред. Л.В. Головки: Учебник. М.: ИД «Городец». 2022. 816 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. 567 с.
3. Воронов А.Ф. О подсудности дел Верховному Суду Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 9. С. 24–29.
4. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146. DOI: 10.12737/art_2018_10_13.
5. Евсеев А.П. Верховный Суд Соединенного Королевства: становление: Монография. Х.: Юрайт, 2014. 283 с.

С.Н. ПАШКОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Предметом исследования в настоящей статье стала проблема систематизации законодательства об объединениях граждан; рассматриваются теоретико-правовые аспекты понятий «общественное объединение» и «некоммерческая организация».

Ключевые слова: общественное объединение; некоммерческая организация; самоуправляемая организация; некоммерческое право; благотворительность.

В отечественной общественно-правовой практике используется множество понятий, аналогичных понятию «общественные объединения»: «некоммерческие организации», «неприбыльные организации», «гражданские организации», «организации гражданского общества», «добровольные организации», «неправительственные организации», «благотворительные организации», «организации третьего сектора» и другие. Разнообразие понятий является лингвистическим отражением существующих в действительности реалий.

Целью публикации является попытка уточнить юридическое содержание вышеприведенных терминов; выяснить соотношение понятий «общественное объединение» и «некоммерческая организация».

Конституция РФ (ч. 4 ст. 13) содержит понятие «общественные объединения». В ст. 30 указано, что «1. Каждый имеет право на объединение... свобода деятельности общественных объединений гарантируется. 2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.»

В развитие положений Конституции РФ 14 апреля 1995 г. Государственной Думой принят Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», в котором «под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения» (ст. 5 Федерального закона). В ст. 7 предусмотрены следующие организационно-правовые формы общественных объединений: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности; политическая партия.

Однако, принятый 8 декабря 1995 г. Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» содержит иной перечень объединений граждан: «...могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), общин коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьих обществ, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами» (в редакции Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 300-ФЗ и Федерального закона от 3 июня 2009 г. № 107-ФЗ). Более того, перечень некоммерческих организаций расширился уже в последующих статьях закона – введены понятия «государственная корпорация (ст. 7.1.), «государственная компания (ст. 7.2.), «частное учреждение» (ст. 9), «бюджетное учреждение» (ст. 9.2.). Далее по тексту закона появляется понятие «социально ориентированной некоммерческой организации» (ст. 31.4.).

Возникает вопрос – какой из двух вышеназванных законов содержит юридически корректный перечень общественных объединений? Все-таки юридические лица правильно именовать «общественными объединениями» или «некоммерческими организациями»?

Закон «О некоммерческих организациях» принимался с одной целью – уточнить гражданско-правовой статус объединений граждан. Об этом прямо говорится в ст. 1: «настоящий Федеральный закон определяет особенности гражданско-

правового положения некоммерческих организаций отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также возможные формы поддержки некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления.» (ч. 1 в ред. Федерального закона от 31 января 2016 г. № 7-ФЗ). По мнению автора, данный правовой акт носит подчиненный, уточняющий характер. «Добровольность» и «самоуправляемость» общественных объединений не вызвали особых вопросов у законодателей и правоприменителей, в отличие от некоммерческой природы их деятельности. В Федеральном законе подчеркивается некоммерческий характер создаваемых организаций, основной упор делается на неизвлечение «прибыли в качестве основной цели своей деятельности» и нераспределение полученной прибыли между участниками (ч. 1 ст. 2).

Ирония состоит в том, что этот же документ разрешает всем некоммерческим организациям заниматься коммерческой (в законе – предпринимательской) деятельностью, соответствующей целям, для достижения которых они созданы. Более того, ст. 24 Федерального закона «О некоммерческих организациях» разрешает некоммерческим организациям «быть учредителями в других хозяйственных обществах, в т.ч. коммерческих. Получение дохода от участия в коммерческой организации не является предпринимательской деятельностью, а является деятельностью, приносящей доход». Совершенно нелогичным представляется признание некоммерческими организациями государственных корпораций (ст. 7.1 Федерального закона) и государственных компаний (ст. 7.2) При этом эти субъекты создаются на основании федерального закона, т.е. имеют собственную правовую основу деятельности.

Несогласованность двух базовых законов породила тенденцию к «размыванию» нормативной базы. Стали приниматься «законы-исключения» – узкоспециализированные акты, выводящие определенные категории общественных объединений из-под действия Федерального закона «О некоммерческих организациях». Появился ряд законов, регламентирующих деятельность иных общественных объединений: потребительских кооперативов, товариществ собственников жилья, садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан.

Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» породил отдельную группу некоммерческих организаций – саморегулируемые организации. Данный закон регулирует отношения, возникающие в связи с приобретением и прекращением статуса саморегулируемых организаций, деятельностью саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» объединил юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность брокеров, дилеров, управляющих, депозитариев, регистраторов, акционерных инвестиционных фондов и управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, специализированных депозитариев, негосударственных пенсионных фондов, страховых организаций, страховых брокеров, обществ взаимного страхования, микрофинансовых организаций, кредитных потребительских кооперативов, жилищных

накопительных кооперативов, сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов, форекс-дилеров, а также саморегулируемые организации кредитных организаций, бюро кредитных историй [1].

Отдельными законами регулируется деятельность творческих союзов, молодежных и детских, спортивных и патриотических организаций.

В ходе Международной научно-практической конференции «Державинские чтения. Некоммерческие организации без границ» (ноябрь 2023 г.) министр юстиции России К.А. Чуйченко отметил, что «сегодня в России действуют почти 215 тысяч НКО по 15 видам их организационно-правовых форм. За девять месяцев 2023 года уже зарегистрировано более 9 тысяч новых некоммерческих организаций» [2]. Здесь внимание автора привлекли 15 видов организационно-правовых форм. Ведь наличие отдельной организационно-правовой формы предполагает специальное правовое регулирование деятельности, особый порядок регистрации (отдельный реестр), особенности налогообложения и налоговой отчетности.

Бессистемность нормативной базы привела к появлению соответствующего термина «некоммерческое право», именно термина, а не отрасли права. В издаваемых пособиях по «некоммерческому праву» авторы пытаются осмыслить данное явление, систематизировать и классифицировать его по различным основаниям, сформировать целостное представление о данной сфере общественной деятельности [3].

Таким образом, следует констатировать следующее:

1. Понятия «общественное объединение» и «некоммерческая организация» соотносятся между собой как общее и частное. Но в процессе развития произошла «перемена мест» – частное победило общее, преобладающим стал термин «некоммерческая организация». В значительной мере это произошло из-за популизма руководства данных структур, увлечения зарубежной терминологией («организации общественной пользы», «организации взаимной пользы»), неаккуратности законодателей.

2. Законодательство об объединениях граждан носит бессистемный характер. Принимается большое количество нормативных актов, которые не согласованы между собой, отсутствует иерархия нормативных актов в данной сфере.

3. Законодателям и правоприменителям следует отказаться от употребления термина «некоммерческие» в наименовании организаций, т.к. это просто одна из характеристик подобных структур и вернуться к конституционному термину «общественные объединения».

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анстов А.Г. Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 17–23. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.2.
 2. Куликов В. Минюст прогнозирует рост новых НКО в России // Российская газета. 2023. 23 ноября.
 3. Соловьева С.В., Тихомиров М.Ю. Некоммерческие организации: правовое положение, законодательство, учредительные документы / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1998. 540 с.
-
-

М.А. СПАСОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – С.С. САННИКОВА

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ТЕРРИТОРИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья анализирует особенности правового регулирования организации и функционирования местного самоуправления в муниципальных образованиях Арктической зоны Российской Федерации. В центре анализа работы изучены проблемы и перспективы развития местного самоуправления в условиях сурового климата, низкой плотности населения, значительной удаленности от центров экономической активности и уникальных особенностей традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации; местное самоуправление; коренные малочисленные народы; правовое регулирование; устойчивое развитие; муниципальные образования; специфические условия.

Арктическая зона Российской Федерации (далее – АЗ РФ) – регион с уникальными природно-климатическими условиями, богатым ресурсами, но характеризующийся низкой плотностью населения, слабо развитой инфраструктурой и специфическими социально-экономическими особенностями, связанными с проживанием коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Организация и функционирование местного самоуправления в этом регионе существенно отличаются от общероссийской практики, требуя учета специфических факторов и направлений государственной политики, ориентированных на устойчивое развитие и сохранение традиционных укладов жизни КМНС.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дополнен ст. 82.6, регулирующей особенности местного самоуправления в АЗ РФ. Однако, данная статья носит отсылочный характер, что обусловило необходимость отдельного Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [1].

Особенность организации местного самоуправления в АЗ РФ сводится к специфике полномочий. Данные полномочия реализуются с учетом традиционных видов деятельности КМНС, природопользования на территориях традиционного природопользования (ТПП), и сохранения культурно-исторического наследия. А.В. Колесников отмечает, что ограничения местного самоуправления, возникающие в особых экономических зонах (ОЭЗ), связаны с приоритетом частных интересов резидентов над публичными: «Особенности организации местного самоуправления на этих территориях проявляются двояко. Во-первых, в систему публичной власти дополнительно включается УК и наблюдательный совет. Во-вторых, наличие УК, обладающей публичными полномочиями, логически требует наполнения компетенционного блока их правового статуса полномочиями за счет органов государственной и муниципальной власти» [2]. Это порождает коррупционные риски, связанные с неэффективным использованием бюджетных средств.

Компетенция муниципалитетов ограничивается в таких сферах, как медицина и образование. Цели создания ОЭЗ (Арктическая зона, ИНТЦ, ТОСЭР) формально различаются, но сводятся к привлечению инвестиций и развитию научных разработок, игнорируя права местного самоуправления, гарантированные Конституцией РФ. Существующая система законодательства все больше уподобляется системе договоров «инвестиции в обмен на льготы», при этом государство все активнее выступает в роли предпринимателя-монополиста.

Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» устанавливает меры государственной поддержки предпринимательской деятельности в АЗ РФ, включая субсидии, льготы по налогам и другие формы стимулирования. Это предполагает тесное взаимодействие местного самоуправления с федеральными и региональными органами власти в вопросах финансирования и реализации проектов.

Удаленность муниципальных образований и сложность транспортной инфраструктуры АЗ РФ требуют особого внимания при формировании местных бюджетов и обеспечении доступности социальных услуг населению.

В Арктической зоне проживают КМНС, обладающие особыми правами и статусом, их участие в принятии решений по вопросам местного значения гарантируется законодательно. Это предполагает участие представителей КМНС в составе органов местного самоуправления и в процессах принятия решений на федеральном и региональном уровнях. Г.Г. Фастович отмечает проблему учета национального фактора при формировании органов местного самоуправления: «От деятельности органов местного самоуправления во многом зависит сохранение исконной среды обитания малочисленных народов, их социально-экономическое благополучие и развитие культуры» [3].

Учитывая хрупкость экосистем АЗ РФ и значительные экологические риски, связанные с хозяйственной деятельностью, существуют ограничения природопользования, направленные на обеспечение экологической безопасности. Это требует особой системы мониторинга и контроля, взаимодействия органов местного самоуправления с природоохранными службами.

Несмотря на существование нормативной базы, организация местного самоуправления в АЗ РФ сталкивается с рядом проблем, таких как: недостаток финансовых ресурсов, кадровый дефицит (ввиду тяжелых условий проживания и работы), ограниченной автономии, слаборазвитой инфраструктуры.

Касательно последнего пункта отметим, что недостаточный уровень развития инфраструктуры ограничивает возможности для реализации полномочий органов местного самоуправления и предоставления качественных социальных услуг. Помимо того, Г.Г. Фастович указывает на значительные расстояния до районных центров, ветхость дорог и дороговизну проезда, которые создают серьезные препятствия для жителей сельской местности в доступе к органам местного управления. Вследствие этого, население удаленных поселений испытывает острую нехватку качественных услуг в сфере образования, здравоохранения, связи, культуры, торговли, общественного питания, бытового обслуживания и библиотечного дела, а также испытывает затруднения в решении многих других вопросов местного значения.

С учетом вышесказанного, местное самоуправление в АЗ РФ играет важную роль в обеспечении устойчивого развития региона, охране окружающей среды, поддержке КМНС и повышении качества жизни населения. Однако существующие механизмы требуют совершенствования. Необходимы эффективные механизмы финансирования, развитие инфраструктуры, повышение квалификации специалистов, усиление роли КМНС в принятии решений, а также гармонизация взаимодействия между органами местного самоуправления, федеральными и региональными уровнями власти в целях обеспечения устойчивого и сбалансированного развития АЗ РФ. Особое внимание должно быть уделено выработке эффективных механизмов взаимодействия с КМНС с учетом их традиционного уклада жизни и специфических потребностей.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Муниципальное право Российской Федерации: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Колесникова. Саратов: СПЮА, 2024. 308 с.
2. Колесников А.В. Особенности организации муниципального управления в особых территориях с экономическими преференциями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6. С. 108–119. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-6-108-119.
3. Фастович Г.Г. Особенности публичного управления в районах Крайнего Севера и Арктической зоны Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2018. № 7. С. 113–116.

А.В. ЛЫСОВА, П.А. СПИРИНА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – А.С. ЖУТАЕВ

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СФЕРЕ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА**

Статья посвящена перспективам применения искусственного интеллекта в процессе работы над проектом федерального бюджета. В статье оценивается целесообразность и потенциальная возможность его использования на отдельных стадиях бюджетного процесса.

Ключевые слова: бюджетный процесс; искусственный интеллект; цифровизация; бюджет; бюджетное право.

Бюджетный процесс – это важнейший вид деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Однако он также является одной из наиболее комплексных задач и длится на протяжении продолжительного периода времени. Упростить его, более эффективно применять нормы права и целесообразно распределять финансы может помочь внедрение искусственного интеллекта.

Применение цифровых технологий в бюджетном процессе потенциально позволит сократить сроки и упростить порядок бюджетного планирования, использовать автоматизированные системы как для взимания налоговых и неналоговых доходов, так и для выплаты пенсий, пособий и иных видов социальной помощи. Кроме того, станут возможными применение новых способов сбора стати-

стической информации, автоматическое формирование бюджетной отчетности и контроль расходования средств бюджетов в режиме реального времени [1]. Внедрение искусственного интеллекта целесообразно еще и потому, что в бюджетном процессе имеется большой объем информации, с обработкой которого искусственный интеллект мог бы справляться намного быстрее и эффективнее [2].

Стоит отметить, что на данный момент уже разработан и в скором времени будет интегрирован в систему «Электронный бюджет» AI-агент. Министр финансов РФ А.Г. Силуанов утверждает, что искусственный интеллект «возьмет на себя рутинные процессы вычислений и анализа». Однако бюджетный процесс тесно связан с пониманием нужд реальных людей, предприятий, а потому последнее слово при принятии решений в нем всегда будет за человеком. Внедрение искусственного интеллекта позволит ускорить обработку запросов в пиковые периоды бюджетного процесса, облегчит своевременное выполнение федеральных задач. При этом полной замены финансистов AI-агентом не планируется.

Важно понимать, что не на каждой стадии бюджетного процесса внедрение искусственного интеллекта возможно и допустимо. Рассмотрим, на каких из них искусственный интеллект может помочь, а на каких его использовать не следует.

На стадии составления решаются вопросы об объемах бюджета, основных методах покрытия его дефицитов, распределении расходов между элементами бюджетной системы и многие другие. Согласно Бюджетному кодексу РФ, составление проектов бюджетов основывается на множестве нормативно-правовых актов: положениях послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ; документах, определяющих цели национального развития; бюджетном прогнозе на долгосрочный период; государственных (муниципальных) программах или их проектах. Внедрение искусственного интеллекта могло бы упростить процессы анализа нормативно-правовой базы и финансовых расчетов. Однако, не следует применять его к формированию статей бюджета, составляющих государственную тайну или иную секретную информацию, чтобы избежать утечек.

Стадия рассмотрения и утверждения бюджетов относится к компетенции законодательных органов власти всех уровней. Данная стадия является как раз той, в которой использование искусственного интеллекта недопустимо. Именно об этом говорил министр финансов РФ А.Г. Силуанов, когда отмечал, что последнее слово в бюджетном процессе должно оставаться за человеком. На данном этапе принимается важнейший нормативно-правовой акт, и решить вопрос об его утверждении могут только уполномоченные на это люди, а не машина.

Стадия исполнения бюджета имеет своей целью обеспечить поступление доходов и финансирование расходов федеральных, региональных и местных бюджетов [3]. Одной из главных проблем, возникающих на данной стадии, является коррупция. Ежегодные потери государственного бюджета России от коррупционных преступлений измеряются триллионами рублей. Основная же область проявления коррупционных преступлений – закупочная деятельность, от которой зависит целевое использование бюджетных средств [4]. Внедрение систем искусственного интеллекта способствовало бы снижению рисков присвоения и нецелевого использования бюджетных средств.

Стадия составления, внешней проверки, рассмотрения и утверждения бюджетной отчетности является заключительной в бюджетном процессе. Искусственный интеллект гораздо более эффективен при осуществлении работы с отчетностями и подсчетом статистических данных, потому внедрение подобной технологии бы во много раз уменьшило количество затрачиваемого времени на данной стадии. Так, искусственный интеллект используется при проведении бухгалтерского учета, где также необходима работа со статистикой, и прекрасно справляется с возложенными на него задачами [5].

Таким образом, использование искусственного интеллекта способно упростить и значительно ускорить бюджетный процесс, однако может быть внедрено не на всех его стадиях. Наиболее эффективным представляется его привлечение к процедурам расчетов, сбора и анализа статистики.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Леднева Ю.В. Понятие цифрового бюджета по российскому законодательству // Финансовое право. 2019. № 9. С. 8–11.
2. Белоусов Ю.В., Тимофеева О.И. Прогноз влияния цифровизации на управление государственными финансами // Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 4. С. 113–123. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-113-123.
3. Землин А.И., Землина О.М., Ольховская Н.П. Финансовое право: Учеб. / Под общ. ред. А.И. Землина. М.: Юрайт, 2025. 335 с.
4. Цветкова О.В., Садовская О.В. Влияние коррупционных преступлений на нецелевое использование бюджетных средств // Молодой ученый. 2023. № 24. С. 323–326.
5. Музафарова З.Р., Филимонова Н.Д. Ведение бухгалтерского учета в условиях цифровизации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6–2. С. 84–89. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-2-84-89.

Д.М. ФРОЛОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Н.Т. ЛЕОНЕНКО

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА
ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

В статье анализируется эффективность оказания бесплатной юридической помощи участниками государственной системы. Анализ статистических данных, характеризующих состояние системы оказания бесплатной юридической помощи за 2023 г., позволил сделать вывод о наличии проблем в реализации гражданами своего конституционного права на получение бесплатной юридической помощи, обусловленных как недостаточным количеством государственных юридических бюро на территории субъектов России, так и пассивным участием адвокатского сообщества в ее реализации. На основании проведенного исследования, предложены некоторые направления совершенствования государственной системы оказания бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: адвокатура; бесплатная юридической помощи; военнослужащие и члены их семей; государственное юридическое бюро; портал «Вправе».

Одной из важнейших социальных задач государства является обеспечение доступности квалифицированной юридической помощи для граждан. Значительная часть населения Российской Федерации имеет низкий уровень правовой грамотности. Не обладая знаниями о своих правах и способах их защиты, граждане нуждаются в юридических услугах. Получение высококвалифицированной юридической помощи обходится достаточно дорого, поэтому далеко не все граждане имеют возможность получить такую помощь. По данным Росстата на 2023 г. около 15 млн. человек имеют доход ниже прожиточного минимума.

В целях создания условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечения их доступа к правосудию был принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», заложивший основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи и создание организационно-правовых основ деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения.

Основу данной системы составляют органы исполнительной власти федерального и регионального уровней, органы управления государственных внебюджетных фондов, государственные юридические бюро, адвокаты и нотариусы.

При этом, согласно п. 2 ст. 15 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», предусмотрено, что адвокаты, нотариусы могут участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи в порядке, установленном названным Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Федерации. Из этого следует, что адвокаты и нотариусы могут участвовать в оказании бесплатной юридической помощи как в виде обязательного, так и добровольного участия.

В 2023 г. был существенно расширен перечень категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи. В него были включены граждане, участвующие в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и (или) выполнения ими задач по отражению вооруженного вторжения на приграничных территориях субъектов Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции, а также находящиеся (находившиеся) на указанных территориях служащие (работники) правоохранительных органов, граждане, выполняющие (выполнявшие) служебные и иные аналогичные функции на указанных территориях, а также члены семей указанных граждан [1].

При этом, практика показывает, что лицам, отстаивающим интересы Родины, приходится сталкиваться со сложностями при получении выплат за ранения, оформлении кредитных каникул на время прохождения службы. Также касается семьи военнослужащего при получении выплат в случае его гибели.

В целях совершенствования государственной системы оказания бесплатной юридической помощи в том же году было внесено еще одно изменение в законодательство – теперь лица, имеющие право на получение бесплатной юридической помощи, освобождаются от оплаты нотариальных действий по удостоверению доверенности на представление их интересов сотрудниками государственных юриди-

ческих бюро и адвокатами, в судах, государственных и муниципальных органах и иных организациях. Данные расходы компенсируются нотариусам из средств бюджетов субъектов Федерации. За 2023 г. нотариусами совершено 71 689 нотариально важных действий во время оказания бесплатной юридической помощи.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в рамках государственной системы юридическая помощь оказывается непосредственно государственными юридическими бюро и адвокатами. Вместе с тем, адвокаты стараются минимизировать свое участие в оказании бесплатной юридической помощи нуждающимся в ней. По данным статистики Минюста России об оказании бесплатной юридической помощи участниками государственной системы за 2023 г., такая помощь была оказана в 332 062 случаях (в 2022 г. – в 283 851 случае), из них в 186 634 случаях (в 2022 г. – в 158 596 случаях) юридическую помощь оказали государственные юридические бюро, а в 145 428 случаях (в 2022 г. – в 125 155 случаях) – адвокаты. Несмотря на то, что количество реальных случаев оказания бесплатной юридической помощи участниками государственной системы увеличилось, процент участия адвокатов все равно остается низким. Так, участниками государственной системы оказания бесплатной юридической помощи являются 10 476 адвокатов из 75 871 зарегистрированных. В то же время, на территории государства действует всего 49 государственных юридических бюро, но юридическими бюро разрешается на 20% ситуаций больше, чем адвокатами.

М.С. Беляева отмечает, что закрепление в п. 2 ст. 15 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» адвокатов в качестве субъектов государственной системы является в большей степени декларированием их права на участие, но не установлением подобного обязательства. Небольшой процент участия адвокатов в государственной системе связывается с наличием сложностей при получении возмещения своих услуг, а именно, не редкостью являются отказы в возмещении в связи с недостаточным количеством предоставленной информации, а одобренные суммы возмещения гораздо меньше тех, которые получают адвокаты, оказывая юридическую помощь на возмездной основе. Отсюда возникает следующая проблема, адвокаты, осознавая, что существует вероятность отказа в возмещении стоимости своих услуг, могут оказывать некачественную помощь [2]. Для привлечения к сотрудничеству в рамках государственной системы новых участников должен быть более прозрачный механизм возмещений.

Вместе с тем, как эффективность деятельности государственных юридических бюро является неоспоримой, в настоящий момент их существует небольшое количество, и они отсутствуют на территории многих субъектов РФ, где в них есть острая необходимость, например, в Кабардино-Балкарской Республике, Ямало-Ненецком автономном округе, Республике Осетия. В некоторых субъектах Федерации, где отсутствуют государственные юридические бюро, бесплатную юридическую помощь оказывают адвокаты, но, как правило, в незначительном объеме, в частности, в Республике Хакасия за 2023 г. адвокатами была оказана помощь менее, чем в 100 случаях. Подобная ситуация может препятствовать реализации права граждан на бесплатную юридическую помощь. Поэтому, одним из направлений дальнейшего совершенствования государственной системы оказания бесплатной юридической помощи должно являться создание государственных юридических бюро на территории всех субъектов Федерации.

В настоящий момент проблема доступности для граждан бесплатной юридической помощи оперативно решается посредством цифровых решений. Недавно был запущена информационная система «Правовая помощь», одним из главных элементов которой является портал «Вправе» и только за 2023 г. с его использованием юридическая помощь была оказана в 52 307 случаях. Данный электронный сервис по сегодняшний день работает в экспериментальном режиме на территории 10 субъектов, где уже сейчас доступны функции по просмотру участников государственной системы, оказывающих бесплатную юридическую помощь, и онлайн-записи на консультации. На портале «Вправе» также размещено огромное количество информации о возможных жизненных ситуациях и их правовых решениях, которая доступна для ознакомления всем желающим [3].

Соответственно, для повышения доступности бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы необходимо скорейшее распространение портала «Вправе» на все субъекты РФ. Помимо этого, в настоящий момент электронный сервис требует содержательного дополнения и технического улучшения. Предполагается, что большим потенциалом обладает такое цифровое решение, как автоматизированное предоставление информации о том, имеет ли гражданин право на бесплатную юридическую помощь, если да, то на какие виды, и какими участниками государственной системы она может быть предоставлена на территории определенного субъекта. Предлагаемое решение является аналогией с «Госуслугами» – гражданам сейчас не нужно постоянно мониторить новые меры социальной поддержки, т.к. о том, какие могут быть предоставлены конкретному гражданину можно узнать в информационной системе.

Таким образом, основу деятельности государственной системы оказания бесплатной юридической помощи составляют государственные юридические бюро и адвокаты. Слаженность функционирования данной системы достигается совместными усилиями государственных юридических бюро и адвокатов. Поэтому, в качестве ключевых направлений по совершенствованию государственной системы предоставления бесплатной юридической помощи должно являться увеличение количества государственных юридических бюро, создание прозрачного механизма возмещения стоимости юридических услуг адвокатам-участникам государственной системы. Такое решение потребует большого количества времени и финансовых вложений. Распространение государственного информационного портала «Вправе» на все субъекты РФ и его содержательная и техническая доработка является наиболее оперативно реализуемым решением, в связи с чем его исполнение улучшит ситуацию с доступностью бесплатной юридической помощи.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сафронова Д.Н., Крайнова Н.А. Оказание бесплатной квалифицированной юридической помощи военнослужащим: проблемы и перспективы // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 12. С. 543–549.
 2. Беляева М.С. Проблемы оказания бесплатной юридической помощи, влияющие на доступность правосудия в гражданском производстве // Актуальные вопросы современной науки: II Международ. междисцип. науч.-практ. конф.: Сб. науч. ст. Самара: Исакова Т.С. (БнЮр), 2021. С. 41–51.
 3. Троян Н.А. Формирование системы правовой информации на основе единой информационной инфраструктуры // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 150–158. DOI: 10.33184/pravgos-2022.3.21
-
-

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

М.М. БАЙКАЛОВ, Д.В. ЧИРКОВ
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – В.Н. КОЗЛОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Статья посвящена изучению основных тенденций развития арбитражного процессуального законодательства в части защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Отмечается необходимость совершенствования законодательства о процессуальном статусе уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации, противодействия злоупотреблению сторонами своими процессуальными правами, снижения коррупционных рисков в функционировании судебной системы России.

Ключевые слова: арбитражный процесс; защита прав предпринимателей; судебные споры; коррупционные риски; кодекс о предпринимательской деятельности; Уполномоченный по защите прав предпринимателей; правовая определенность.

В условиях развития предпринимательства защита прав предпринимателей становится основой для роста бизнеса и формирования конкурентной экономики. Постоянные изменения в законодательстве требуют от предпринимателей осознания своих прав и обязанностей, что подчеркивает необходимость четкого правового регулирования. В условиях увеличения конкурентной борьбы защита прав помогает избежать злоупотреблений и обеспечивает честные условия ведения бизнеса.

Защита прав от неправовых действий со стороны государственных и муниципальных органов активно осуществляется арбитражными судами. Отечественный Арбитражный процессуальный кодекс в ч. 1 ст. 198, ч. 4 ст. 200 устанавливает, что для признания незаконным решения государственного органа, органа местного самоуправления или иного уполномоченного органа необходимо наличие в совокупности нескольких условий: должно, во-первых, быть установлено несоответствие обжалуемого решения закону, во-вторых, наличествовать нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Защита от нарушений прав со стороны государственных органов власти осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Среди основных принципов защиты прав предпринимателей Закон называет уведомительный порядок контрольных действий в отношении предпринимателей, презумпцию добросовестности предпринимателей, открытость информации о проверках со стороны органов государственной власти и муниципальных образований в отношении предпринимательской деятельности, последовательность контрольных проверок в соответствии с полномочиями проверяющих органов, ответственность проверяющих органов за нарушение объема возложенных на них полномочий.

Субъекты предпринимательских отношений достаточно часто сталкиваются с трудностями по защите своих интересов в арбитражном процессе, особенно когда речь идет об их отношениях с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Защита частных интересов прокурором не предусмотрена; полномочия последнего в соответствии с ч. 1 ст. 53 Арбитражного процессуального кодекса РФ ограничены защитой публичных интересов в случаях, предусмотренных законом. Такая ситуация вызвала необходимость в дополнительном механизме защиты прав предпринимателей в лице бизнес-омбудсмена. В 2013 г. принят Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации», в соответствии с которым в Арбитражный процессуальный кодекс РФ включена ст. 53.1, предусматрившая возможность участия в арбитражном процессе Уполномоченного по защите прав предпринимателей (далее – Уполномоченный).

Правовое регулирование участия в процессе уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ содержит некоторые пробелы, неоднозначно восполняемые судебной практикой. Замечается определенная рассогласованность норм законодательства, специально регламентирующих правовой статус уполномоченных, с нормами процессуальных отраслей законодательства, устанавливающих формы участия региональных уполномоченных в гражданском процессе [1]. Вместе с тем следует обратить внимание на растущее доверие к инструменту Уполномоченного по защите прав предпринимателей, что подчеркивает важность его роли в арбитражном процессе. Данное обстоятельство означает, во-первых, практичность его деятельности, и, во-вторых, рост уровня правовой культуры и осознанности у субъектов предпринимательства [2].

Необходимо уточнить правовое положение Уполномоченного в арбитражном процессе. Предлагаем предусмотреть в Арбитражном процессуальном кодексе РФ следующие формы участия Уполномоченного:

- 1) процессуальный истец;
- 2) участие Уполномоченного для дачи заключения на любой стадии арбитражного процесса;
- 3) участие в проверочных инстанциях при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 288, 291.11 и 308.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3].

Необходимо также подчеркнуть, что противоречивая судебная практика приводит к отсутствию правовой определенности в отношении правового статуса региональных уполномоченных. Исходя из изложенного, полагаем, что регулирование процессуальных отношений, в которые вступают уполномоченные разных уровней, должно строиться по общей модели, установленной Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав

предпринимателей в Российской Федерации». Вместе с тем он требует изменений в части регламентации процессуального статуса уполномоченных с целью закрепления полномочий региональных бизнес-омбудсменов по участию в арбитражном процессе в качестве третьих лиц, а также в производстве по делам о привлечении к административной ответственности в качестве защитников. В противном случае возникает противоречие в реализации полномочий данных должностных лиц, что ведет к нарушениям процессуального законодательства и снижению эффективности деятельности уполномоченных.

Выделяют несколько форм защиты прав предпринимателей – судебную и внесудебную. Последняя форма предусматривает защиту прав предпринимателя вне судебной системы Российской Федерации, например, с помощью нотариальной защиты, имеющей двойственную природу (обладает функциями государственного органа, но при этом выбор нотариального органа для предоставления услуг свободен для граждан) [4] и третейского разбирательства. Данная форма может быть реализована и в процессе досудебного разрешения спора между конфликтующими сторонами (претензионный порядок).

Досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров является на данный момент одним из самых распространенных способов защиты прав предпринимателей. Сложившаяся ситуация объясняется, во-первых, минимальными материальными затратами со стороны предпринимателя, а во-вторых, обязательным требованием арбитражного процессуального законодательства о применении досудебного порядка урегулирования споров по большинству категорий дел, подсудных арбитражным судам [5].

Среди современных тенденций в арбитражном процессе можно выделить несколько ключевых направлений. Во-первых, заметным является стремление к упрощению процедуры рассмотрения дел. Введение предварительного судебного заседания и возможность подачи иска в электронном виде позволяют значительно ускорить процесс и делают его более доступным для предпринимателей, особенно малых и средних предприятий, которые часто сталкиваются с ограниченными ресурсами для участия в длительных судебных разбирательствах.

Во-вторых, наблюдается рост популярности альтернативных способов разрешения споров, таких как медиация и арбитраж. Эти методы предоставляют сторонам возможность избегать длительных судебных процессов и находить взаимовыгодные решения. Масштабное применение медиаторов, обладающих опытом в бизнесе, обеспечит более гибкий и менее формализованный подход к разрешению споров, что особенно важно в ситуациях, когда стороны заинтересованы в поддержании деловых отношений.

Цифровизация процессов является еще одной яркой тенденцией, влияющей на арбитражный процесс. С переходом на цифровые платформы происходит не только упрощение подачи документов, но и расширение возможности их представления через онлайн-сервисы. Это делает процесс более открытым, прозрачным и, что не менее важно, доступным для широкой аудитории. Электронные доказательства, такие как электронные письма и данные из облачных хранилищ, становятся важными в арбитражном процессе и освобождают стороны от необходимости физически присутствовать на судебных заседаниях, что также сокращает издержки.

Однако, несмотря на положительные изменения, арбитражный процесс в России сталкивается с рядом серьезных проблем. Одна из основных трудностей – это неправомерные действия сторон и манипуляции, которые могут затягивать процесс и подрывать доверие к судебной системе. В некоторых случаях стороны используют тактику «заслон», умышленно затягивая разбирательства через множество процессуальных ходатайств, что, в свою очередь, влечет за собой увеличение судебных издержек.

Ключевой проблемой также остаются коррупционные риски, которые могут подрывать доверие к судебной системе и затруднять доступ предпринимателей к справедливости. Для решения данной проблемы важны меры по повышению прозрачности и ответственности судебных органов, включая процедуры выбора судей и их взаимодействия со сторонами.

На сегодняшний день российским законодателем не принят единый кодифицированный акт, направленный на регулирование предпринимательской деятельности. Нормы, регулирующие различные аспекты данной сферы, содержатся в Гражданском кодексе РФ, федеральных законах, Постановлениях Правительства РФ. Процессуальные аспекты защиты прав предпринимателей можно найти как в Кодексе административного судопроизводства РФ, так и в Арбитражном процессуальном кодексе РФ [см. также: 6].

Одним из решений данной проблемы может стать разработка и принятие единого Кодекса о предпринимательской деятельности. Этот акт мог бы объединить все ключевые аспекты, такие как правила осуществления бизнеса, защиту прав предпринимателей и процессуальные нормы. Включение в кодекс деталей, касающихся различных видов предпринимательской активности, порядка разрешения споров и ответственности за нарушения, позволило бы повысить правовую определенность и упростить защиту прав бизнесменов. В результате это может создать более благоприятные условия для развития предпринимательства в стране.

Таким образом, арбитражный процесс – это важный инструмент защиты прав предпринимателей, который нуждается в постоянном развитии и адаптации к современным условиям. Современные тенденции, такие как упрощение процедур, развитие альтернативных способов разрешения споров и цифровизация, открывают новые возможности для эффективного разрешения споров. Однако для создания действительно эффективной системы защиты прав предпринимателей посредством деятельности арбитражных судов необходимо решать существующие проблемы, такие как неправомерные действия сторон, недостаток квалифицированных кадров и коррупционные риски. Объединив усилия государства, судебной системы и бизнеса, можно создать правовую среду, способствующую развитию предпринимательства и защите его прав, что, в свою очередь, будет способствовать устойчивому экономическому росту и процветанию страны в целом.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аничкин Е.С., Тимофеев Е.И., Пинчук А.П. Правовое регулирование участия в гражданском процессе уполномоченных по защите прав предпринимателей субъектов Российской Федерации: некоторые спорные вопросы // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 82–86.

2. Курочкина О.А. К вопросу о способах защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в Российской правоприменительной практике // Право и управление. 2022. № 11. С. 19–24. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-11-19-24.

3. Магомедова М.А., Кайтмазов З.К. Участие в арбитражном процессе уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 128–132. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-33-1-128-132.

4. Горлова А.А., Старцева С.В. Формы защиты прав предпринимателей и виды предпринимательских споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–2. С. 183–187. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-2-183-187.

5. Байбекова Э.Ф., Мельникова А.Н. Досудебный порядок урегулирования споров как альтернативный способ защиты прав предпринимателей // Вестник магистратуры. 2023. № 1–1. С. 42–43.

6. Попов И.С. Некоторые аспекты защиты прав предпринимателей в судебном порядке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–3. С. 168–170. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-3-168-170.

А.А. БАРАННИКОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – В.В. СКРИПНИК

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Данное исследование посвящено проблемам, возникающим при рассмотрении дел в порядке особого производства о внесении изменений в записи актов гражданского состояния. Работа освещает особенности проведения рассмотрения внесения изменений в записи актов гражданского состояния. Анализируются нормативные акты, регламентирующие внесение изменений в записи актов гражданского состояния, а также проблемы, возникающие при рассмотрении этих дел.

Ключевые слова: особое производство; проблемы рассмотрения дел; акты гражданского состояния; внесение изменений; нормативные акты.

В порядке особого производства суд рассматривает дела о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния.

Акты гражданского состояния – это события или действия граждан, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, либо сведения, характеризующие статус гражданина (например, рождение и смерть, вступление в брак и расторжение брака, усыновление (удочерение)). Актовые записи являются официальным доказательством записанных в них обстоятельств, поэтому вносимые сведения должны быть полными, точными и правильно отражать регистрируемое событие или действие. Изменения актовой записи могут быть вызваны необходимостью отразить в документах те изменения в гражданском состоянии, которые произошли в силу тех или иных обстоятельств: изменение фамилии в связи с вступлением в брак; изменение фамилии ребенка в связи с изменением фамилии его матери; усыновление ребенка с последующим присвоением ему фамилии усыновителя. Необходимость внесения

исправления может быть вызвана ошибками, допущенными работником органов загса в написании фамилии, имени, отчества или других сведений при регистрации акта гражданского состояния, как в актовой записи, так и в свидетельстве, выдаваемом на основании этой записи.

Особенностью данной категории дел является досудебный порядок разрешения вопроса. Первоначальное обращение в органы загса нередко снимает возникающие у граждан вопросы. Срок рассмотрения обращения один месяц со дня поступления заявления. В тех же случаях, когда вопрос не разрешен положительно, возникает необходимость обращения в суд [1]. Одним из условий рассмотрения такого дела в суде является отказ органов загса внести исправления или изменения в произведенные записи. Органы загса обязаны выдать заявителю копию заключения о невозможности внесения изменений. Отказ может быть вызван различными причинами – от объективных до заблуждения о невозможности внесения исправлений в запись. Другим условием является отсутствие спора о праве.

Категория дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния признается как одна из наиболее стабильных в вопросе ее регулирования гражданским процессуальным законодательством. Данный вопрос законодательно закреплен в главе 36 Гражданского процессуального кодекса РФ «Рассмотрение дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния», регулирующей особенности рассмотрения данной категории дел судами общей юрисдикции. Однако анализ практики рассмотрения таких дел позволяет установить ряд практических проблем, требующих разрешения законодательным путем.

В заявлении, поданном в суд заявителем, помимо реквизитов, установленных ст. 131 Гражданского процессуального кодекса РФ, должно быть указано, в чем заключается неправильность записи в акте гражданского состояния, когда и каким органом загса было отказано заявителю в исправлении записи, какими доказательствами подтверждается неправильность записи, какие конкретно исправления или изменения заявитель просит внести (ст. 308 Гражданского процессуального кодекса РФ). Тогда возникает одна из проблем, которая возникает при рассмотрении таких дел – недостаточная ясность критериев и условий для внесения изменений в записи актов гражданского состояния [2].

Кроме того, недостаточное количество информации о процедуре внесения изменений в записи актов гражданского состояния и правилах их рассмотрения также вызывает определенные трудности. Здесь хотелось бы иметь более четкий алгоритм действий суда, в случае возникновения данной проблемы.

В свете введения в законодательную систему Кодекса административного судопроизводства РФ возникла и является по сей день неразрешенной проблема определения подведомственности дел, включаемых в рассматриваемую категорию. В ст. 307 Гражданского процессуального кодекса РФ говорится о том, что суд рассматривает дела о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния, если органы записи актов гражданского состояния при отсутствии спора о праве отказались внести исправления или изменения в произведенные записи. В этой связи, может возникнуть вопрос о том, в каких случаях следует обращаться в порядке главы 36 Гражданского процессуального кодекса РФ в по-

рядке особого производства, а в каких – посредством подачи административного иска по правилам систему Кодекса административного судопроизводства РФ. Упомянутые процессуальные законы ответа на данный вопрос не дают.

Аналогичным образом не содержат ответа и положения Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». В ст. 72 указанного закона регламентируется порядок рассмотрения заявлений о внесении изменений или исправлений в записи актов гражданского состояния, а в части пятой данной статьи определено, что отказ в удовлетворении соответствующих заявлений может быть обжалован в судебном порядке. Однако здесь никоим образом не уточняется, в каком именно процессуальном порядке надлежит реализовывать право на судебную защиту.

Вполне очевидно, что основания для обращения в порядке особого производства по правилам главы 36 Гражданского процессуального кодекса РФ и обращения в порядке искового производства по правилам систему Кодекса административного судопроизводства РФ являются принципиально разными и отвечают принципиально разному предназначению. Наиболее наглядным критерием разграничения в данном случае выступает наличие или отсутствие спора между заявителем и уполномоченным на ведение записей актов гражданского состояния органом. Отсутствие такого спора делает возможным обращение в порядке главы 36 Гражданского процессуального кодекса РФ, о чем прямо указывает ч. 1 ст. 307 Гражданского процессуального кодекса РФ. При наличии же спора между заявителем и государственным органом особый порядок не подлежит применению, как и не подлежит применению гражданское процессуальное законодательство – поскольку разрешение такого спора применяются правила административного судопроизводства. При выявлении в судебном заседании обстоятельств, свидетельствующих о наличии спора гражданско-правового характера (например, исправлением записи затрагиваются чьи-либо права), суд должен оставить заявление без движения, а начатое дело – без рассмотрения, и разъяснить заинтересованному лицу возможность обращения в суд с соответствующим иском. Тогда по причине правовой неопределенности возникают затруднения в определении подведомственности дела о внесении изменений или исправлений в записи актов гражданского состояния, что препятствует эффективности правового регулирования исследуемой сферы отношений.

Аналогичным образом возникают препятствия для процессуальной экономии: заявитель подает обращения, не подлежащие рассмотрению судом в силу несоблюдения правила подведомственности, но при этом суд обязан предоставить мотивированное определение об отказе в принятии заявления к рассмотрению. Отсюда следует вывод, что действующие положения ст. 72 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» требуют внесения изменений. Необходимо уточнить в ч. 5 ст. 72 указанного закона, в каких случаях обращение в суд в связи с отказом уполномоченного органа внести изменения или исправления в записи актов гражданского состояния осуществляется в порядке Гражданского процессуального кодекса РФ, а в каком – в порядке систему Кодекса административного судопроизводства РФ. Внесение подобных уточнений позволит устранить сложности в определении подведомственности данной категории дел, будет способствовать качеству правового регулирования и процессуальной экономии.

Также принципу процессуальной экономии способствовало бы и установление в ст. 307 Гражданского процессуального кодекса РФ альтернативной подсудности по рассматриваемой категории дел. В настоящее время заявления, поданные в порядке главы 36 Гражданского процессуального кодекса РФ, рассматриваются исключительно судами по месту жительства заявителя, в то время как орган, осуществляющий ведение записей актов гражданского состояния, может находиться в другом месте, что влечет необходимость истребования и пересылки дополнительных материалов для рассмотрения дела судом, что значительно тормозит ведение процесса и вынесения решения судом. Но и здесь, как и в предыдущем случае, отсутствует четкий алгоритм действий для решения спорных вопросов или конфликтов при рассмотрении дел в порядке особо производства.

Следующей проблемой отметим возможность возникновения коррупционных практик или злоупотреблений при рассмотрении дел о внесении изменений в записи актов гражданского состояния. При реализации антикоррупционной политики в системе органов ЗАГС актуальной проблемой на сегодняшний день все еще является правовая безграмотность по вопросам государственной регистрации актов гражданского состояния, которые рассчитывают на получение сведений как в отношении себя, так и в отношении третьих лиц без каких-либо на то законных оснований [3].

Также хочется отметить отсутствие законодательно закрепленного эффективного механизма контроля за процессом внесения изменений в записи актов гражданского состояния.

Таким образом, можно сделать вывод, что действующий процессуальный порядок рассмотрения дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния нуждается в совершенствовании. Решение описанных проблем будет способствовать повышению качества процессуального законодательства, процессуальной экономии и снижению нагрузки на суды, рассматривающие гражданские дела.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Трофимова М.С. Пути совершенствования производства по делам о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния в гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 3. С. 113–118.
 2. Лошкарёв А.В., Искандарова Э.И. Рассмотрение дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–4. С. 63–65. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-5-4-63-65.
 3. Чельшева Ю.Д. Реализация антикоррупционной политики в системе органов записей актов гражданского состояния // Инновационная наука. 2022. № 12–1. С. 111–113.
-
-

А.С. ЖУРАВАЕВА, Ф.Р. ФЕЙЗУЛЛАЕВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – М.Ю. ЛЕБЕДЕВ

КОЛЛИЗИЯ НОРМ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСКА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА

В данной статье анализируются нормативно-правовые акты, связанные с коллизией норм об обеспечении иска на стадии возбуждения уголовного дела, раскрывается определение понятия «обеспечение иска». Приводятся принципы гражданского процессуального законодательства, на основе которых руководствуется судья. Сравниваются ст.ст. 141 и 133 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: иск; судья; принципы; суд; заявление; коллизия; нормативные правовые акты.

Рассматривая коллизию в правовом аспекте, мы определяем ее как разногласие нормативных правовых актов, регулирующих одни правоотношения либо несколько схожих и функциональность органов государственной власти.

В качестве подтверждения вышесказанных слов разберем Гражданский процессуальный кодекс РФ и рассмотрим наглядно две схожие статьи. Согласно ст. 133 упомянутого кодекса срок стадии возбуждения гражданского дела – пять суток, напротив, в ст. 141 срок рассмотрения заявления об обеспечении иска – один день со дня его поступления.

Как пишет М.К. Треушников, «обеспечение иска – одна из важных гарантий защиты прав граждан и юридических лиц, предусмотренных как гражданско-процессуальным, так и уголовно-процессуальным законодательством. Обеспечение иска направлено на реальное и полное восстановление имущественных прав граждан и юридических лиц, нарушенных в результате совершения гражданского правонарушения или преступления. Значение данного института состоит в том, что им защищаются законные интересы истца на тот случай, когда ответчик будет действовать недобросовестно или когда непринятие мер может повлечь невозможность исполнения судебного постановления» [1].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» дано разъяснение по взаимосвязанному толкованию данных норм.

Гражданский процессуальный кодекс РФ в ст. 139 трактует об обеспечении иска в любом из положений дела и судья обязан иметь это ввиду, т.к. это касается и момента только еще подготовки дела к судебному процессу.

Важно отметить, что, благодаря двум замечательным и справедливым принципам: состязательность и равноправие сторон, судья в судебном процессе судья не имеет права предпринимать какие-либо меры лишь по своей инициативе. Также этому способствуют требования, отраженные в ч. 3 ст. 140 Гражданского процессуального кодекса РФ.

С.А. Мукасева указывает на «выражение сущности принципа состязательности в правовом диалоге сторон в правовом споре. И именно посредством такого диалога в рамках определенного вида судопроизводства стороны стремятся разрешить возникший между ними спор, представляя суду свои доводы, обоснования и доказательства» [2].

Действие принципа состязательности не ограничивается только сферой доказывания обстоятельств, на которые ссылаются стороны при обосновании своих требований и возражений.

Под равенством сторон гражданское процессуальное законодательство понимает равный набор прав, которыми стороны могут обладать в суде.

Судья в определенной степени субъективен, когда излагает в своем решении аргументы, побудившие его разрешить спор таким образом. Существуют причины субъективного характера. Очевидно, что субъекты правоприменительной практики воздействуют на основе понимания и применения крайне формального права, содержащего общие черты допустимости того или иного социального поведения, как правило, не признавая индивидуальности ситуации, в которой может проявиться отклонение от нормального социального поведения. Это и понятно: законодатель не может учитывать разнообразие жизни. Восстанавливая законность и порядок, суд обязан считаться с правом, и в первую очередь, с основными руководящими принципами, т.е. с принципами права, среди которых принципы справедливости, гуманизма, законности, презумпции невиновности, целесообразности.

Принцип состязательности и равноправия сторон предусматривает единое толкование этой правовой нормы и заключается в том, что лица, участвующие в судебном разбирательстве, имеют одинаковые возможности использовать приемлемые средства для отстаивания своей позиции, чтобы отстоять свою правоту [3]. Суд – это орган, который обязан следить за соблюдением провозглашенного принципа, обязан обеспечивать равные условия для сторон при осуществлении правосудия и призван устанавливать истину в каждом конкретном случае.

И, как уже отмечалось нами выше, заявление от истца подлежит принятию и рассмотрению в тот же день, в который оно было подано, не извещая о подаче ответчика и других участников судебного производства. Вследствие рассмотрения заявления выносится судебное определение (ст. 141 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Мы видим две параллели.

Первая – законодательно заявление рассматривается в день подачи, а не в день возбуждения самого гражданского дела.

Вторая – если дело еще не возбуждено, оставить заявление без движения нельзя. Соответственно, ст. 141 Гражданского процессуального кодекса РФ в данной ситуации бесполезна.

Отрицательным моментом Гражданского процессуального кодекса РФ является то, что при определении момента возбуждения гражданского дела на данный кодекс опираться не имеет смысла. Поэтому следует опираться лишь на судебную практику, согласно которой моментом возбуждения гражданского дела является принятый судьей к производству иск. С ним же разрешаются и ходатайство о принятии мер по обеспечению иска.

Но как же тогда применять ст. 141 Гражданского процессуального кодекса РФ?

В данном случае и возникает коллизия. Нами были предложены следующие пути решения: путем исключения, выбора более значимой для гражданского дела нормы и толкование нормы по смыслу.

Приведем ниже порядок действий, при котором можно разрешить проблему:

1. Проанализировать нормативные правовые акты и сопоставить все различия между ними.
2. Поставить одно в приоритет, опираясь на принципы гражданско-процессуального права.
3. Определить актуальный и свежий нормативный правовой акт и руководствоваться именно им.
4. Специальный нормативный правовой акт имеет большее значение нежели общий.
5. Проанализировать судебную практику, в которой отражены те же ситуации и опираться на нее.

Проведя анализ ст. 133 и ст. 141 Гражданского процессуального кодекса РФ, мы считаем, что для разрешения данной коллизии нужно руководствоваться, нормами ст. 133 Гражданского процессуального кодекса РФ, т.к. данная норма содержит общий порядок применения, а обеспечительные нормы несут в себе специальный характер.

Еще одним выходом из проблемы является сопоставление нормативных правовых актов по юридической силе. Имея равную юридическую силу, опираться стоит на последствия применения каждого из них. В нашем разборе как раз такая ситуация и мы считаем, что лучшим решением является принятие заявления к производству и только потом принятие решения по обеспечительным мерам.

Подводя итог ко всему вышесказанному, мы определили, что приоритетной нормой при подаче заявления об обеспечении иска будет являться ст. 133 Гражданского процессуального кодекса РФ.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М.К. Треушникова. Статут, 2014. 464 с.
2. Мукасева С.А. Принцип состязательности в юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2006. 190 с.
3. Лебедев М.Ю. Место состязательности на пути достижения цели гражданского судопроизводства // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: Сб. докл. на I Международ. науч. конф. М.: ИКД «Зерцало-М», 2022. – С. 211–215.

Я.О. КАРТАВОВ, С.С. СЕНИЦЫНА

МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ДЕДЛОКОВ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

В статье анализируются механизмы разрешения корпоративных конфликтов, анализируются способы, существующие в мировой практике, выделяются их преимущества и недостатки. Приведены примеры использования данных механизмов из судебной практики. Сделан вывод о необходимости внедрения альтернативных способов разрешения корпоративных деделок в российскую правовую практику.

Ключевые слова: корпоративные деделки; корпоративные конфликты; механизмы разрешения споров; альтернативное разрешение споров; корпоративные отношения.

Корпоративный дедлок (от англ. deadlock – тупик) возникает, когда участники корпорации не могут прийти к согласию по ключевым вопросам управления, что может парализовать ее деятельность. Это явление может существенно повлиять на стабильность и функционирование компании, особенно если процессы принятия решений требуют единогласия или если в компании имеется равномерное распределение долей между акционерами. В таких ситуациях возникает паралич управления, что может привести к ухудшению финансовых показателей компании или даже к ее банкротству. Для их разрешения разработаны различные внесудебные механизмы.

При этом в России использование таких механизмов остается мало распространенным. Основными способами разрешения корпоративных конфликтов в России являются исключение участника из компании и ликвидация общества. Однако очевидна необходимость во внедрении подобных механизмов, суды зачастую предлагают сторонам урегулировать корпоративные дедлоки по согласованию между собой. Поскольку основной целью является обеспечение возможности продолжения экономической цели, вмешательство государства с целью определения, как правильно сторонам осуществлять свою деятельность, представляется затруднительным. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 июня 2020 г. № 305-ЭС17-2261(8) по делу № А40-240735/2015 суд отклонил возможность ликвидации общества несмотря на сложившийся конфликт между участниками. Сторонам было предложено разрешить спор с помощью корпоративного договора, однако конкретные механизмы для разрешения дедлока не были предложены.

Согласно теории контрактов, выдвинутой Р. Коузом, эффективность механизмов разрешения конфликтов зависит от способности сторон самостоятельно договориться о распределении прав и обязанностей [1].

Одними из возможных инструментов являются механизмы, широко применяемые в международной практике – «голландский аукцион» (Dutch auction); «техасская стрельба» (Texas shoot-out); «русская рулетка» (Russian roulette).

Так, в «русской рулетке» одна сторона предлагает выкупить долю другой стороны по определенной ею цене. Вторая сторона может либо принять это предложение и продать свою долю, либо выкупить долю первой стороны по той же цене. Решение принимается в ограниченный срок, что позволяет не затягивать корпоративный конфликт и оперативно выходить из сложившейся затруднительной ситуации.

Этот механизм был успешно применен в деле *Valinote v. Ballis* (США, 2002), где апелляционный суд подчеркнул, что это позволяет обеспечить справедливость и равенство для обеих сторон, т.к. предложившая сторона рискует продать свою долю по предложенной цене, если другая сторона решит воспользоваться предложением.

Также в Канаде в деле *O'Byrne v. O'Byrne* (2015) механизм «русской рулетки» был включен в корпоративное соглашение между членами семьи, совместно владеющим бизнесом. Суд отметил, что использование этого механизма помогло сторонам избежать судебного разбирательства и обеспечило сохранение компании, позволив найти сбалансированное решение по распределению долей.

Однако в ситуациях, когда одна сторона имеет явное финансовое преимущество, «русская рулетка» может привести к несправедливым результатам, т.к. более обеспеченная сторона будет иметь возможность навязать свою цену. Это является одним из ограничений данного метода. Поэтому необходимо учитывать возможные риски использования такого механизма в случае значительных финансовых различий между сторонами [2].

Механизм «техасской стрельбы» схож с русской рулеткой, но предполагает более сложный процесс. В нем каждая сторона может предложить цену для выкупа доли другой стороны. Процесс идет через серию предложений, когда цена постепенно повышается, и одна из сторон в конечном итоге принимает предложение другой. Преимуществом является гибкость и возможность согласовать стоимость, которая устроит все стороны.

Примером успешного применения этого механизма является дело *Société Générale v. Credit Agricole* (Франция, 2019), в котором крупные акционеры французского банка с его помощью разрешили многолетний корпоративный конфликт. Кассационный суд Франции поддержал использование этого метода, отметив, что он способствует созданию равных условий для сторон и справедливому ценообразованию в условиях конфликта.

В Индии «техасская стрельба» была использована в деле *Tata Sons v. Mistry* (2021) Верховный суд подтвердил, что использование данного механизма является эффективным инструментом разрешения споров, особенно когда стороны заинтересованы в сохранении бизнеса, а не в его ликвидации.

Однако такой подход может привести к затяжному процессу, поскольку стороны могут длительное время предлагать новые цены, что увеличивает временные и финансовые затраты и в конечном итоге негативно сказывается на ведении бизнеса.

«Голландский аукцион» представляет собой способ разрешения конфликта, при котором цена на долю одной из сторон постепенно снижается до тех пор, пока другая сторона не согласится на покупку. Этот метод не так широко распространен, как предыдущие два, поскольку требует большей степени профессионализма со стороны участников, т.к. необходимо взвешенно определить начальную цену и скорость ее снижения, опираясь на реальную рыночную стоимость.

Примером применения является дело *Copeland Auctioneers Ltd.* (Великобритания, 2018), где стороны использовали этот метод для разрешения спора, связанного с оценкой стоимости активов. Суд отметил, что такой аукцион обеспечил прозрачность процесса и способствовал взвешенному определению цены, что позволило избежать ликвидации компании.

В США в деле *Auction Technologies Inc. v. Smith* (2020) «голландский аукцион» использовался, когда между участниками компании существовали значительные финансовые различия и один из них не мог продать свою долю из-за разногласий относительно стоимости компании. Это позволило найти компромисс между сторонами, минимизируя конфликт и ускоряя процесс.

Однако данный метод также имеет свои ограничения. Во-первых, важно, чтобы условия аукциона были четко оговорены заранее, чтобы избежать возможных недоразумений или манипуляций с ценой. Во-вторых, участники должны быть готовы к тому, что цена может снизиться до уровня, который они не ожидали или не согласны принять.

В России, однако, разработка таких инструментов еще находится на стадии становления. Причинами отсутствия применения этих механизмов в российской практике являются как законодательные ограничения, так и недостаточный уровень корпоративной культуры. Российское законодательство не регулирует использование таких инструментов, что затрудняет их использование в бизнес-практике. Недоверие между участниками бизнеса и отсутствие детализированных корпоративных соглашений также являются препятствием для применения этих механизмов.

Тем не менее, внедрение таких механизмов в российскую юридическую практику могло бы существенно повысить эффективность разрешения корпоративных конфликтов [3]. Это позволило бы компаниям избежать дорогостоящих и долгих судебных разбирательств, а также сохранить бизнес, избегая его ликвидации. Для этого необходимо разработать детализированные правовые нормы, регулирующие использование альтернативных методов разрешения корпоративных конфликтов.

Зарубежный опыт использования механизмов «русской рулетки», «техасской стрельбы», «голландского аукциона» показывает, что эти инструменты могут быть эффективными при разрешении корпоративных деловых, особенно если стороны имеют равные возможности для покупки долей. Внедрение этих механизмов в российскую правовую систему могло бы существенно повысить ее гибкость и способствовать более быстрому и справедливому разрешению споров между участниками бизнеса.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фисак К.М. Теория контрактов // Российское общество и экономика: исторический опыт и современность: Мат-лы науч. конф. (зимняя сессия). СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 99–100.
2. Брцнев К.Р. способы разрешения деловых в непубличных корпорациях // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. Владикавказ: Веста, 2021. С. 242–246.
3. Пышкин Е.В. Корпоративные конфликты и способы выхода из них // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Мат-лы XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 221–224.

А.С. КЛОЧКОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – О.А. БЕЛОВА

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СФЕРЕ КОСМЕТОЛОГИИ

Статья посвящена анализу актуальных проблем, возникающих в сфере защиты прав потребителей при оказании платных медицинских услуг в сфере косметологии. Особое внимание уделяется типичным нарушениям прав потребителей в данной сфере, включая некачественное оказание услуг, неполное информирование о рисках, возникающих после проведения процедуры, а также оказание услуг лицами, не обладающими достаточным уровнем образования. Анализ правовых аспектов и практических проблем позволит повысить осведомленность потребителей об их правах и усовершенствовать механизмы их защиты.

Ключевые слова: защита прав потребителей; платные медицинские услуги; косметология; врач-косметолог; медицинская организация.

Косметологические процедуры для лица и тела стали неотъемлемой частью жизни женщин, а в последнее время также и мужчин и в связи с растущей популярностью аппаратной, инъекционной и эстетической косметологии гражданам важно оказывать помощь и обеспечивать их защиту при оказании подобных медицинских услуг.

Ранее косметология как область медицины не признавалась, поскольку не было норм, которые бы ее закрепляли в таком ключе, но в связи с бурным развитием данного вида услуг в 2009 г. был издан Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 415Н, который и узаконил существующую, но не признанную специальность. Соответственно сейчас, при защите прав потребителей в сфере косметологии, мы говорим о защите прав потребителей при оказании платных медицинских услуг.

Услуги, предоставляемые косметологами, в большинстве своем являются медицинскими, соответственно, за оказание косметологических услуг лицами, не имеющими медицинского образования и соответствующей лицензии, предусмотрена ответственность в виде административного штрафа, а в случаях причинения вреда здоровью пациента может наступить и уголовная ответственность. Однако проблема возникает при определении каким именно уровнем медицинского образования необходимо обладать для оказания косметологических услуг, ведь несмотря на кажущуюся легкость процедуры, которую могут выполнять и медсестры, существует множество тонкостей, которые ставят под сомнение способность лица, отучившегося 4 года в средне-специальном учреждении их осуществить без причинения вреда здоровью пациента, например, при аппаратной косметологии воздействие происходит в глубоких слоях кожи или введение инъекций, когда реакция организма на инородные вещества может быть самой неожиданной. Хотя главная задача медсестры – выполнение процедур, которые назначает врач-косметолог это правило соблюдается зачастую лишь крупными клиниками с полным штатом сотрудников. Это обусловлено тем, что в законодательстве не указаны конкретные манипуляции, которые могут совершать медицинские работники со средним образованием, что развязывает руки медицинским организациям, ведь как такового запрета в законодательной базе нет. Необходимо устранить данный пробел в законодательстве путем конкретизации видов манипуляций, которые могут производить медработники со средним образованием и перечень медицинских услуг в области косметологии, которые может осуществлять исключительно врач-косметолог. Это позволит гражданам обезопасить себя, а в случае причинения им вреда – защитить свои права в судебном порядке.

Как и все медицинские услуги, согласно приложению к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. № 390н, косметологические услуги могут проводиться только при наличии предварительного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Именно благодаря его наличию пациент может ознакомиться с процедурой, которая будет проводиться, процессом проведения, предполагаемым результатом, а также с противопоказаниями, которые могут повлиять на результат или привести к проблемам со здоровьем. Подписав согласие, пациент соглашается с указанными в нем условиями и даже если невнимательно прочитал и что-то упустил,

считается предупрежденным о последствиях и рисках, связанных с оказанием услуги, поэтому необходимо внимательно читать соглашение, чтобы избежать недопонимания, проблем и дальнейших разбирательств с клиникой.

Предварительное добровольное информированное согласие служит средством защиты потребителя при оказании медицинских услуг в сфере косметологии [1]. В случае некачественного оказания услуг и недостижения того результата, к которому стремился пациент можно сослаться на данное согласие. Например, если в нем не указаны и исходя из характера процедуры не могли наступить последствия, которые в итоге произошли это может свидетельствовать о халатности медицинского работника. В этом случае у лица имеется возможность потребовать возмещения вреда и при этом высока вероятность достижения положительного результата по делу. Это является средством защиты не только потребителя, но и представителя услуг. Клиника, которая оказывает косметологические услуги, соблюдая правило предоставления добровольного информированного согласия помимо того, что не столкнется с ответственностью, ведь это является обязанностью медицинской организации, также может обезопасить себя, прописав, например, предполагаемый результат и то, что он может отличаться в зависимости от индивидуальных особенностей конкретного человека, таким образом, если пациент, неудовлетворенный результатом, решит взыскать с клиники денежные средства, медицинская организация ссылаясь на это согласие и прописанные условия о том, что результат может незначительно отличаться избежит ответственности и в дальнейшем будет реже сталкиваться с недобросовестными клиентами.

Следующая проблема заключается в том, что очень много медицинских работников оказывают косметологические услуги на дому: у себя или даже у пациента, размещая объявления на интернет-сайтах [2]. Например, врач косметолог, который работает в медицинской клинике и оказывает косметологические услуги, желая заработать больше денежных средств, переманивает часть клиентов и оказывает им те же косметологические услуги уже на дому за меньшую стоимость. Да, у него есть соответствующее образование, но проблема заключается в том, что в домашних условиях сложно поддерживать ту идеально необходимую чистоту, которая требуется для оказания услуг и как бы тщательно не обрабатывалось помещение, оказание услуг на дому проводится в условиях антисанитарии. В квартирах/домах большое количество поверхностей на которых может скапливаться пыль, у многих живут домашние животные, даже если врач-косметолог принимает у себя на дому, сложно соблюдать все условия, чтобы не занести инфекцию и не заразить пациента, а провести косметологическую процедуру на дому у самого клиента «не в антисанитарных» условиях практически невозможно. Но не только антисанитария является проблемой при оказании косметологических услуг. Поскольку происходит медицинское вмешательство, существуют риски осложнения ситуации, ухудшения состояния клиента, непредвиденные реакции организма на производимые манипуляции и если в медицинской организации существует необходимая аппаратура, штат сотрудников, которые в случае чего могут подстраховать врача и избежать печальных последствий, то осуществляя те же процедуры на дому может наступить даже летальный исход, чего можно было бы избежать при оказании услуг в клинике [3].

Подводя итоги, важно отметить, что необходимо добросовестно подходить к оказанию косметологических услуг, поскольку лицо, обратившееся за ними желает добиться положительного результата, а не столкнуться с ухудшением своего здоровья или необратимыми изменениями своей внешности, в свою очередь пациент, во избежание неблагоприятных последствий для себя, должен осознанно подходить к выбору медицинской организации, врача и понимать, что несмотря на эстетические цели это остается медицинской процедурой и результаты могут быть самыми разными.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданское право: Учеб. / Отв. ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. М.: Статут, 2021. 614 с.
 2. Адабаш А.А. Правовая природа договора на оказание платных медицинских услуг в российском праве // Эпомен. 2021. № 58. С. 128–132.
 3. Бакаева М.К., Оздоева А.И. Защита прав потребителей в сфере оказания платных медицинских услуг // Научный Альманах ассоциации France–Kazakhstan. 2024. № 1. С. 219–222.
-
-

А.И. КОЗЛОВА

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ МАТЕРИ

Статья посвящена исследованию правового статуса несовершеннолетних матерей в России с акцентом на анализ законодательства, судебной практики и существующих мер социальной поддержки. Рассматриваются основные проблемы, такие как ограниченная дееспособность и трудности в установлении отцовства. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования и социальной помощи для улучшения положения несовершеннолетних матерей.

Ключевые слова: несовершеннолетняя мать; семейное право; социальная защита; юридическая помощь; установление отцовства; социальная поддержка.

Правовой статус несовершеннолетней матери в Российской Федерации представляет собой сложный комплекс правовых норм, которые регулируют ее права, обязанности и ответственность. Особенность правового положения несовершеннолетней матери заключается в пересечении норм семейного, гражданского и социального законодательства, а также в необходимости учета ее интересов как матери и как несовершеннолетнего лица. Актуальность исследования данного вопроса обусловлена ростом числа ранних беременностей и родов среди несовершеннолетних, что требует не только адекватной правовой поддержки, но и разработки системного подхода к защите прав данной категории лиц. Несовершеннолетняя мать сталкивается с многочисленными проблемами: от трудностей с признанием отцовства и получения алиментов до ограничений в реализации прав на воспитание ребенка из-за отсутствия полной дееспособности. Судебная практика показывает, что нередко несовершеннолетние матери становятся жертвами правовой неопределенности, которая приводит к ущемлению их интересов. В то же время несовершенство законодательства затрудняет работу государственных органов, ответственных за защиту прав ребен-

ка и его матери. Целью настоящей статьи является анализ действующего законодательства, судебной практики и выявление проблем, связанных с правовым статусом несовершеннолетних матерей, а также поиск путей их решения.

Основным нормативным актом, регулирующим права несовершеннолетней матери, является Семейный кодекс РФ. В соответствии со ст. 54 Семейного кодекса РФ, ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, а родители обязаны обеспечивать его интересы. Однако в отношении несовершеннолетней матери возникают правовые коллизии, связанные с ее ограниченной дееспособностью. Согласно ст. 13 Семейного кодекса РФ, брачный возраст устанавливается в 18 лет, но в исключительных случаях допускается заключение брака с 16 лет [1]. Это напрямую влияет на признание полной дееспособности несовершеннолетней матери. Семейный кодекс РФ в ст. 62 предусматривает право несовершеннолетних родителей самостоятельно осуществлять родительские права. Однако отсутствие полной дееспособности ограничивает их возможности, например, в вопросах распоряжения имуществом ребенка или защиты его интересов в судебном порядке [2]. Кроме того, органы опеки и попечительства могут вмешиваться в процесс воспитания ребенка, что нередко вызывает конфликты. Согласно ст. 21 Гражданского кодекса РФ, полная дееспособность наступает по достижении 18 лет. Однако несовершеннолетние, вступившие в брак или признанные эмансипированными, получают полную дееспособность до наступления совершеннолетия. Это положение имеет ключевое значение для несовершеннолетних матерей, позволяя им полноценно реализовывать свои права. В то же время ст. 26 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут совершать сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителей [3]. Это ограничение распространяется и на матерей, что вызывает трудности при принятии решений, касающихся воспитания и обеспечения ребенка. Несовершеннолетние матери имеют право на социальную поддержку, включая пособия на ребенка, предоставляемые в соответствии с Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Однако практика показывает, что несовершеннолетние матери часто сталкиваются с бюрократическими преградами при получении этих выплат [4].

Дополнительные сложности возникают в вопросах регистрации ребенка. Согласно ст. 51 Семейного кодекса РФ, запись о рождении ребенка производится на основании заявления родителей [1]. Для несовершеннолетних матерей отсутствие полной дееспособности может стать препятствием при самостоятельном обращении в органы ЗАГС. Более того, отсутствие признания отцовства увеличивает финансовую и юридическую нагрузку на мать. Часто отцы ребенка уклоняются от подачи совместного заявления, что вынуждает мать обращаться в суд. Установление отцовства через суд требует дополнительных затрат времени и ресурсов, что создает дополнительный стресс для молодой матери.

Анализ судебных решений показывает, что большинство споров, связанных с несовершеннолетними матерями, касаются установления отцовства, взыскания алиментов и определения места жительства ребенка. Так, решении

по делу № 16-КГ23-20-К4 Верховный Суд РФ отметил, что интересы несовершеннолетней матери и ребенка должны иметь приоритет при разрешении споров, связанных с их правами [3]. Основная проблема несовершеннолетней матери – это ограниченная дееспособность, которая затрудняет реализацию родительских прав. Например, для регистрации ребенка, получения медицинской помощи или оформления социальных выплат требуется согласие законных представителей несовершеннолетней матери. Установление отцовства в отношении ребенка несовершеннолетней матери нередко становится сложным процессом. Закон требует совместного заявления родителей в органы ЗАГС или судебного решения, что затруднительно, если отец уклоняется от своих обязанностей. Хотя законодательство предусматривает ряд мер социальной поддержки для несовершеннолетних матерей, их объем зачастую недостаточен. Например, предоставляемые пособия не покрывают минимальные потребности матери и ребенка. Несовершеннолетние матери часто оказываются в социально уязвимом положении, но специализированные программы реабилитации и поддержки для этой категории лиц в России развиты слабо [4].

Необходимо внести изменения в Семейный кодекс РФ и Гражданский кодекс РФ, которые позволят несовершеннолетним матерям получать полную дееспособность автоматически при рождении ребенка. Это упростит процесс реализации их прав и устранил многие правовые коллизии. Требуется пересмотр существующих мер социальной поддержки в сторону их увеличения. Введение дополнительных выплат и специализированных программ поддержки для несовершеннолетних матерей поможет улучшить их положение. Создание центров сопровождения несовершеннолетних матерей, где они могли бы получать психологическую, юридическую и социальную помощь, способствовало бы их успешной интеграции в общество. Правовой статус несовершеннолетней матери требует более детального регулирования и учета интересов данной категории лиц. Анализ законодательства и судебной практики показывает, что существующие нормы часто не обеспечивают должной защиты их прав. Совершенствование законодательства, усиление социальной поддержки и развитие специализированных служб сопровождения помогут решить многие проблемы, с которыми сталкиваются несовершеннолетние матери, и обеспечат реализацию их прав на достойную жизнь и воспитание ребенка.

В дополнение к вышеперечисленному, необходимо рассмотреть международный опыт в вопросах поддержки несовершеннолетних матерей. Например, в некоторых европейских странах создаются специальные образовательные программы для матерей, которые позволяют совмещать обучение с уходом за ребенком [3]. В таких программах особое внимание уделяется предоставлению психологической помощи, что особенно важно для молодых матерей, находящихся в стрессовой ситуации. Введение подобной практики в России способствовало бы повышению уровня социальной адаптации несовершеннолетних матерей и их детей. Еще одной важной мерой является улучшение доступа к медицинской помощи. Несмотря на гарантии бесплатного здравоохранения, несовершеннолетние матери сталкиваются с трудностями при получении услуг. Это связано

как с недостаточной информированностью, так и с бюрократическими барьерами. Необходимо разработать специальные программы медицинского сопровождения, которые включали бы наблюдение за здоровьем матери и ребенка, консультации по вопросам ухода и питания, а также профилактические мероприятия. Отдельного внимания заслуживает проблема стигматизации несовершеннолетних матерей в обществе. Существует необходимость проведения широкомасштабных информационных кампаний, направленных на изменение отношения общества к молодым матерям. Такие кампании могли бы включать в себя образовательные программы для школьников, студентов и родителей, а также работу со средствами массовой информации [4]. Важно подчеркнуть, что поддержка несовершеннолетних матерей – это не только вопрос социальной политики, но и инвестиция в будущее поколения. Стабильная и защищенная молодая мать способна обеспечить своему ребенку лучшие условия для развития, что в конечном итоге способствует общему благополучию общества.

Для решения проблемы необходимо системное реформирование. Помимо юридических изменений и социальной поддержки, важно наладить сотрудничество между государственными органами, образовательными учреждениями и медицинскими организациями. Формирование межведомственных программ, направленных на профилактику ранней беременности и поддержку несовершеннолетних матерей, может стать важным шагом в улучшении их положения. К примеру, создание специализированных центров помощи, где несовершеннолетние матери смогут получать не только юридическую и медицинскую помощь, но и психологическую поддержку, может существенно повысить их шансы на успешную социализацию. Необходимо также рассмотреть возможность создания образовательных программ, которые учитывали бы особые потребности несовершеннолетних матерей, включая дистанционное обучение и гибкий график посещения занятий. Такие меры позволят обеспечить молодым матерям доступ к образованию, что является важным фактором их дальнейшей успешной интеграции в общество.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Давыдова А.И. Проблемы правового статуса несовершеннолетних родителей // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2017. № 2. С. 27–28.
 2. Меньяло А.Н., Тищенко И.В., Меньяло Д.В. Правовой статус несовершеннолетних родителей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11. С. 371–374. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_371.
 3. Основы частного права России: Учеб. пособие / Под общ. ред. Е.В. Калининной. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. 252 с.
 4. Козлова А.И., Марков Р.С. Теневая сторона демографии: проблемы подростковых беременностей и социально-психологической поддержки несовершеннолетних матерей // International Journal of Medicine and Psychology, 2024. Т. 7. № 3. С. 110–116. DOI: 10.58224/2658-3313-2024-7-3-110-116.
-
-

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Актуальность темы обуславливается тем, что в условиях развития глобальной экономики и миграции населения увеличивается количество случаев, когда граждане одной страны владеют имуществом в другой или имеют родственников, проживающих за рубежом, что создает необходимость регулирования наследственных правоотношений с учетом иностранного элемента, а также тем, что законодательство государств существенно различается, а отсутствие унифицированного подхода приводит к коллизиям, затрудняя процесс наследования. Внимание уделяется анализу законодательства Российской Федерации, иностранных государств, международных правовых норм, отмечается необходимость изменения законодательства, стремления к унификации правовых норм.

Ключевые слова: наследование; завещание; иностранный элемент; конвенция; международное частное право; личный закон; закон места жительства.

Наследование по завещанию, осложненное иностранным элементом, является достаточно актуальной проблемой на современном этапе развития наследственных отношений в нашем государстве. Чтобы более подробно разобраться в указанном вопросе, следует отметить, что же представляет собой наследование. Так, В.Н. Гаврилов отмечал, что наследование представляет собой переход наследства умершего гражданина, именуемого наследодателем, к другому лицу (лицам) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [1]. В соответствии со ст. 1111 Гражданского кодекса РФ оно осуществляется по завещанию, наследственному договору и по закону. Более подробно рассмотрим наследование по завещанию. Как справедливо отмечается в научной литературе завещание всегда представляет собой личное распоряжение дееспособного гражданина на случай своей смерти по поводу его имущественных прав и обязанностей [2]. Таким образом, завещание можно определить как одностороннюю сделку.

На сегодняшний день в Российской Федерации все чаще встречаются дела, где наследование осложнено иностранным элементом. Соответственно наследование по завещанию с иностранным элементом является сложной правовой ситуацией, которая требует особого внимания. Правовое регулирование рассматриваемого вопроса основывается как на международных договорах, так и на внутреннем законодательстве Российской Федерации, направленном на обеспечение защиты прав наследников и выполнение последней воли завещателя. Так, А.А. Алексеевская в своей работе говорит о том, что наследственные отношения, которые осложнены иностранным элементом, вызывают огромное количество вопросов на практике, в связи с тем, что требуют знания как законодательства Российской Федерации, так и того государства, с которым связана процедура наследования [3].

Одним из наиболее актуальных вопросов, касающихся наследования, осложненного иностранным элементом, является вопрос права, которое будет применимо в данном случае. Согласно положениям международного частного права, для решения вопроса о том, какое законодательство применяется к наследственным отношениям, необходимо учитывать несколько аспектов.

В первую очередь необходимо рассмотреть само понятие «иностраннный элемент». В ст. 1186 Гражданского кодекса РФ о нем имеется упоминание, однако законодательно-закрепленное определение рассматриваемого понятия в российском законодательстве отсутствует. Исходя из анализа норм рассматриваемой статьи, необходимо отметить, что иностраннный элемент может пониматься в трех разных вариантах: во-первых, по субъектному составу, например, когда, наследником будет являться иностраннный гражданин; во-вторых, по объекту правоотношения, когда тот или иной предмет, подлежащий наследованию, находится на территории иностранного государства, и, в-третьих, по юридическому факту, имеющему место за границей. Впервые понятие «иностраннный элемент» ввел М.И. Брун, который определил его как правоотношения, которые связаны с несколькими территориями: иностраннный субъект, нахождение объекта за границей, возникновение права на одной территории, а его осуществление на другой [4]. Однако, если иностраннный гражданин также имеет гражданство Российской Федерации, то в данном случае иностраннный элемент будет отсутствовать.

В большинстве случаев при наследовании применяется принцип «*lex domicilii*», т.е. право той страны, где наследодатель имел постоянное место жительства на момент своей смерти. Тем не менее, в определенных ситуациях возможно применение права страны гражданства наследодателя. Если рассматривать объект правоотношений как иностраннный элемент, то, к примеру, в соответствии со ст. 1224 Гражданского кодекса РФ, наследование недвижимого имущества осуществляется по законам того государства, на территории которого оно расположено, тогда как недвижимость, зарегистрированная в государственном реестре Российской Федерации, переходит по российскому законодательству. В свою очередь, движимое имущество наследуется по праву страны последнего места жительства наследодателя.

Для урегулирования вопросов наследования с участием иностранцев большое значение имеют международные соглашения. В соответствии с п. 2 ст. 1224 Гражданского кодекса РФ, а также ст. 50 Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной 17 октября 2002 г., способность лица составлять и отменять завещания, его форма и форма отмены завещания определяются по законодательству той страны, где у завещателя есть место жительства в момент составления рассматриваемого акта, однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям законодательства государства, где составлено завещание, т.е. завещание, признается действительным, если оно имеет форму, которая установлена либо действующим законодательством Российской Федерации, либо правом той страны, где у наследодателя имеется постоянное место жительства, либо того государства, в котором было составлено завещание. Однако Гражданский кодекс РФ устанавливает требование нотариально удостоверенной письменной формы завещания, написанной лично завещателем, в то время как в некоторых зарубежных странах, например, в США допускается совместное завещание, в котором одновременно выражается воля двух или более лиц [5], что по законодательству Российской Федерации является недопустимым и создает коллизии в законодательстве.

Одной из актуальных проблем является также вопрос, касающийся дееспособности гражданина. В научной литературе указывается, что дееспособность физического лица регулируется исходя из личного закона, в то время как право, которое будет применяться, определяется исходя от гражданства либо места жительства этого лица [6]. Так, например, в Бразилии, согласно ст. 79 Гражданского кодекса Бразилии, лицо признается полностью дееспособным по достижении 21 года. Следовательно, в случае, когда гражданин Бразилии постоянно проживает на территории нашей страны, его дееспособность будет определяться по российскому законодательству, поскольку, исходя из ст. 21 Гражданского кодекса РФ лицо признается дееспособным с 18 лет.

Таким образом, правовое регулирование наследования по завещанию с участием иностранного элемента представляет собой сложную область, требующую учета множества факторов. В Российском законодательстве имеется ряд пробелов и коллизий, касающихся наследования по завещанию, осложненного иностранным элементом, что требует внимания и дальнейшего активного изучения и разработки, в т.ч. внесения изменений в Гражданский кодекс РФ, учитывая ее ключевую значимость для граждан. Важно продолжить работу по улучшению международно-правового регулирования вопросов наследования, включая унификацию международных договоров различного уровня и гармонизацию законодательства разных стран до единого стандарта.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Наследование по новому российскому законодательству: Учеб. пособие / Под ред. В.Н. Гаврилова. М: ГУК России, 2002. 85 с.
2. Наследственное право: Учеб.-метод. пособие / Под ред. В.А. Борченко, Е.В. Глебова, М.В. Конавальчук. Самара: СЮИ ФСИН, 2022. 100 с.
3. Алексеевская А. Наследство за рубежом – анализ проблем // Жилищное право. 2022. № 7. С. 5–12.
4. Брун М.И. Введение в международное частное право. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. 79 с.
5. Алешина А.А., Косовская В.А. Основы наследственного права США // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 82–86.
6. Белькова Е.Г. Правосубъектность граждан в международном частном праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2008. № 4. С. 104–108.

А.Е. МАСЛИЧ

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – У.Э. СЕИТБЕКIROVA

РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

В статье рассматривается роль рекламы в современной рыночной экономике и необходимость правового регулирования рекламной деятельности для защиты прав потребителей. Основное внимание уделяется анализу требованиям к рекламе, установленным законодательством и запреты на определенные виды контента, а также необходимость защиты несовершеннолетних. Изучаются существующие проблемы правового регулирования и способы их решения.

Ключевые слова: реклама; рекламная деятельность; права потребителей; правовое регулирование; юридическая ответственность.

Сегодня современная жизнь без рекламы немыслима. Реклама – важная составляющая рыночной экономики, предоставляющая потребителям информацию о широком спектре товаров и услуг. Однако тот факт, что рынок является динамичной системой, актуальность правового регулирования рекламной деятельности в целях предотвращения злоупотреблений и обеспечения защиты прав потребителей повышается.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», «рекламой признается всякая информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке».

При этом законодатель не закрепил понятие рекламной деятельности, из чего можно сделать вывод, что по смыслу закона понятия «реклама» и «рекламная деятельность» тождественные. Однако в научной литературе существуют дискуссии по данному вопросу, поэтому есть обособленное определение понятия «рекламная деятельность» – особая деятельность, направленная на изготовление, обработку информации, ее распространение, способствующей реализации различных товаров, работ, услуг и идей в целях их успешного продвижения на рынке и извлечения прибыли [1].

Одним из наиболее важных аспектов правового регулирования данной деятельности являются требования, устанавливаемые к создаваемой рекламе, в общем виде они закреплены в ст. 5 Федеральном законе «О рекламе».

Основные требования – добросовестность и достоверность. Помимо этого, она не может побуждать к совершению противоправных действий, насилию или жестокости, содержать иностранные слова, искажающие смысл информации, бранные слова, запрещенные продукты для рекламы и другие. Также не допускается размещение рекламы в учебниках, предназначенных для обучения детей по программам начального общего и основного общего образования, школьных тетрадях. Данное требование ставит целью – защиту несовершеннолетних в связи с особенностями психики детей [2].

Перечисленные и иные требования к создаваемой рекламе – логичные, охватывают множество аспектов (например, установление запретов к рекламированию определенной продукции), а за их нарушение законодательство предусматривает юридическую ответственность: административную и гражданско-правовую. Все это один из способов защиты прав потребителей от недобросовестных рекламодателей.

Несмотря на довольно жесткие требования, возникает ряд актуальных гражданско-правовых проблем регулирования рекламной деятельности в современном мире, способных нарушать права потребителей рекламы.

Одна из них – обеспечение достоверной информации, содержащейся в рекламе. В законе указано, главным критерием, которым должна отвечать реклама, является достоверность. При этом встречаются случаи, когда она содержит ложные или вводящие людей в заблуждение сведения. Это приводит к нарушениям прав потребителей (их право на достоверную и полную информацию о товарах, работах и услугах), из-за чего актуализируется необходимость создания более жестких мер контроля за содержанием рекламы и установления ответственности за распространение подобной информации.

Еще одна проблема – рекламирование товаров и услуг, способные нести потенциальную или реальную угрозу жизни, здоровью потребителей. При этом в Федеральном законе содержится ряд ограничений на рекламирование определенной продукции. Так, ст. 21 Федерального закона «О рекламе» запрещает рекламу медицинских препаратов, не содержащих соответствующих предупреждений и ограничений. Аналогичные требования установлены для рекламы алкогольной продукции (ст. 22) и табачных изделий (ст. 23). Однако в связи с огромными темпами роста использования Интернета и социальных сетей это становится невозможно отследить, т.к. недобросовестные рекламодатели стремятся получить лишь выгоду для себя, забывая при этом о том, какой вред они могут нанести потребителям, если не будут указывать, например, полный состав продукции. Реальным примером может послужить дело компании FemFatal, которая продавала свою продукцию в Instagram¹, которая не указала информацию о том, что в составе сыворотки содержится антибиотик тетрациклин, а также не было сведений о сроке годности косметики и возможных противопоказаниях. Естественно, потребители, которым не была предоставлена полная и достоверная информация о приобретенной косметике, потребовали от бренда возмещения суммы покупки и морального вреда [3].

Следует упомянуть, что рекламная деятельность – это одна из самых быстро развивающихся сфер деятельности общества, именно поэтому законодательно представляется трудным уследить за всеми нововведениями и принять соответствующую норму, чтобы урегулировать необходимый аспект. К примеру, в настоящее время появляется все больше способов распространения информации с помощью Интернета, существует таргетированная реклама, вирусная, нативная, контекстная, реклама в социальных сетях и другие. При этом норм, которые бы четко регулировали использование сети Интернет в целях рекламной деятельности, нет. Конечно, в действующий Федеральный закон «О рекламе» было внесено изменение в области интернет-рекламы: с 2022 г. вся публикуемая реклама должна быть промаркирована [4]. Однако это не решает существующую проблему, т.к. некоторые лица, воспользовавшись существующими пробелами в праве, могут вводить потребителей в заблуждение.

Также особое внимание следует уделять рекламе, направленной на детей (одна из наиболее незащищенных и психологически незрелых категорий потребителей). Так, ст. 6 Федерального закона «О рекламе» устанавливает строгие требования к такой рекламе, запрещая использование методов, способных причинить вред здоровью и психическому развитию детей, дискредитировать родителей и иные требования. Однако на практике эти нормы часто нарушаются, что требует усиления контроля, например, блокирование рекламы, которая не соответствует требованиям, на различных интернет-ресурсах, а также большая регламентация вопроса об установлении ответственности рекламодателей за нарушение прав несовершеннолетних.

Для решения указанных проблем, требуется рассмотреть ряд действий, которые могут быть внедрены в систему правового регулирования.

¹ Социальная сеть Instagram принадлежит компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

Следует усовершенствовать законодательство о рекламе медицинских препаратов, косметики и опасных товаров. Так, существующий пробел в законе о рекламе лекарств создает возможность для недобросовестных производителей продвигать свою продукцию. Несмотря на существующие ограничения, блогеры, распространяющие эту информацию в социальных сетях практически не несут никакой ответственности за то, что могут нарушить права потребителей. Именно поэтому актуализируется вопрос об уточнении и ужесточении требований к рекламированию товаров данной категории.

Также следует уделить особое внимание регулированию интернет-рекламы. Введение специального нормативного правового акта, регулирующего все вопросы, касающиеся создания, размещения рекламы в Интернете, социальных сетях, дополнительных санкций за невыполнение всех требований, позволит устранить существующий пробел в правовом регулировании рекламной деятельности. Данная проблема возросла именно в век информационных технологий, именно поэтому усиление контроля в данной области можно добиться путем использования автоматизированных систем мониторинга.

При всех существующих проблемах правового регулирования рекламной деятельности государство принимает меры по охране прав потребителей. Реклама, как разновидность информационных данных, относится к числу объектов интеллектуальной собственности. Именно поэтому, при нарушении прав потребителей в результате ненадлежащей рекламы, им может быть возмещен ущерб, общие условия которого установлены ст. 1064 Гражданского кодекса РФ. Помимо этого, если рекламодатели нарушают законодательство о рекламе, они могут быть привлечены к административной ответственности (штраф). Также, за умышленное нарушение законодательства о рекламе, связанное с мошенничеством, может применяться ст. 159 Уголовного кодекса РФ. Однако приоритетность в данном вопросе находится у гражданского законодательства, т.к. чаще всего при нарушении прав потребителей рекламы, они, обращаясь в суд, требуют возмещения суммы покупки товаров, услуг и морального вреда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное законодательство уделяет большое внимание правовому регулированию рекламной деятельности, устанавливает требования к создаваемой, размещаемой рекламе, а также содержит различные меры по защите прав потребителей в данной сфере. Однако высокий темп развития рассматриваемого вида деятельности создает определенные гражданско-правовые проблемы ее правового регулирования. В связи с этим актуализируется необходимость создания мер комплексного подхода к их решению, чтобы создать безопасную и справедливую среду для рекламной деятельности и всех ее субъектов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маманин Г.Р. К вопросу об определении понятия «рекламная деятельность» // Вестник магистратуры. 2019. № 4–4. С. 87–88.
2. Захарова А.Э., Вертий В.В., Чулюкова Н.А. Правовые аспекты регулирования рекламной деятельности // Молодой ученый. 2021. № 16. С. 256–258.
3. Позднякова О.В. Проблемы правового регулирования рекламы и рекламной деятельности // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 96–99.

Д.М. НАУМОВ, А.А. ПАВЛЕНКО
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Т.А. ИВАНОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Авторами исследуется сущность института принудительного лицензирования, а также особенности его регулирования в отношении авторских прав на международно-правовом уровне и в российском законодательстве. По результатам исследования делается вывод о том, что в российской правовой системе данный институт не реализован в полном объеме, хотя международные правовые акты и допускают существование института принудительного лицензирования в сфере авторских прав. Можно констатировать наличие лишь отдельных его механизмов с точки зрения международного понимания института принудительного лицензирования.

Ключевые слова: принудительное лицензирование; интеллектуальная деятельность; авторское право; международно-правовое регулирование; национальное законодательство; ограничения; публичные интересы.

Институт принудительного лицензирования занимает важное место в системе международного частного права. Вопросы ограничения интеллектуальных прав актуальны и в гражданско-правовых отношениях, осложненных иностранным элементом. Сущность результатов интеллектуальной деятельности такова, что включает в себе столкновение частных и публичных интересов: с одной стороны, правообладатель заинтересован либо в пользовании ими на выгодных ему условиях и в выгодной обстановке, а с другой стороны – злоупотребление данными правами может привести к застою научного-технического и общественного прогресса, в чем не заинтересованы общество и государство. В качестве компромисса и существует данный институт ограничения прав на результаты интеллектуальной деятельности. Своими особенностями, условиями и механизмом рассматриваемый институт обладает и по отношению к авторским правам.

Исследователи Л.В. Шварц и С.М. Бузова под принудительным лицензированием понимают «разрешение, выданное органом государственной власти, на использование результата интеллектуальной деятельности вне зависимости от воли первичного правообладателя (автора), но с обязательной выплатой ему вознаграждения» [1]. Сущность данного механизма заключается в том, что в случае отказа правообладателя предоставить право пользоваться результатами интеллектуальной деятельности суд или же иной орган в сфере интеллектуальной собственности может предоставить такое право другим лицам, фактически ограничивая правообладателя в его абсолютном праве [2]. Однако следует отметить, что условия такого ограничения строго оговорены нормами международных соглашений и национальных законодательств.

Так, одним из основных международных правовых актов в области авторских прав выступает Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. Данная конвенция в ст. 13 закрепляет право государств устанавливать оговорки и условия в отношении исключительного права на музыкальные и литературные произведения. Указанное положение дает воз-

возможность государствам использовать институт принудительного лицензирования в рамках своего национального законодательного регулирования. Детально же механизм принудительного лицензирования в данной конвенции раскрывается лишь в отношении развивающихся стран [3]. Также право государства на установление в национальном законодательстве ограничений и исключений из прав, которыми обладают авторы, закреплено в Договоре Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 г.

Более подробно стоит остановиться на Всемирной конвенции по авторскому праву, пересмотренной в Париже 24 июля 1971 г. (далее – Всемирная конвенция 1971 г.). Право государств-участников конвенции на принудительное лицензирование закрепляется в ст. V и касается права перевода письменных произведений. Здесь в отношении принудительного лицензирования установлены следующие основные ограничения:

1. Должно пройти 7 лет с момента выпуска письменного произведения, и за это время перевод так и не был выпущен;
2. Заявитель на лицензию должен совершить попытку получить разрешение на перевод у субъекта, обладающего таким правом;
3. Внутренним законодательством должны быть предусмотрены меры по обеспечению правообладателю, в т.ч. находящемуся за рубежом, справедливого вознаграждения в соответствии с международной практикой.

Последнее положение особенно важно, поскольку позволяет явно отграничить принудительное лицензирование от незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности. Может показаться, что практика принудительного лицензирования крайне схожа с явлением, называемым в народе «пиратство». Вместе с тем, пиратство, в отличие от принудительного лицензирования, не имеет правового основания для использования объектов интеллектуальной собственности [4], и речь о справедливом вознаграждении правообладателя за такое использование, разумеется, не ведется. В свою очередь, институт принудительного лицензирования как раз содержит данное положение, что лишь подтверждает его балансирующее положение на стыке частных и публичных интересов.

Таким образом, международно-правовое регулирование института принудительного лицензирования дает возможность государствам самостоятельно устанавливать ограничения и исключения из охраны авторских прав на конкретной территории, а также содержит в себе обобщенные условия применения данного института. Их анализ позволяет выделить три ключевых ограничения, которые должны находить отражение в национальных законах:

1. Временной промежуток, прошедший от выпуска произведения и до предъявления принудительной лицензии;
2. Обязательное требование к заявителю попробовать получить лицензию в общем порядке в соответствии с законодательством государства;
3. Наличие гарантий справедливого вознаграждения правообладателя за принудительное лицензирование его результата интеллектуальной деятельности.

Однако несмотря на то, что международные правовые акты, участником которых является и Россия, допускают существование института принудительного лицензирования в сфере авторских прав, а российскому законодательству понятие

«принудительная лицензия» также известно, ее применение в отношении объектов авторских прав на сегодняшний день прямо не предусмотрено. Гражданский кодекс РФ в ст. 1239 вводит понятие принудительной лицензии и позволяет применять ее только в тех случаях, которые установлены Кодексом. К ним относятся принудительная лицензия на изобретение, полезную модель или промышленный образец (ст. 1362), а также на селекционное достижение (ст. 1423).

Следует задаться вопросом о том, почему отечественное законодательство не переняло данный институт из международных правовых актов. Как уже обозначалось выше, основная задача института заключается в обеспечении публичных интересов при злоупотреблениях правами правообладателями. Разумеется, речь идет не об абстрактной общественной пользе: публичный интерес в конкретном результате интеллектуальной деятельности должен быть весомым, должен служить основой для продвижения научного и технического прогресса. Столь строгая мера по ограничению прав правообладателя должна иметь под собой надежное обоснование, причину, из-за которой органам государственной власти приходится прибегать к ней. В связи с этим, в первую очередь, принудительное лицензирование касается области патентных прав, поскольку они напрямую связаны с наукой и производством – неотъемлемыми элементами развития любого государства.

Таким образом, возможной причиной отсутствия возможности применения в России принудительной лицензии в отношении авторских прав является их небольшая общественная значимость. Они не определяют собой качество жизни человека и общества, не обуславливают общественное развитие в той мере, в которой это делают, например, объекты патентных прав.

Развивая данную мысль, стоит вновь обратиться к названным выше международным правовым актам. Так, Всемирная конвенция 1971 г. не относится к сфере принудительного лицензирования все объекты авторских прав. Напротив, регулируется лишь узкая их часть, касающаяся создания и выпуска в свет переводов произведений. Этим Всемирная конвенция 1971 г. соблюдает баланс частных и публичных интересов уже в сторону правообладателей, ограничивая их лишь там, где в этом действительно возникает веская необходимость.

Отдельно стоит отметить опыт иностранных государств по использованию института принудительного лицензирования в рамках авторского права, который встречается достаточно широко. Так, закон Соединенных Штатов Америки от 19 октября 1976 г. «Об авторском праве» регулирует принудительное лицензирование в отношении фонограмм музыкальных произведений, которые были распространены ранее с согласия правообладателя. Интересным примером является и законодательство Индии, которое предусматривает возможность выдачи принудительной лицензии на произведение в случае возникновения его дефицита [5]. Более того, некоторые государства стараются рассматривать данный институт по отношению и к цифровой среде. Ярким примером выступает Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза (ЕС) 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы № 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС».

При этом важно отметить, что некоторые аспекты самого института принудительного лицензирования разнятся в зависимости от конкретных правовых систем. Так, небезызвестные российскому законодательству гражданско-право-

вые институты принудительной лицензии и свободного использования в зарубежных правовых системах зачастую сведены в единый институт принудительного лицензирования. Следовательно, принудительное лицензирование в сфере авторских прав (в его международном понимании) имплементированы в отечественное законодательство, но в виде отдельных механизмов. Ведь в случаях свободного использования произведений права авторов и правообладателей также ограничиваются государством в интересах всего общества.

Кроме того, в последние годы внимание законодателя все чаще привлекает вопрос принудительного лицензирования в области авторского права, активно обсуждаются законотворческие инициативы по внесению изменений в четвертую часть Гражданского кодекса РФ. В качестве примера можно привести законопроект № 184016–8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», который предусматривал включение в число объектов, к которым может быть применим институт принудительной лицензии, также объектов авторских и смежных прав. Инициатива была направлена на защиту от злоупотребления правами зарубежными правообладателями, предполагалось создание механизма принудительного лицензирования в случаях необоснованного расторжения лицензионного договора правообладателем или же неиспользования ранее данных объектов на территории Российской Федерации, если правообладателями выступали граждане и организации из числа «недружественных стран». Однако развития инициатива не получила, в частности из-за возможного нарушения положений рассмотренных выше международных актов, регулирующих применение принудительного лицензирования.

Таким образом, российский закон в целях защиты публичных интересов идет на ряд ограничений исключительных прав, однако авторское право по большей части остается «за бортом» принудительного лицензирования. Можно констатировать (с точки зрения международного понимания) наличие лишь отдельных механизмов. Существуют реальные перспективы развития данного института в России в рамках авторских прав, о чем свидетельствуют попытки расширить его законодательное регулирование. На наш взгляд, отечественный закон можно было бы дополнить положениями о принудительном лицензировании отдельных видов авторских и смежных прав, которые обладают наибольшей общественной значимостью, например, прав на перевод произведения по аналогии с Всемирной конвенцией 1971 г.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шварц А.В., Бурова С.М. Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. Т. 19. № 1. С. 60–67. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-60-67.
2. Туркин Р.Э. К вопросу о принудительных лицензиях в авторском праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 3. С. 61–72. DOI: 10.58741/23134852_2024_3_7.
3. Ларина Т.Ю. Генезис норм о принудительном лицензировании в универсальных международных правовых актах // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 12. С. 71–79. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.071-079.
4. Боднарук Ю.М. Способы нарушения исключительного права правообладателя на программу для ЭВМ через призму понятия «пиратства» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2. С. 183–192. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_183.

5. Матвеев А.Г. Ограничения исключительного авторского права и иные механизмы охраны общественного интереса в авторском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: Сб. науч. ст. Пермь: Статут, 2017. С. 267–275.

Н.К. ОМАРОВА

ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

В статье рассматривается содержание понятия качества применительно к банковским услугам, определяется соотношение понятий банковского продукта и банковской услуги, Российский рынок банковских услуг характеризуется высокой рыночной концентрацией. Его отличительной особенностью является то, что при большом количестве кредитных организаций большая часть рынка сосредоточена в руках шести крупнейших банков. Также изучаются основные проблемы банковских услуг в России.

Ключевые слова: банк; конкурентоспособность; обслуживание; качество; клиент; банковская услуга; цифровизация.

Банковские услуги играют ключевую роль в экономике, обеспечивая ее устойчивость, развитие и адаптацию к современным вызовам. Они представляют собой своего рода кровеносную систему, соединяющую различные элементы экономической деятельности и создающую условия для их эффективного функционирования. Банки не только обеспечивают перераспределение финансовых ресурсов, но и влияют на общий уровень доверия в экономике, что делает их незаменимым элементом современной жизни.

Центральное значение банковских услуг заключается в их способности стимулировать экономическую активность. Благодаря предоставлению кредитов предприятиям, банки создают возможности для развития бизнеса, инвестиций и инноваций. Малый и средний бизнес, как правило, особенно зависит от банков, поскольку доступ к финансированию позволяет им расширяться, модернизировать производство и выходить на новые рынки. В свою очередь, это создает новые рабочие места, увеличивает налоговые поступления и способствует росту благосостояния общества.

Для повышения эффективности банковского сектора и роли банков в экономическом развитии страны важной составляющей является развитие конкурентной среды на рынке банковских услуг. Сегодня спектр услуг коммерческих банков расширяется, и они определяются не только ограничением розничного кредитования. Соответственно, конкуренция вынуждает их менять свою банковскую политику, адаптировать и применять различные методы к своим клиентам, что повысит степень конкуренции [1].

Оказание банковских услуг предусматривает совершение банком финансовых, профессиональных, технологических, технических, интеллектуальных и других видов деятельности. Банковские услуги также могут быть названы банковскими операциями. В частности, именно этот термин закреплен Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Таким образом, банковская услуга – это особый вид услуг, предоставляемых финансовыми организациями, необходимых для рационального и оптимального совершения банковских операций по перемещению денежных средств [2].

Очистка банковской системы от недобросовестных, нестабильных и зачастую криминальных игроков на финансовом рынке является ключевым приоритетом для Центрального Банка РФ. Спецификой развития банковской конкуренции в России следует назвать, прежде всего, то, что на ее развитие влияют не только экономические факторы, но и политические факторы. Активы банковского сектора неуклонно растут на протяжении последних 5 лет, включая кризисные периоды 2020 и 2022 гг. На конец 2023 г. показатель достиг 167,9 трлн рублей.

Рост кредитования в 2023 г. заставил Центральный Банк РФ ужесточить свою политику, но рынок по-прежнему далек от перегрева: уровень просроченной задолженности, а также показатель закредитованности не увеличиваются, а отношение кредитного портфеля физических лиц к ВВП составляет порядка 20%, тогда как в развитых экономиках этот показатель может превышать 100%. Структура портфеля розничных кредитов указана на рисунке 1.

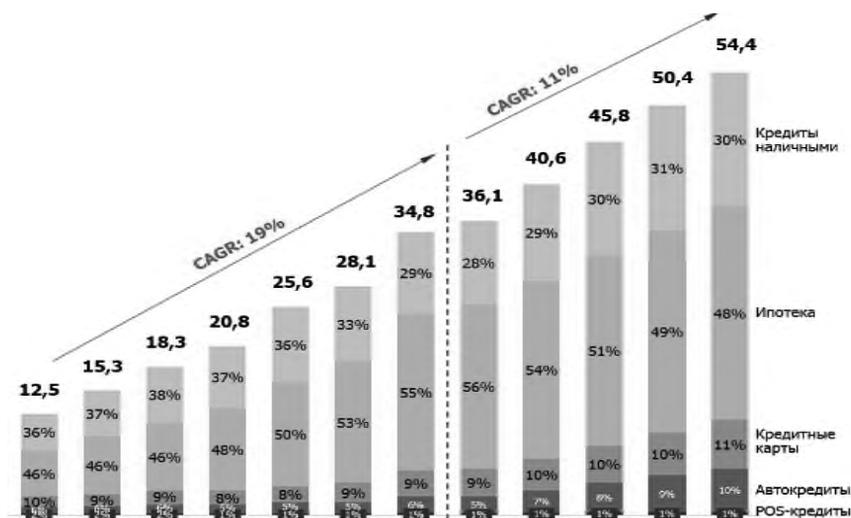

Рис. 1. Структура портфеля розничных кредитов (по данным «Эксперт РА»)

Портфель розничных кредитов российских банков достиг 34,8 трлн. рублей на конец 2023 г. и продолжит расти в среднесрочной перспективе на уровне 11% в год. По данным «Эксперт РА», в 2028 г. он может достичь 54 трлн рублей.

В конце 2024 г. участники рынка ожидают сохранения жесткой процентной политики Центрального Банка РФ и высоких ставок в банковском секторе длительное время. В этих условиях неизбежно замедление темпов кредитования. Однако процесс будет происходить неравномерно по сегментам. В корпоративном секторе отрицательный эффект от ужесточения ДКП будет частично нивелирован сохранением высокого спроса на кредитные ресурсы со стороны бюджетного сегмента и предприятий стратегических отраслей. В рознице в ближайшие месяцы будет наблюдаться резкое замедление темпов потребительского кредитования

под давлением не только высоких ставок, но и ужесточения регулятивных требований Центрального Банка РФ. Потенциальным заемщикам можно не ждать улучшения условий: переход к снижению ставок пока не виден, однако даже в этом случае условия кредитования останутся жесткими из-за требований регулятора.

Сохранить умеренный темп прироста в 2024–2025 гг., вероятно, удастся в ипотечном кредитовании благодаря льготным государственным программам. В ожидании ужесточения условий по ним спрос в ипотечном кредитовании еще больше сместится в сторону льготных продуктов и будет поддерживать общие темпы роста ипотечных портфелей до этапа очередного урезания лимитов по госпрограммам.

Под влиянием высоких ставок и относительно стабильных потребительских настроений склонность населения к сбережению продолжит расти в 2024 г. Депозитные ставки могут оказаться на своих максимумах уже в самом начале следующего года. Оставаться высокими ставки могут достаточно долгий период времени вместе с сохранением ключевой ставки. На фоне ожидаемого притока средств из бюджета в банковский сектор средняя максимальная депозитная ставка будет ниже уровня ключевой ставки.

Регуляторные ограничения также оказывают значительное влияние. Банковская сфера в России находится под строгим надзором Центрального банка, что часто приводит к усложнению процедур согласования и внедрения новых продуктов. Иногда это создает избыточную бюрократию, которая затрудняет быстрый запуск инновационных решений. Кроме того, неопределенность в регулировании новых технологий, таких как криптовалюта и цифровые активы, приводит к осторожности банков в их использовании.

Еще одной проблемой является недостаточный уровень финансовой инклюзии и цифровой грамотности населения. Несмотря на стремительный рост популярности онлайн-банкинга, значительная часть населения все еще предпочитает традиционные каналы обслуживания, что сдерживает внедрение новых технологий. Отсутствие доверия к инновациям и опасения по поводу безопасности также играют важную роль.

Наконец, внешние экономические и геополитические факторы, такие как санкции и макроэкономическая нестабильность, ограничивают доступ российских банков к международным технологиям и инвестициям, что снижает их возможности для внедрения инновационных решений.

Основная проблема населения, недостаток знаний в финансовой области может привести к неэффективному и неграмотному распределению собственных средств, к росту избыточной кредитной задолженности, подверженности рискам финансового мошенничества и недобросовестного поведения продавцов финансовых услуг.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня в российской банковской системе происходят значительные изменения. На передний план выходят вопросы банковского регулирования и надзора, в банковский сектор активно внедряются инновации. Банки разрабатывают новые инновационные продукты, возрастает конкуренция в секторе. Несомненно, финансовые институты должны принять новые формы развития и идти в ногу с этими тенденциями для удержания своих позиций на рынке. Для многих банков на данный момент необходимо

пересмотреть свою политику, отметить для себя ключевые направления роста [3]. Именно от способности быстро адаптироваться и разрабатывать новые технологические решения, будет зависеть место конкретного банка в секторе.

В заключении стоит сказать, что современный период развития предоставляет банкам множество возможностей для стремительного развития и привлечения новых клиентов. Крайне важно следить за новыми тенденциями в секторе, чтобы правильно определять вектор развития и выявлять наиболее прибыльные направления.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Куннижева К.В., Эльгайтарова Н.Т. Экономическая сущность понятий банковских услуг // Научный аспект. 2024. Т. 14. № 4. С. 1744–1750.
 2. Хромова Я.А. Методы оценки конкурентоспособности банковских продуктов и услуг // Общество и цивилизация. 2024. Т. 6. № 1. С. 99–102.
 3. Гербст Ю.В., Коробкина М.А. Современные тенденции в развитии банковских услуг: цифровизация и персонализация // Молодой ученый. 2024. № 48. С. 68–70.
-
-

Т.Е. ОРЛОВА

КРИТЕРИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Увеличивающееся количество споров о нарушении исключительных прав на фотографии требует формирования четкой системы критериев правовой охраны таких объектов. В статье исследованы уязвимые места различных исторических подходов к определению охраноспособности фотографических произведений и перспективы развития данного института.

Ключевые слова: фотографическое произведение; охраноспособность; презумпция творчества; объективная форма; авторское право; объект авторских прав; интеллектуальная собственность.

Развитие технологий предоставляет большие возможности по созданию оригинальных и переработке уже существующих произведений. Однако эти же процессы обеспечивают почву для пропорционального роста количества нарушений в сфере авторских прав. Для их защиты необходимо понимание источников и критериев авторско-правовой охраны.

Значительная часть наиболее распространенных объектов авторских прав именована в п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ. К ним относятся произведения науки, литературы и искусства независимо от эстетических и культурных составляющих, назначения, а также от способа его выражения, в т.ч. фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. В то же время, включая в перечень объектов авторского права «иные произведения», законодатель не приводит исчерпывающего списка охраняемых объектов.

Ни в законодательстве, ни в судебной практике не предусмотрено особых правил для фотографических произведений, которые бы выделяли их из общего ряда объектов авторского права.

Для признания объектом авторского права результат интеллектуальной деятельности должен обладать свойством охраноспособности [1]. В соответствии с п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей [2]. Вопрос об охраноспособности фотографии возникает в результате ее незаконного использования, поэтому сам факт использования иным субъектом результата творческой деятельности свидетельствует о его ценности и оборотоспособности, что, в свою очередь, подтверждает необходимость правовой охраны такого объекта.

К критериям охраноспособности, в соответствии со ст. 1257 Гражданского кодекса РФ и пп. 80 и 81 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10) можно отнести творческий характер труда его создателя (автора) и объективную форму выражения результата. Закон не содержит признаков, конкретизирующих понятие объективной формы, вследствие чего оно определяется на уровне доктрины и судебной практики.

Как в советской, так и в современной доктрине авторского права отмечается недостаточная исследованность данной правовой категории [3; 4]. Так, Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц определяют объективную форму выражения произведения через призму возможности ее воспроизведения и доступности для восприятия человека [5]. По мнению многих исследователей, объективная форма и возможность воспроизведения – это два взаимосвязанных аспекта, которые определяют охраноспособность произведения. Если произведение имеет объективную форму, это означает, что его можно воспроизвести [6]. Указанная позиция не противоречит и таким способам объективизации произведения, как публичное произнесение или прочтение, поскольку таковые сами по себе соответствуют критериям доступности для восприятия других людей. Отсутствуют и противоречие с позицией С.П. Гришаева о том, что произведение получает правовую охрану, отделившись от автора [7].

Гражданский кодекс РФ в п. 5 ст. 1259 исключает правовую охрану идей, концепций, методов, принципов, процессов, систем, способов, решений технических, организационных или иных задач, открытий, фактов, языков программирования. В продолжение указанной нормы в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 в пример неохраняемого объекта приведена шахматная партия. Я.А. Канторович и В.И. Серебровский также считали, что до получения мыслью определенного внешнего выражения – объективной формы – нет и объекта авторского права [8; 3]. О.Ю. Митин в противовес утверждает, что авторское право защищает не только произведение в целом, но и любую его часть, включая отдельные предложения, абзацы или даже слова. Это же касается и оригинальных фрагментов произведений изобразительного искусства, если они могут быть признаны результатом творческой деятельности автора [9].

Однако использование элементов содержания, например сюжета, не является нарушением авторского права [10]. Так, одна из самых живописных и популярных панорам Московского Кремля открывается с Софийской набережной. Однако это не означает, что тысячи фотографов, ежегодно снимающих столицу оттуда, вправе взыскивать компенсацию за нарушение авторских прав друг с друга.

Творческий характер труда автора представляет собой обширную категорию оценочных критериев, позволяющих правоприменителю сформировать вывод об охраноспособности произведения, однако закон не содержит норм, раскрывающих сущность данной правовой категории. Судебной практикой творческий характер труда автора толкуется как деятельность, в результате которой реализуются творческие способности автора и отражается его личностная индивидуальность (см. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. по делу № 5-КГ21-14-К2).

Закон не требует «непосредственного» (собственноручного) труда, поэтому автором фотографического произведения, выполненного с дрона, будет человек, руководящий работой оператора летательного аппарата на основе своего творческого видения объекта и плана съемки. Так, В.Я. Ионас писал, что творческая деятельность автора – это юридический факт, при определенных условиях порождающий авторское право. Критерием для отграничения творческой работы от смежных видов интеллектуальной деятельности является аналитико-синтетический ее характер, выражающейся в создании новых идей, образов, понятий или их новой комбинации [11]. Например, в общих случаях не будут подлежать правовой охране стилистические приемы писателя, способы построения кадра, выбор аппликатуры и подобные технические решения.

Обширная судебная практика выработала значительное количество критериев, позволяющих определить творческий характер труда автора. Такие критерии являются «гибкими» и меняются в зависимости от категории объекта авторского права. Творческий характер, в отличие от формы выражения, является субъективной категорией. Суд не может взять на себя функцию определения того, является ли фотография результатом творческого труда. При этом не имеют значения технические характеристики фотографии, квалификация фотографа, цель создания снимка и другие факторы. В такой ситуации необходимо исходить из того, что любая фотография, пока это не решено на законодательном уровне, должна изначально рассматриваться как результат творческого труда.

Практика Суда по интеллектуальным правам демонстрирует, что выводы судов о творческом характере труда автора делаются на основании презумпции, не опровергаемой ответчиками (см. постановления Суда по интеллектуальным правам от 27 июня 2023 г. по делу № А55-31429/2021, от 3 февраля 2022 г. по делу № А57-213/2021, от 11 февраля 2022 г. по делу № А40-96272/2020, от 29 декабря 2022 г. по делу № А74-13573/2021, от 11 августа 2015 г. по делу № А40-15537/2012).

Применительно к фотографическим произведениям творческая деятельность автора выражается в выборе: экспозиции, световых решений, положения объекта снимка в пространстве и собственной позиции относительно него, параметров диафрагмы, выдержки затвора и резкости кадра, обработки полученного изображения при помощи специальных инструментов и программ. Следовательно, создание любой фотографии является творческой деятельностью, представляющей собой фиксацию с помощью технических средств отражений постоянно изменяющейся действительности.

До принятия четвертой части Гражданского кодекса РФ Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» озвучивал противоположную позицию: объект авторского права должен обладать различительной способностью, т.е. быть оригинальным (неповторимым) по форме, однако сегодня п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 содержит иную позицию высокого суда.

Важно подчеркнуть, что в случае представления доказательств, опровергающих презумпцию, правоприменитель не может ограничиваться исключительно субъективным подходом. Например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2022 г. по делу № А40-71752/2022 охраноспособность фотографии была опровергнута на основании возможности ее многократного воспроизведения неопределенным кругом лиц без применения специальных навыков. В случае оспаривания презумпции творческого характера труда автора суд вынужден оценивать произведение и с объективных критериев.

В настоящее время в законе, судебной практике и доктрине доминирует субъективный подход к определению охраноспособности [1]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 в п. 80 указывает, что при разрешении вопроса об отнесении результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права необходимо наличие творческого труда автора, а также его выраженность в объективной форме. Если результат не обладает такими качествами, как новизна, уникальность или оригинальность, это не значит, что он создан не творческим трудом и не может быть признан объектом авторского права.

Многие современные правоведаы считают, что на практике слепое следование презумпции творчества в фотографии извращает замысел законодателя: ценность приобретает именно идея фотографии, а не форма, в отличие от других объектов авторского права. Эта позиция нашла отражение в Протоколе заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 16 февраля 2024 г. по обсуждению вопросов, связанных с определением критериев творческой деятельности на примере фотографических произведений.

Гражданский кодекс РФ (пп. 4 п. 6 ст. 1259) исключает из числа объектов авторского права сообщения о событиях и фактах, которые носят исключительно информационный характер. Такие результаты интеллектуальной деятельности не получают правовой охраны, т.к. не являются произведениями в силу отсутствия творческого подхода к изложению мысли. Однако в судебной практике можно встретить случаи, когда сведения о фактах рассматриваются как произведения. Так, по делу № А40-333224/2019 арбитражный суд пришел к выводу, что фотография содержит сведения в форме изображения произведений архитектуры, градостроительства (подземного перехода), но является охраноспособным произведением [12].

Кроме того, в научной среде обсуждается исключение из числа охраноспособных фотографий, созданных в ходе выполнения публичных функций (например, экспертами в ходе осмотра вещественных доказательств или медицинскими работниками при компьютерной томографии), для запоминания (документов, показаний счетчиков), для продажи товаров онлайн, либо с помощью средств автоматической

съемки (видеорегистраторов, камер наружного наблюдения). Даже снимки, предназначенные для размещения на маркетплейсе, требуют творческого подхода при цветокоррекции и кадрировании, а криминалистические фотографии могут быть сделаны и для публикации в учебных пособиях, что ставит под сомнение технических характер или исключительную утилитарность изображений.

Таким образом, критерии предоставления авторско-правовой охраны произведениям менялись с развитием правовой мысли, чтобы прийти к лаконичной формуле суммы творческого труда автора и объективной формы выражения результата его интеллектуальной деятельности. Не исключено, что в ближайшем будущем в законодательство будет внесен ряд изменений, предотвращающий автоматическое применение судами презумпции охраноспособности фотографий без оценки оригинальности выражения или функционального значения.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Право интеллектуальной собственности: Учеб. / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 2: Авторское право. М.: Статут, 2023. 368 с.
 2. Слободян С. Об авторском праве в сфере фотожурналистики // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 1. С. 35–48.
 3. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: АН СССР. 1956. 283 с.
 4. Витко В.С. Признаки понятия «объективная форма» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 9. С. 94–100.
 5. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право / Е.А. Флейшиц // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., Статут. 2015. 512 с.
 6. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 973 с.
 7. Гришаев С.П. Право на публичное исполнение // СПС «Гарант», 2011.
 8. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: систематический комментарий к закону 20-го марта 1911 г.: с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранных законодательствах и судебной практике. Пг.: Тип. бывш. Акционер. о-ва Брокгауз–Ефрон, 1916. 791 с.
 9. Интеллектуальная собственность в современном мире: Монография / Под ред. И.А. Близнаца. М.: Проспект, 2017. 669 с.
 10. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учеб. М.: Проспект, 2001. 750 с.
 11. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М.: Юрид. лит., 1963. 138 с.
 12. Витко В. Дело о цитировании фотографического произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 2. С. 59–66.
-
-

Д.С. ШИШКИН
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – В.Т. БАРБАКАДЗЕ

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКРЫТОГО ПЕРЕЧНЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ

В научной статье кратко описывается суть проблемы закрепления принципа закрытого перечня вещных прав в действующем гражданском законодательстве. Рассматриваются различные точки зрения ученых-цивилистов относительно толкования норм, регулирующих вещно-правовые отношения, их взгляды о возможности выделения данного принципа. Анализируются действующие нормативно-правовые акты, концепция развития гражданского законодательства, а также возможная необходимость реформирования гражданского законодательства.

Ключевые слова: вещные права; принципы вещных прав; виды вещных прав; закрытый перечень вещных прав; концепция развития гражданского законодательства.

В действующем гражданском законодательстве не закрепляется норма, определяющая принципы, характерные для вещных прав, однако исходя из изучения правовой базы, судебной практики, а также научной литературы, можно выделить следующие принципы: принцип абсолютного характера вещных прав, принципы публичности, принцип государственной регистрации вещных прав, принцип защиты вещных прав, принцип закрытого перечня вещных прав.

Особому вниманию подвергается принцип закрытого перечня вещных прав, активно обсуждающийся многими учеными-цивиристами, среди которых на сегодняшний день существуют различные точки зрения по поводу возможности закрепления и раскрытия данного принципа в гражданском законодательстве Российской Федерации. Представляется, что по своей правовой природе принцип закрытого перечня вещных прав состоит в определении законом исчерпывающим образом видов вещных прав и их содержания, создавая понятные рамки для субъектов гражданских правоотношений.

Так, некоторые ученые отмечают в своих трудах, что позиция законодателя при построении системы вещных прав однообразна, и основывается на принципе исчерпывающего перечня вещных прав. Указание на данное положение можно встретить в научных трудах у Е.А. Суханова: «из абсолютного характера вещных прав вытекает необходимость исчерпывающего определения в законе, как видов (перечня) вещных прав, так и их содержания. В связи с этим перечень (виды) и содержание вещных прав императивно, исчерпывающим образом (*numerus clausus*) определяются законом, исключаящими какие-либо возможности появления новых, неизвестных ему видов вещных прав либо какого бы то ни было изменения их содержания [1]. Таким образом, ученый опирается на тот факт, что несмотря на то, что общий перечень вещных прав и выходит за рамки ст. 216 Гражданского кодекса РФ, все они, так или иначе, определяются и раскрываются законом.

Другие ученые, напротив, утверждают, что исходя из действующих норм гражданского права, можно сделать вывод о том, что список вещных прав носит открытый характер. Е.А. Махиня на этот счет излагает следующее: «Обра-

тившись к тексту п. 1 ст. 216 Гражданского кодекса РФ, можно сделать вывод, что данная статья отнюдь не закрепляет закрытый перечень вещных прав, т.к. содержит указание на то, что «вещными правами наряду с правом собственности, в частности, являются...». Иными словами, помимо права собственности и вещных прав лиц, не являющихся собственниками (ограниченных вещных прав), существуют и другие вещные права» [2]. Согласно утверждению Н.Н. Аверченко: «Очевидно, что ст. 216 дает незамкнутый перечень вещных прав, т.к. содержит оговорку «в частности» [3].

На данную проблему указывается и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, утвержденной 7 октября 2009 г. решением Совета при Президенте РФ: «недостатком действующего законодательства является открытый характер перечня вещных прав, содержащегося в Гражданском кодексе РФ (ст. 216), что в принципе допускает как введение новых вещных прав (причем не только федеральным законом), так и любые основания их возникновения».

Исходя из ст. 216 Гражданского кодекса РФ при перечислении иных вещных прав, не являющихся правом собственности, законодателем применена конструкция «в частности», в соответствии с чем, действительно, невозможно говорить об исчерпывающем характере перечня вещных прав, а следовательно, на законодательном уровне могут существовать и иные виды вещных прав, не перечисленные в данной статье. Помимо всего, ни в тексте Гражданского кодекса РФ, ни в иных нормативно-правовых актах, содержащих нормы частного права, нет прямого указания, как то или иное право определяется вещным. Кроме перечисленных в ст. 216 Гражданского кодекса РФ вещных прав существуют и такие права, которые закрепляются в иных нормативно-правовых актах, например, в Жилищном кодексе РФ в разделе, посвященному праву собственности и другим вещным правам, закрепляется право пользования жилым помещением по завещательному отказу, а также право пользования жилым помещением по договору пожизненного содержания с иждивением.

В свою очередь, Е.А. Суханов, при определении того, что помимо Гражданского кодекса РФ вещные права могут содержаться и в иных нормативно-правовых актах, отмечает, что это лишь свидетельствует о юридической неряшливости отечественного законодателя, в силу которой иногда возникают несоответствия между нормами отдельных законодательных актов.

Следует отметить, что в рамках Концепции развития гражданского законодательства был сформирован проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который на сегодняшний день так и не принят и не является действующим и согласно данному проекту Федерального закона предлагается закрепить в Гражданском кодексе РФ исчерпывающий перечень вещных прав. Однако данный перечень существенно отличается от того, который закрепляется в законодательстве на сегодняшний день. Некоторые вещные права вводятся впервые, а некоторые существовали в ранее действующем законодательстве.

Заслуживает внимания позиция М.Н. Семякина, который в своих трудах отмечает, что в реформируемом гражданском законодательстве Российской Федерации, а именно в ст. 216 Гражданского кодекса РФ, следовало бы закрепить «закрытый» перечень видов допускаемых законом вещных прав, которые в дальнейшем могли бы детализироваться (конкретизироваться) в иных законах с учетом тех или иных специфических условий социально – правовой действительности [4].

Представляется, что если определить в Гражданском кодексе РФ вещные права исчерпывающим образом, как это предлагается в проекте Федерального закона о внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса, то это, безусловно, будет характеризовать единообразие, определенность, стабильность и предсказуемость гражданского оборота, и тем самым законодатель выстроит закреплённую в конкретной норме закона четкую систему, основанную на принципе закрытого перечня вещных прав. Однако следует отметить, что закрепление вещных прав, которые ранее не были известны гражданскому законодательству, приведет к возникновению новых правоотношений, к кардинальному изменению взаимодействия субъектов, а также к изменению ранее действовавших и появлению новых нормативно-правовых актов.

Таким образом, определение единого перечня вещных прав в законодательстве, с одной стороны, повлечет благоприятные последствия, повысив гибкость и определенность оборота, а с другой стороны, создаст новые вызовы, которые потребуют тщательного анализа и детального правового регулирования, в связи с чем, законодателю нужно серьезно задуматься, какие именно права устанавливать в качестве вещных и есть ли в этом необходимость.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут. 2017. 559 с.
 2. Махия Е.А. Принцип закрытого перечня (numerus clause) вещных прав и его реализация в современном законодательстве и правоприменительной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4. С. 52–59.
 3. Гражданское право: Учеб. / Под ред. А.П. Сергеева. Т. 1. М.: Проспект, 2018. 1040 с.
 4. Семякин М.Н. Принципы вещного права в контексте реформирования российского гражданского законодательства // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 118–130. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_118.
-
-

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Т.М. ВОЛКОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – И.А. КОПЬЕВА

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ КОНТРАБАНДЫ

Данная научная статья содержит в себе исследование такого вида преступления, как контрабанда. Подробно указаны особенности квалификации контрабанды в Уголовном кодексе РФ. Рассматриваются основные составы преступлений, их сходства и различия. На основании действующего уголовного закона Российской Федерации выделены основные виды контрабанды. В заключении научной работы отмечаются условия для ввоза или вывоза товаров через границу, а также положение нормы Уголовного кодекса РФ по вопросам контрабанды.

Ключевые слова: преступления; контрабанда; Уголовный кодекс РФ; граница; незаконное перемещение товаров; Российская Федерация; Евразийский Экономический Союз.

Изучая статьи Уголовного кодекса РФ, которые заключают в себе уголовную ответственность за преступление – «контрабанда», можно сделать вывод, что существует ряд особенностей. Контрабанда обладает высокой степенью общественной опасности, т.к. на внешнеэкономической деятельности, так и на непосредственном росте таможенной преступности. Совершение такого рода преступлений чаще всего происходит организованными преступными группами.

Контрабанда – незаконное перемещение через таможенную границу товаров, запрещенных к ввозу в страну. В связи с утратой силы ст.ст. 188 и 200.2 Уголовного кодекса РФ, квалификация преступлений, связанных с незаконным перемещением через границу России предметов, в настоящее время осуществляется, в зависимости от своего предмета на виды, по трем статьям Уголовного кодекса РФ – 200.1, 226.1, 229.1 [1].

Постановление Пленума Верховного суда от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» разъясняет способы совершения квалифицированного преступления, главными из которых являются сокрытие от таможенного контроля, которое, в свою очередь, может состоять в использовании тайников, утаивании подлинных свойств товара.

Существует ряд ключевых признаков, которые определяют контрабанду, как преступление. Объективная сторона выражается в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза либо государственную

границу Российской Федерации в рамках ЕАЭС предметов контрабанды. Важным признаком объективной стороны является место совершения преступления – таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕАЭС.

Способы совершения – по мимо или с сокрытием от таможенного контроля, с обманым использованием документов или средств таможенной идентификации, с не декларированием или недостоверным декларированием: наркотических средств, отравляющих, радиоактивных и взрывчатых веществ; вооружения, огнестрельного оружия; оружия массового уничтожения, стратегически важных сырьевых товаров; предметов достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран.

Состав преступления является формальным и момент его окончания связан с перемещением соответствующих предметов через границу, все преступления имеют один и тот же субъект [2]. К уголовной ответственности за контрабанду могут привлекаться вменяемые лица, достигшие 16 лет, в соответствии с законодательством России, но стоит отметить, что ст.ст. 226.1 и 229.1 Уголовного кодекса РФ содержат сведения о специальном субъекте.

Уголовный кодекс РФ содержит три состава преступления, предусматривающие уголовную ответственность за контрабанду: 200.1, 226.1, 229.1. Отличительными особенностями является то, что они имеют основной и дополнительный объект, тем самым посягают на две группы общественных отношений.

Изучив статьи, можно выделить несколько различий. В частности, ст. 200.1 («контрабанда наличных денежных средств...») отличается от ст.ст. 226.1 и 229.1 предметом, а также отличаются наказуемостью основных составов, так, наказание, предусмотренное в ч. 1 ст. 200.1 менее строгое, – в ней не фигурирует такой вид наказания, как лишение свободы, в данном случае максимально возможным наказанием будет ограничение свободы либо принудительные работы на срок до двух лет., чем в санкциях ч. 1 ст. 226.1 и ч. 1 ст. 229.1 – там прописывается вид наказания – лишение свободы. Одна из трех норм о контрабанде (ст. 200.1 Уголовного кодекса РФ) носит экономический характер, поскольку расположена в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», данный вид контрабанды относится к антисоциальным деяниям, направленным против установленных правил ведения внешнеэкономической деятельности. Две остальные нормы (ст.ст. 226.1 и 229.1 Уголовного кодекса РФ) помещены законодателем в главу 24 Уголовного кодекса РФ «Преступления против общественной безопасности», поэтому эти виды контрабанды можно назвать специальными или особо опасными.

Важно отметить, что в ст. 226.1 Уголовного кодекса РФ качестве предмета контрабанды были добавлены стратегически важные ресурсы, особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы. Данные нововведения законодателя связаны с нанесением серьезного ущерба экономики государства, посягательства на безопасность окружающей среды, жизни и здоровья населения.

Еще одним отличием является сама трактовка уголовной нормы. Так, ст. 200.1 включает в себя лишь «незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза...», а в двух других выше указанных квалифицированных статьях к норме добавляют «...либо Государственную границу Российской Федерации...». Евразийский экономический союз – это международная организация региональной экономической интеграции,

обладающая международной правосубъектностью, государствами-членами которой являются: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан и Кыргызская Республика.

В рамках ЕАЭС таможенный контроль есть только на внешних границах государств-членов союза. Внутри ЕАЭС грузовой транспорт ходит свободно без разрешений, т.е. машина не заезжает на таможенный пост страны-участницы. При торговле со странами ЕАЭС российским предпринимателям не нужно подавать таможенную декларацию, платить таможенные платежи, получать разрешения на проезд и оформлять дополнительные сертификаты. Что касается перемещения денежных средств в рамках ЕАЭС, то наличные денежные средства и (или) дорожные чеки подлежат таможенному декларированию, в случае когда общая сумма таких денежных средств (дорожных чеков) при их одновременном ввозе на таможенную территорию ЕАЭС или одновременном вывозе с таможенной территории ЕАЭС превышает сумму, эквивалентную 10 тыс. долларов. При расчете общей суммы перемещаемых денежных средств учитывается как иностранная валюта, так и валюта Российской Федерации, находящаяся при физическом лице.

На границах Российской Федерации таможенные органы обеспечивают соблюдение установленных запретов и ограничений в отношении товаров, ввозимых в Российскую Федерацию, а также содействуют осуществлению мер по защите жизни и здоровья человека и интересов потребителей товаров, ввозимых в Российскую Федерацию [3].

Подводя итог работы, хотелось бы отметить, что основной особенностью преступлений в категории «контрабанда» является нормативно-правовое закрепление норм. Нормы Уголовного кодекса РФ о контрабанде являются бланкетными, т.е. содержит не само правило поведение, а скорее их отсылку к иным законам, причем как российского законодательства, так и международных договоров.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гробов Д.Е. Особенности квалификации контрабанды // Молодой ученый. 2018. № 41. С. 40–42.
2. Уголовное право. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Федорова, С.А. Никоновича, Н.Г. Кадникова. М.: Юнити-Дана, 2023. 584 с.
3. Рогатых Л.Ф. Уголовно наказуемая контрабанда: Монография. СПб., 2015. 140 с.

А.А. КУЗЬМИНА

Научный руководитель – И.А. КОПЬЕВА

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Актуальность исследования законодательных актов, касающихся особенностей уголовной ответственности участников специальной военной операции, связанных с прекращением уголовного преследования, обусловлена правовой неопределенностью, т.к. новые законы и поправки могут вводить неясности, недостаточно конкретные процедуры, что вызывает необходимость их анализа и систематизации. Также проведение специальной военной операции сопровождается изменением правового регулирования и требованиями к участникам.

Это меняет социальные и политические условия, требуя адаптации законодательства. В данной статье проведен анализ действующих норм закона, определяющих установленный для участников военной спецоперации порядок освобождения от уголовной ответственности, специфика применения данных норм. Также определена роль влияния данных изменений уголовном законодательстве на гуманизацию уголовного права.

Ключевые слова: специальная военная операция; освобождение от уголовной ответственности; судимость; участники специальной военной операции; период мобилизации; период военного положения; гуманизация; депенализация.

Нынешние внешнеполитические условия ставят перед нашим государством задачу реагировать на них, применяя соответствующие меры, которые оказывают влияние и на внутреннюю жизнь граждан. Примером этому является изменение и дополнение уголовного законодательства Российской Федерации в связи с проведением специальной военной операции. Данные изменения связаны с гуманизацией уголовного законодательства, и отражение этому можно увидеть в принятом 24 июня 2023 г. Федеральном законе от № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Он определяет группы лиц, на которых он распространяется; специальные условия для освобождения от уголовной ответственности, от наказания, погашения судимости; основные правила, регулирующие порядок взаимодействия правоохранительных органов при реализации данного закона [1].

Данный закон был первым шагом к гуманизации уголовного законодательства, т.к. содержал положение, по которому предусматривалось приостановления производства по уголовному делу и отмены меры пресечения, освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и погашения судимости, которые распространяются, соответственно, на подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых осуществляется предварительное расследование, а также на осужденных, отбывающих наказание за преступления небольшой и средней тяжести, в случае их призыва на военную службу, заключения ими контракта о прохождении военной службы или прохождения ими военной службы в Вооруженных Силах РФ в период мобилизации, в период военного положения либо в военное время [2].

С 23 марта 2024 г. данный нормативный акт утратил свою силу в связи с вступлением в действие Федерального закона № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Федеральный закон, утративший силу, являлся по своей сути отдельной частью уголовного закона, т.к. содержал в себе положения об уголовной ответственности заключенных, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания и погашения судимости. Это привело к нарушению системности единого кодифицированного нормативного правового акта. Можно заключить, что, принимая новый нормативный правовой акт, законодатель отошел от устоявшейся в России традиции, заключающейся в «полной ко-

дификации уголовно-правовых норм в пределах Уголовного кодекса». По мнению А.В. Наумова, поддержание этой традиции является крайне важным, т.к. только таким образом могут быть сохранены и определенные гарантии законности в области осуществления правосудия по уголовным делам [3].

Принятие Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» исправило неточность законодателя, т.к. изменения непосредственно были внесены в уголовное законодательство. Важное отличие Федерального закона № 64-ФЗ от Федерального закона от № 270-ФЗ в том, что норма последнего распространялась на лиц, «совершивших преступления небольшой и средней тяжести», а в новом – этот перечень был расширен. Так в добавленной ст. 78.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или военного времени, а также в связи с заключением контракта на военную службу в указанные периоды или с фактом прохождения военной службы» Федерального закона № 64-ФЗ указываются лица, кроме тех, которые связаны с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних, как это указано в пп. «а» и «б» ч. 3, чч. 4 и 5 ст. 131 и аналогично в ст.ст. 132 и 134, а также в ст. 189, 200.1, 205–205.5, 206 и других перечисленных [4].

Гуманизация в отношении участников специальной военной операции началась за несколько лет раньше, чем были приняты соответствующие законы. Примером этому служит дело ефрейтора В. Устинова, виновного в автомобильной аварии со смертельным исходом, в результате которой погибли двое (ч. 5 ст. 264 Уголовного кодекса РФ) на основе новостной статьи «Верховный суд признал участие в СВО основанием для освобождения от наказания» интернет-сайта «Коммерсантъ». В мае 2022 г. Хабаровский гарнизонный суд приговорил его к двум годам колонии-поселения. Апелляционная и кассационная инстанции это решение поддержали, но судебная коллегия Верховного Суда РФ по делам военнослужащих решила вмешаться, обратив внимание на ст. 80.1 Уголовного кодекса РФ. Это положение позволило освободить от наказания тех, кто впервые совершил преступление небольшой или средней тяжести, если установлено, что изменение обстоятельств привело к утере общественной опасности преступника или его действия.

В. Устинов впервые был признан виновным в тяжком преступлении, полностью признал свою вину и сожалел о случившемся. Он активно содействовал следствию и добровольно компенсировал нанесенный ущерб, как указано в определении. Верховный Суд добавляет, что в период службы ему было присвоено воинское звание выше положенного за личные заслуги. С момента происшествия прошло более полутора лет, и в настоящее время ефрейтор В. Устинов выполняет боевые задачи в зоне специальной военной операции, где характеризуется командованием как военнослужащий, проявляющий мужество, отвагу и высокий уровень профессиональных навыков. Верховный Суд заключил, что изменение условий привело к тому, что осужденный больше не представляет общественную опасность, и его следует освободить от наказания.

На сегодняшний день новые нормы уголовного законодательства активно применяются в судебной практике. Так, на основе новостной статьи «Пожизненно осужденным россиянам разрешили отправиться на СВО» интернет-сайта «Lenta.ru» в декабре 2023 г. мужчина по имени Максим был осужден Глазовским районным судом Удмуртской Республики на 16 лет лишения свободы за кражу 2,8 млн рублей из сейфа, попытку сбыта семи граммов мефедрона, а также за незаконное хранение 16 патронов. После вынесения приговора он подписал контракт на службу с Министерством обороны РФ. После вынесения приговора он заключил военный контракт и обратился с просьбой об условно-досрочном освобождении. Суд пришел к выводу, что Максим может исправиться без изоляции от общества, и удовлетворил его ходатайство, наложив контроль на командование военной части, в которой он будет служить. В результате реальное наказание заменили на условное, которое будет отменено после его возвращения из зоны специальной военной операции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодняшние изменения в правовом поле России, связанные со специальной военной операцией, – это шаг в сторону гуманизации уголовного законодательства, что позитивно сказывается на возможности нивелировать негативные последствия совершенного деяния лицом, выполняющим свой долг перед государством и обществом. Новый закон регулирует вопросы, относящиеся к уголовному праву, и нацелен на решение таких вопросов уголовно-правовой политики, как депенализация, которая предполагает установление в законе и применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности или наказания. Концепция гуманизации уголовного законодательства предлагает переосмысление роли наказания, акцентируя внимание на реабилитации и восстановлении лиц как активных членов общества. Это не только вопрос социальной справедливости, но и стратегически важная задача, от выполнения которой зависит успешное развитие всего общества.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Можайская Л.А. Специальная норма об освобождении от уголовной ответственности участников специальной военной операции // Закон и право. 2023. № 11. С. 240–242. DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-240-242.
 2. Мальцева В.С. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности лиц, участвующих в СВО // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2023. № 4. С. 160–163. DOI: 10.24412/cl-36450-2023-4-160-163
 3. Наумов А.В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М.: Проспект, 2021. 416 с.
 4. Суров В.В. Принципы и цели прекращения уголовного преследования и уголовного дела в отношении лиц, принимающих участие в Специальной военной операции // Закон и право. 2024. № 5. С. 284–287. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-284-287.
-
-

Д.Р. МАЛЬКОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Г.В. ДЫТЧЕНКО

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье раскрываются проблемы, возникающие при осуществлении прокурором надзора за законностью деятельности органов предварительного следствия и дознания на стадии возбуждения уголовного дела. Уделено внимание вопросам законности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, затягивания сроков проведения доследственной проверки. Предложены пути решения названных в статье проблем.

Ключевые слова: прокурор; возбуждение уголовного дела; надзор; законность; полномочия.

Надзор за соблюдением установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях является основополагающим в рамках прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования. Именно со стадии возбуждения уголовного дела и начинается уголовный процесс и потому так важно обеспечить законность при принятии решения о возбуждении уголовного дела. Нарушений же при принятии такого решения, как показывает правоприменительная практика, на сегодняшний день значительное количество. Доступные на период нашего исследования статистические данные о работе органов прокуратуры свидетельствуют о выявлении в 2022 г. 3 417 399 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что на 1,4% меньше, чем в 2021 г. При этом за 2022 г. было отменено 1 419 601 постановлений следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела, 136 048 преступления было поставлено на учет по инициативе прокуроров, которые по какой-либо причине не были учтены (скрыты от учета). При этом за 2022 г. было рассмотрено 480 156 жалоб в сфере приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях и по сравнению с 2021 г. эта цифра увеличилась на 9,9%. В условиях достаточно внушительного количества нарушений и растущего числа жалоб на действия органов предварительного расследования в рассматриваемой нами сфере защита прав заявителя становится все более актуальной.

Прокурор выявляет нарушения в ходе осуществления надзора за органами предварительного следствия и дознания, которые обязаны направлять ему копии решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, сведения о регистрации сообщения о преступлении и материалы проверки сообщения о преступлении. Однако далеко не всегда прокурор может располагать необходимой информацией о совершающихся в отношении граждан нарушениях. К приему, если прокурор способен выявить укрытие преступления от учета путем проверки записей, поступивших в дежурную часть органа внутренних дел телефонных звонков, то узнать без обращения гражданина, что на личном приеме сотрудник правоохранительного органа под разными предлогами отказался принять заявление о совершении преступления, ему становится затруднительно.

В таком случае нарушения выявляются уже в ходе рассмотрения прокурором жалобы гражданина на действия и бездействия органов предварительного расследования, которые отказывают ему (лицу, которому преступлением причинен вред) в принятии заявления о совершении преступления или же незаконно и необоснованно отказывают в возбуждении уголовного дела (например, руководствуясь нежеланием самого сотрудника органа предварительного расследования возбуждать уголовное дело в виду отсутствия перспективы установления лица, совершившего преступление, он умалчивает о признаках преступления и фальсифицирует материалы проверок) [1].

Как указывает Л.В. Головкин, «необоснованное промедление с принятием решения о возбуждении уголовного дела может повлечь за собой утрату или сокрытие следов преступления, утерю доказательств» [2]. Уголовно-процессуальный закон в качестве основания для возбуждения уголовного дела называет только лишь достаточность данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Толкуя данную норму, мы можем сказать, что органам предварительного расследования вовсе необязательно с доскональной точностью устанавливать наличие в сообщении о преступлении всех признаков состава конкретного преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Значение стадии возбуждения уголовного дела состоит в отделении явно не имеющих уголовного характера правонарушений (гражданских, административных), от преступлений. Поэтому, как отмечает Л.В. Головкин, при отсутствии у органа предварительного расследования точных данных об отсутствии признаков преступления, уголовное дело должно возбуждаться. Это будет также удовлетворять интересам потерпевшего, каким может стать заявитель или другое лицо после возбуждения уголовного дела, ведь в ходе предварительного следствия или дознания имеется куда более широкий инструмент процессуальных действий, с помощью которых и можно точно установить наличие каждого признака состава преступления.

Отменяя постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и требуя его возбуждения, прокурор должен указать поднадзорным органам необходимость возбуждения уголовного дела в случае отсутствия у органа предварительного расследования точных данных об отсутствии события преступления, ведь прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям (в т.ч. в результате отсутствия события или состава преступления, что может быть установлено силами предварительного следствия, но не проверки сообщения о преступлении) в той же степени удовлетворяет целям уголовного судопроизводства, что и направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением, актом или постановлением. На это ориентирует прокуроров и Генеральный прокурор РФ, который в п. 1.14 Приказа от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» указывает, что полномочие по отмене постановления о возбуждении уголовного дела надлежит использовать только при выявлении существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства, влекущих незаконное привлечение лица к уголовной ответственности либо признание доказательств недопустимыми (но не производство по уголовному делу, которое в последующем может быть отменено по причине отсутствия состава преступления).

Кроме того, максимальный по общему правилу срок проверки по сообщению о преступлении на настоящий момент составляет 30 суток (с учетом возможности продления, например, для производства судебной экспертизы). Однако положения дел таковы, что следователям и дознавателям зачастую приходится в течение нескольких месяцев ожидать получения заключения эксперта, без которого выяснить, имеются признаки преступления или нет, представляется невозможным (например, случаи обязательной судебно-медицинской экспертизы трупа для выяснения причин смерти, если нет каких-либо телесных повреждений). Организации, в которые следователи посылают запросы (например, в медицинские учреждения для предоставления информации о телесных повреждениях), зачастую дают ответ в течение достаточно продолжительного отрезка времени. В связи с этим следователям и дознавателям приходится выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, даже если они не могут быть с точностью уверены, что признаков преступления нет. Это делается для соблюдения сроков доследственной проверки, поскольку срок «дополнительной проверки» после отмены прокурором ничем не ограничен (после проведения всех действий можно будет «еще раз отказать в возбуждении уголовного дела», постановление о котором прокурору снова придется отменить за его незаконностью) [3].

Некоторые специалисты в области уголовного процесса – М.Т. Аширбекова, Л.В. Головки, О.В. Левченко и другие – предлагают решать эту проблему прежде всего внесением изменений в законодательство в части предоставления прокурору права давать обязательные для следователей указания, а также возбуждать уголовные дела [4; 5; 6]. В перспективе это законодательное изменение мы не можем не поддержать. Однако прокурор имеет возможность воспользоваться и имеющимися у него на сегодняшний день полномочиями, как-то: прокурору следует совершать контрольный звонок заявителю, в случае его «добровольного отказа от заявления», внесенных изменений в заявление, изменения своих показаний в объяснениях, приведших к отсутствию события преступления и, следовательно, к отказу в возбуждении уголовного дела. Такой контрольный звонок оформляется справкой. Помимо этого, прокурор также имеет право требовать от самих сотрудников органа предварительного расследования объяснений по поводу принятых ими решений, совершать контрольный звонок, а также в случае необходимости разъяснять действующее законодательство и правоприменительную практику.

Указанные полномочия прокурорам следует осуществлять чаще, помимо актов прокурорского реагирования, в т.ч. для установления эффективного взаимодействия с поднадзорными органами и пресечения ими практики принятия незаконных и необоснованных решений.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Скобляков П.А. Противодействие правоохранителей возбуждению уголовных дел: система типичных приемов и уловок // Закон. 2016. № 7. С. 92–105
2. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. 1280 с.
3. Давыдов М.В., Харьбин А.Ю. Отдельные проблемы правоприменительной практики в стадии возбуждения уголовного дела // Современное уголовное-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № 1. С. 180–186.

4. Аширбекова М.Т., Попова Л.В. О расширении надзорных полномочий прокурора при разрешении сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 67–73. DOI: 10.25724/VAMVD.YTUV.

5. Головки А.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен: Избр. мат-лы Междунар. науч. конф. М.: Актин-Медиа, 2012. С. 24–31

6. Левченко О.В., Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. Ульяновск, 2023. 729 с.

А.И. МИРОНОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – И.А. КОПЬЕВА

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА

В ходе исследования был проанализирован законодательный надзор за такими преступлениями, как доведение до самоубийства (ст. 110 Уголовного кодекса РФ). Анализ подстрекательства к самоубийству раскрывает проблему уголовной ответственности за подстрекательство к самоубийству. Уголовно-правовой состав этого преступления определяет необходимость отличать его от других составных частей: убийства и суицидальных наклонностей.

Ключевые слова: самоубийство; доведение до самоубийства; покушение на самоубийство; склонение к совершению самоубийства; уголовная ответственность.

Доведение до самоубийства в Российской Федерации является уголовным преступлением против жизни и здоровья, и ответственность за него определена ст. 110 Уголовного кодекса РФ. Анализ этой статьи показывает важность уголовного права в надзоре за общественными отношениями, связанными с самоубийствами. Самоубийство относится к проблеме социального и правового характера, поэтому акт доведения человека до самоубийства подпадает под действие уголовного законодательства. Общественная опасность доведения до самоубийства (попытки самоубийства) заключается в поведении преступника, который «руками» жертвы лишил его собственной жизни. Следовательно, Э.А. Соломатина заявила, что соответствующее поведение нарушало безопасность жизни другого человека, характеризовалось ненормальной аморальностью и циничным отношением к достоинству и психическому состоянию другого человека [1].

Следует отметить, что понятие «доведение до самоубийства» в российском уголовном законодательстве не предусмотрено. В то же время можно сказать, что самоубийство за рулем – это определенное поведение преступника, осуществляемое любым способом, в т.ч. с применением силы, в надежде создать ситуацию, которая позволит жертве принять осознанное решение о совершении самоубийства. Пожалуйста, обратите внимание, что в данном случае поведение человека (группы людей) объективно опасно, т.е. жертве не разрешается принимать решение о самоубийстве, но этот результат можно и нужно предвидеть или предвидеть возможность или неизбежность самоубийства

и надеяться, что это произойдет. В настоящее время одной из проблем, регулирующих сферу уголовной ответственности за самоубийство, является отсутствие законодательно определенной формы вины при рассмотрении ст. 110 Уголовного кодекса РФ. Представляется, что это нарушает различие между наказанием и принципом справедливости юридической ответственности.

Для обеспечения соблюдения этих принципов необходимо ввести соответствующие наказания за умышленное или неосторожное вождение автомобиля с целью совершения самоубийства или попытки самоубийства по неосторожности. Конструктивные особенности состава преступления, предусмотренного ст. 110 Уголовного кодекса РФ, не позволяют отнести данное поведение к умышленным или по неосторожности [2].

Судебная практика исходит из правового статуса, согласно которому лицо, прямо или косвенно намеревающееся совершить это преступление, должно нести уголовную ответственность. Правонарушитель осознает общественную опасность своего поведения (бездействия), т.е. угрожает, оскорбляет или систематически унижает личное достоинство потерпевшего с целью склонения лица к совершению самоубийства или попытки самоубийства, предвидит возможность и неизбежность общественно опасных последствий в виде самоубийства или попытки самоубийства, желать и сознательно допускать такие последствия или упоминать об этих последствиях не важно.

Действие (бездействие) преступника по доведению жертвы до самоубийства должно быть уголовно наказуемым деянием и должно подлежать уголовному наказанию. В противном случае они представляют достаточную степень общественной опасности, и в этом случае неразумно квалифицировать поведение виновного как преступление.

Сложившееся в уголовном праве понимание термина «самоубийство» обычно сводит депривацию к самому широкому толкованию – «Лишение жизни, совершенное самим собой». Однако подобное понимание указанного термина не отвечает интересам уголовного права.

Т.К. Гасанов рассматривает понятия самоубийство и суицид (от лат. *suī caedere* – убивать себя) как равнозначные, характеризующиеся целенаправленным лишением себя жизни, как правило, добровольным [3]. Объективная сторона состава ст. 110 Уголовного кодекса РФ состоит в доведении лица до самоубийства или в доведении лица до покушения на самоубийство. В нее входят поведение самого виновного (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего); создание таким поведением жизненной ситуации, в представлении потерпевшего близкой к состоянию безысходности; принятое потерпевшим под влиянием этого решение о самоубийстве.

Диспозиция ст. 110 Уголовного кодекса РФ определяет способ доведения до самоубийства или до покушения на самоубийство, как обязательный признак при квалификации данного преступления. Закон включил исчерпывающий перечень уголовных способов самоубийства: угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Типы угроз в положениях ст. 110 Уголовного кодекса РФ не раскрываются. Важно, чтобы потерпевший воспринимал эти угрозы как реальные, создающие опасность

для прав и законных интересов. Они могут касаться лишения жизни потерпевшего или его близких, лишения жилища или работы, создания искусственных доказательств по обвинению в совершении преступления, разглашения как правдивых, так и ложных сведений, позорящих потерпевшего (но не содержащих сведений о совершенных противоправных действиях).

Жестокое обращение с потерпевшим может выражаться в избиении, глумлении, издевательствах, мучении, пытке, лишении свободы потерпевшего и его близких, питания, содержание в сыром или холодном помещении. Когда важно установить, что жестокое обращение с потерпевшим не является единичным и случайным, а представляет собой систему целенаправленных дальнейших действий преступника.

Систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего имеет место тогда, когда виновный цинично обращается с потерпевшим, подвергает его унижительному обращению, зло насмехается над его физическими недостатками, издевается над ним, о его распространении порочащих сведений. Эти факты должны быть не единичными, а системными, т.е. совершаться более двух раз при едином умысле на смерть потерпевшего.

Преступление считается оконченным в случаях, если в результате действий виновного последовало самоубийство или покушение на него. Простое заявление о намерении покончить с собой, приготовление к самоубийству, составление предсмертной записки не образует еще оконченного преступления по комментируемой статье. Необходимо также наличие причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями в виде самоубийства или покушения на самоубийство [4].

Состав преступления будет иметь место только в случае, если самоубийство или покушение на самоубийство было результатом угроз, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения человеческого достоинства. Так, Р. в ходе очередной ссоры с женой стал бить ее, и она, спасаясь, выпрыгнула со второго этажа. Под окном стояла кровать с выступающими металлическими стержнями. Осенью пострадавшая врезалась в эти решетки и получила тяжелое ранение. После инцидента Р. продолжал избивать жену. От полученных серьезных травм она скончалась. Высшая судебная инстанция не признала в действиях Р. состав самоубийства и мотивировала свое решение тем, что потерпевшая выпрыгнула из окна, пытаясь спастись от насильственных действий мужа, а не пыталась покончить жизнь самоубийством. Р. был осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. Таким образом, в реалиях настоящего времени вопрос квалификации преступных деяний по ст. 110 Уголовного кодекса РФ стоит крайне остро.

Проблема заключается в чрезвычайно сложной системе, которая доказывает тот факт, что при таких действиях, как самоубийство жертвы, на психологию последней оказывается воздействие извне. Следствию трудно определить, какое воздействие оказало на жертву и подтолкнуло ли ее к самоубийству. Сравнивая и анализируя составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 110 и 110.1 Уголовного кодекса РФ, можно сделать вывод, что эти составы практически одинаковы, и единственным критерием их различия является высокий

резонанс общественности в отношении лиц, совершивших эти преступления, особая общественная опасность и ответственность за их совершение. невозможность привлечь виновных к ответственности из-за недостаточности правовой базы требует от государства соответствующего реагирования [1].

Некоторые авторы предлагают дополнить Уголовный кодекс РФ новой статьей «Самоубийство по неосторожности». «Для того чтобы отстоять эту позицию, автор привел следующие аргументы: «Если мы откажемся от состава самоубийства по неосторожности, то проблема самоубийств в нашей стране станет более серьезной, и многие люди будут необоснованно уходить от ответственности», поскольку в судебной практике самоубийство или попытка самоубийства жертв в некоторых случаях это не входило в намерения преступника, поэтому обвинительный приговор суда в отношении этих людей в соответствии со ст. 110 Уголовного кодекса РФ был отменен, а производство по делу прекращено в связи с отсутствием в поведении осужденного состава преступления. Однако доведение человека до самоубийства или попытки самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения личного достоинства жертвы не может рассматриваться как преступление по неосторожности, поскольку перечисленные в законе методы носят преднамеренный характер.

В связи с этим, если преступник совершает умышленный акт насилия в отношении жертвы, который имеет последствия самоубийства или попытки самоубийства, и намерение преступника не учитывается, мы считаем, что вопрос об ответственности может быть решен только в рамках смешанных форм (необдуманное или небрежное отношение к жертве). последствия). В то же время, если мы допустим, что самоубийство возможно и существует форма неосторожного греха, то мы получим преступление, и те же санкции будут установлены в случае умышленного и неосторожного совершения.

В данном случае нарушается принцип разграничения уголовной ответственности. Чтобы решить эту проблему, предлагаются следующие методы: изменить содержание ст. 110 Уголовного кодекса РФ «Умышленное доведение до самоубийства» и разъяснить в новой редакции: «Умышленное доведение лица до самоубийства или попытки самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства жертвы наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до восьми лет или без такого права, а также ограничением свободы на срок до двух лет или без такого права»; ввести ст. 110.3 Уголовного кодекса РФ «Доведение до самоубийства по неосторожности»: «Угроза, оскорбление или систематическое унижение человеческого достоинства жертвы и доведение лица до самоубийства или попытки самоубийства могут быть приговорены к лишению свободы на срок не более трех лет и лишены или не лишены права занимать определенные должности», или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.» Поэтому высокий общественный резонанс, особая социальная опасность и невозможность привлечь виновных к ответственности из-за отсутствия достаточных юридических оснований требуют от государства соответствующего реагирования.

В ходе исследования было отмечено, что самоубийство в нашей стране является уголовным преступлением против жизни и здоровья, и ответственность за него предусмотрена Уголовным кодексом РФ. Общественная опасность любого суицидального поведения высока, что может быть объяснено нарушением самого ценного – хорошей жизни. Ответственность за самоубийство или попытку самоубийства за рулем предусмотрена ст. 110 Уголовного кодекса РФ [5].

Подводя итог, следует признать, что нормы об ответственности за самоубийство или суицидальные тенденции все еще нуждаются в совершенствовании.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Серегин Д.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: компаративистский взгляд // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 77–85.
2. Чулокова Н.А. О становлении отечественного уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Молодой ученый. 2024. № 6. С. 225–227.
3. Гасанов Т.К. Дифференциация уголовной ответственности за доведение до самоубийства по Уголовному кодексу Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 6. С. 94–96. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.06.08.
4. Ковалева А.В. Проблемы регламентации доведения до самоубийства // Молодой ученый. 2021. № 49. С. 201–204.
5. Юрков С.А., Горячева Е.Ю. Проблемы уголовной ответственности доведения до самоубийства // E-Scio. 2021. № 11. С. 701–709.

Г.Р. ФАТТАХОВ

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Р.Н. НУРМУХАМЕТОВ

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ВОЗДУШНОМ И КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ

На сегодняшний день существует четкое разграничение действия уголовного закона в привычных нам земных территориальных границах, однако развитие преступной деятельности наряду с развитием человека выходит за привычные нам границы. Основной целью статьи является рассмотрение вопроса о действующем распространении уголовного закона в воздушном и космическом пространствах, а также анализ возможных к возникновению уголовно-правовых проблем, связанных с преступлениями в космическом пространстве.

Ключевые слова: уголовный закон; воздушное пространство; границы; космическое пространство.

При рассмотрении вопроса о действии уголовного закона в пространстве следует выделить нормативные правовые акты являющиеся основополагающими в его решении. Законом, прямо регулирующим действие уголовного закона в пространстве Российской Федерации, является Уголовный кодекс РФ, а именно в ст. 11, определяющая действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации. Уголовный кодекс РФ в ст. 11 закрепляет монополию уголовного закона России над уго-

ловной ответственностью за преступления на ее территории, а также на иных ее территориях (объектах, относящихся к ее территории) – чч. 2 и 3 настоящей статьи. Особенностью применения ст. 11 Уголовного кодекса РФ является ряд границ, определенных конкретными федеральными законами, которые четко определяют границы действия уголовного закона Российской Федерации в сочетании с существующими картами в зависимости от типа территории. В случае воздушного пространства границы напрямую установлены подзаконным актом – Постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации». Указанное постановление в п. 7 указывает на вертикальную границу территории Российской Федерации: «Границей нижнего и верхнего воздушного пространства является эшелон полета 8100 м».

В свою очередь в вопросе космического пространства отсутствуют принятые федеральным законодательством или же международными договорами точно определенные территориальные границы. Безусловным фактом является их международный характер и принадлежность к человечеству в целом, хотя и существуют определенные оговорки, которые описаны далее [1]. Возвращаясь к вопросу о разграничении космического пространства от воздушного, следует отметить «Линию Кармана», принятая научным обществом условная граница земного и космического пространств, простирающаяся на примерной высоте в 100 км над уровнем моря.

Как было указано ранее, отсутствие космических территорий в ст. 11 Уголовного кодекса РФ обусловлено тем, что данная территория не принадлежит никакому государству, что следует из ст. 2 Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 19 декабря 1966 г. (далее – Договор) которая гласит, что космическое пространство и небесные тела не подлежат национальному присвоению и провозглашению на них суверенитета того или иного государства [2]. Из вышеуказанного можно предположить, что в таком случае будет действовать ст. 12 Уголовного кодекса РФ, которая регулирует преступления совершенные вне границ Российской Федерации, но против ее интересов, однако, согласно ст. 8 данного договора, запущенные в космическое пространство объекты и их экипаж будут находиться под юрисдикцией и контролем того государства, в чей регистр они внесены, следовательно уголовные преступления совершенные на космических судах принадлежащих России будут являться юрисдикцией только Российского уголовного закона аналогично водным и иным судам ч. 3 ст. 11 Уголовного кодекса РФ.

Все же следует отметить, что данная статья договора будет использоваться при случае если субъект и объект преступления в космическом пространстве совпадают по своей государственной принадлежности [3]. В случаях если объект и субъект преступления будут являться представителями двух различных государств – возникнет коллизия законодательства Российской Федерации и иного государства, которая, по общему правилу, должна быть урегулирована с помощью ч. 3 ст. 12 Уголовного кодекса РФ, однако существует специальный закон, предполагающий коллизии норм разных государств в космической деятельности – ч. 2 ст. 28 Закона РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельно-

сти», согласно которому при коллизии норм в ситуациях с участием организацией и граждан Российской Федерации должно быть применено законодательство Российской Федерации или международные договоры.

Иным примером реализации действия уголовного закона в космическом пространстве является ст. 22 Соглашения между Правительством Канады, правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством РФ и Правительством США относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения от 29 января 1998 г. об уголовной юрисдикции. В указанной статье установлены формы возможного сотрудничества при совершении преступлений, где объект и субъект являются представителями различных государств, а именно возможность экстрадиции подозреваемого в совершении преступления для дальнейших разбирательств либо отказа в передаче и праве на разбирательство самостоятельно [4].

При рассмотрении судебной практики были подтверждены теории действия уголовного закона в космическом пространстве. Так, дело Энн Макклейн – астронавта МКС, гражданки США было названо первым преступлением, совершенным в космосе. Объективная сторона преступления состоит в том, что Энн Макклейн следила за счетами своего бывшего супруга, гражданина США, без его уведомления, на что последний подал иск в суд США, где в дальнейшем обвинение было снято вследствие выяснившихся обстоятельств об отсутствии состава преступления. Важным для нас является факт совершения преступления и то, кем проводилось расследование. Процессуальные действия по делу принимались уполномоченными органами США в силу того, что обе стороны являлись резидентами одного государства оно и принимало решение.

На сегодняшний день судебная практика в Российской Федерации по действию уголовного закона в пространстве, где территорией совершения преступления является космическое пространство отсутствует. При обращении к судебной практике, связанной с воздушным пространством, можно выделить, что абсолютное большинство из них являются совершением преступлений средней тяжести, а именно хулиганством на борту воздушного судна в состоянии алкогольного опьянения. Особенно интересным является иной факт из судебной практики уголовного судопроизводства Российской Федерации – малое число судебных решений по ст. 271 Уголовного кодекса РФ «Нарушение правил международных полетов» и полное отсутствие дел по ст. 271.1 Уголовного кодекса РФ «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации». Составы данных статей предусматривают использование воздушного судна при совершении преступлений, однако малое число судебных дел говорит о специфике преступлений, предусмотренных данным составом – сложности их реализации, вследствие чего существующие нормы скорее являются превентивными для отсутствия пробела в уголовном законе.

Подводя итоги, следует обозначить правовой пробел уголовного законодательства, выраженный в отсутствии конкретной нормы, закрепляющей строгое разграничение космического и воздушного пространств. Выведение нормативного правового акта, регулирующего данный вопрос, будет являться важным шагом для превенции правовых споров по аналогии со ст. 271

и 271.1 Уголовного кодекса РФ. Немаловажным является факт отсутствия судебной практики в отношении космического пространства, однако подобное не должно останавливать развитие юриспруденции.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Решняк М.Г. О некоторых актуальных проблемах уголовного и уголовно-процессуального законодательства, связанных с действием уголовного закона в пространстве // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 242–244.
 2. Трефилова А.Е. Проблемы действия уголовного права в космическом пространстве // Актуальные проблемы юридического образования и науки в эпоху цифровизации и пути их решения: Мат-лы XVI Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 16. Тюмень: Вектор Бук, 2020. С. 231–235.
 3. Эткина А. Действие уголовного закона на международной космической станции // Правовое регулирование общественных отношений на земле и в космическом пространстве: Мат-лы Междунар. науч.-практ. мол. конф. Самара: Самарский университет, 2018. С. 121–122.
 4. Степашин В.М., Бибик О.Н. Действие уголовного закона в пространстве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 1. С. 72–79.
-
-

Д.Д. ХАЗИЕВА, К.Н. ЗАРИПОВА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Р.Н. НУРМУХАМЕТОВ

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

В современных условиях законодателю и правоприменителю необходимо опираться на конституционные основы, в частности, на принцип гуманизма, который составляет основу уголовного законодательства. Применяя принцип гуманизма крайне важно правильно разграничивать уголовно-правовые меры наказания и область их применения. В актуальном законодательстве в сфере принудительных мер медицинского характера не все вопросы имеют правовое регулирование. Авторы статьи анализируют научную литературу и приводят свое решение данной проблемы.

Ключевые слова: невменяемое лицо; принудительные меры медицинского характера; общественно опасное деяние; принудительное лечение; правовое регулирование; гуманизм.

Конституции РФ в ст. 21 закрепляется воспрепятствование применению насилия в любом его проявлении. На постулатах данной статьи основывается уголовно-правовые отношения в обществе. Гуманизм – основополагающий принцип уголовного права как отрасли российского законодательства. Данный принцип предусматривает назначение справедливого наказания без истязания и унижения лица, совершившего преступление. При вынесении приговора судом, в рамках данного принципа, учитываются и обстоятельства совершения преступления. Так, в соответствии со ст. 21 Уголовного кодекса, невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности, ему назначаются принудительные меры медицинского характера. Принцип гуманизма необходим не только для кары и наказания лица, но и для выработки сострадания и его стремления к исправлению.

Действующий Уголовный кодекс не содержит легального определения принудительных мер медицинского характера. Научными деятелями в сфере юриспруденции ведутся споры, требуется ли введение в законодательство Российской Федерации данного понятия. В уголовно-правовой науке даются различные определения принудительным мерам медицинского характера. Так, есть ряд ученых, которые придерживаются мнения, что понятие принудительных мер медицинского характера шире, чем понятие средство медицинского характера, что делает затруднительным разграничение института принудительных мер медицинского характера от иных уголовно-правовых мер [1].

Г.В. Назаренко отмечает, что многие ученые, определяя данное понятие, ошибочно толкуют его слишком расширительно, что мало соответствует юридической технике, дает собственное определение. По его мнению, принудительные меры медицинского характера – особая уголовная форма государственного принуждения, содержание которой заключается в принудительном лечении невменяемых, а также вменяемых лиц, совершивших преступление и нуждающихся по своему психическому состоянию в принудительном лечении [2]. Многие ученые отмечают, что определение, которое дано Назаренко, является наиболее кратким и точным, содержащим все признаки понятия принудительных мер медицинского характера.

Проанализировав понятия принудительных мер медицинского характера, можно сделать вывод, что единого определения на сегодняшний день не существует. Это обуславливается тем, что при составлении понятия принудительных мер медицинского характера важно исследовать не только уголовное законодательство, но и уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное. Также взаимосвязь прослеживается с конституционным правом, судебной психиатрией.

Исходя из анализа научной литературы и уголовного законодательства, можно определить, что принудительная мера медицинского характера – это назначаемая судом мера уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Такое лицо обязано пройти лечение в специальном медицинском учреждении либо в амбулаторных условиях. Лицо может быть подвергнуто принудительному лечению в домашней обстановке при условии обязательного и регулярного посещения медицинских сотрудников. Особенность данных уголовно-правовых мер заключается в соотношении юридических (основания и порядок применения предусмотрены Уголовным кодексом РФ и Уголовным процессуальным кодексом РФ) и медицинских (возложение обязанности по надлежащему исполнению предусмотренных судом принудительных мер) начал в содержании данного института [3].

Основания для применения в отношении лица принудительных мер медицинского характера приведены в ст. 97 Уголовного кодекса РФ. Лицу может быть назначено принудительное лечение: за совершение общественно-опасных деяний в состоянии невменяемости; за совершение преступлений при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости; после совершения преступления в случае наступления психического расстройства, делающего невозможным назначение или исполнение наказания; за совершение преступлений в совершеннолетнем возрасте против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших возраста четырнадцати лет, если лицо страдает расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Проблема применения принудительных мер медицинского характера является межотраслевой проблемой, поскольку основания для назначения и исполнения данной меры уголовно-правового характера регулирует не только Уголовный кодекс, но и Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы РФ, а также иные федеральные законы.

Особенности производства о применении мер медицинского характера регламентируются главой 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Порядок исполнения принудительных медицинских мер установлен Уголовно-исполнительным кодексом РФ, при этом в нем определен порядок исполнения принудительных медицинских мер только за теми, кто отбывает наказания в виде принудительных работ, ареста, лишения свободы. На основании приведенных суждений, появляется коллизия, в ходе которой затрудняется выбор органа, который будет осуществлять контроль исполнения принудительных мер медицинского характера в порядке отбывания иного вида наказания. Прослеживается необходимость в ведении отдельной главы также и в уголовно-исполнительном законодательстве, т.к. изначально при принятии нового Уголовного кодекса РФ планировалось, что принудительные меры медицинского характера в полной мере будут регулировать три кодекса: Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный. На практике невозможно сделать так, чтобы лишь кодексы регулировали осуществление принудительных мер медицинского характера, поэтому законодательно упоминает, что правовую основу назначения, исполнения принудительных мер регулируют также иные федеральные законы, в т.ч. нормативные акты Мастерства юстиции РФ и Министерства здравоохранения РФ. Поскольку уголовным, а также уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательствами производится недостаточное правовое регулирование принудительных мер медицинского характера, это приводит к редкому применению на практике принудительных мер медицинского характера.

Уголовно-исполнительное законодательство не регулирует порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, в связи с этим появляются пробелы в правовом регулировании. Это сложилось из-за того, что исполнение данных мер в СССР регулировали иные ведомственные акты, которые в нынешнее время утратили свою силу. В настоящее время существуют федеральные законы, регламентирующие порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, однако нет их единого оформления в уголовно-исполнительном законодательстве.

Таким образом, большинство вопросов, касающихся принудительных мер медицинского характера, не регулируются в соответствии с действующим законодательством. Без правового регулирования по-прежнему остаются вопросы правового положения лиц, сбежавших или злостно уклоняющихся от принудительного лечения. Возникает множество споров, касающихся исполнения принудительных мер медицинского характера, которые приобретают межведомственный характер и создают препятствия к осуществлению данных мер.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что отсутствие закрепленной в законодательстве дефиниции принудительных мер медицинского характера не позволяет раскрыть их сущность. Основания назначения данной уголовно-правовой меры раскрывают лишь общие аспекты данного вопро-

са, на которые правоприменитель обращает внимание при назначении принудительных мер. Принудительные меры медицинского характера назначаются лишь невменяемым лицам, однако на сегодняшний день актуальность проблемы изменения рассудка в результате длительного употребления спиртных напитков или наркотических веществ лишь возрастает. Данный факт дает основания полагать, что данное лицо становится невменяемым, однако данные понятия будут совершенно различны по их содержанию. Правовой пробел порождает вопросы назначения принудительных мер медицинского характера лицам с зависимостями, поскольку в соответствии со ст. 73 Уголовного кодекса РФ, суд имеет право назначить дополнительно к основному наказанию обязательства по прохождению курса лечения от алкоголизма или наркомании, но никак не фиксирует последствия злостного уклонения от его исполнения.

По нашему мнению, для решения пробелов правового регулирования применения принудительных мер медицинского характера, необходимо закрепить дефиницию, раскрывающую содержание данной уголовно-правовой меры с последующими дополнениями в уголовно-исполнительное законодательство. Так, считается необходимым регламентировать порядок исполнения принудительных мер медицинского характера и предусмотреть ответственность за злостное уклонение от прохождения лечения.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жарко Н.В. Принудительные меры медицинского характера: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2005. 26 с.
 2. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1. С. 77–83.
 3. Сверчков В.В. Наказание и другие меры уголовно-правового воздействия: Учеб. пособие. М.: Юрайт, 2024. 360 с.
-
-

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

И.С. ДЕРЯБИН
Научный руководитель – Н.М. Митякина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СУД: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

При изучении вопроса о необходимости и целесообразности создания Международного экологического суда, можно было не раз поменять свое мнение по этому поводу. В данной статье автор анализирует и обобщает мнения спорящих сторон, и на основе данного анализа делает вывод о целесообразности создания данного международного органа.

Ключевые слова: Международный экологический суд; Международный суд экологического арбитража и применения; конвенция; международный договор; декларация; Конституция РФ; международное экологическое право.

При изучении данного вопроса, видится необходимым, в первую очередь, разграничить понятия «Международный экологический суд» и «Международный суд экологического арбитража и примирения». В своей работе Е.В. Васильева, указывает на то, что данные понятия зачастую отождествляют, хотя на самом деле они имеют кардинально различные определения.

Международный экологический суд – это международный орган, в который могут обратиться разные государства, юридические или физические лица, осуществляющий правосудие при рассмотрении дел, связанных с вопросами экологии, т.е. взаимодействия человека с окружающей его средой. Не следует забывать о том, что в настоящее время данный международный орган не создан, а о его создании ведется научная дискуссия [1].

А Международный суд экологического арбитража и примирения, в свою очередь, является неправительственной организацией, которая была создана инициативными юристами в 1994 г. Суд разрешает международные споры, которые отнесены к сфере природопользования, а также охраны окружающей среды посредством консультаций, примирения сторон или выносит решение, которое обратившиеся стороны обязуются выполнить. Однако стоит заметить то, что все государства, находящиеся на международной арене, проигнорировали данную неправительственную организацию и ни одного дела на рассмотрение в нее не поступило.

Количество проведенных конференций, принятых многосторонних договоров, конвенций и соглашений свидетельствует о том, что международное сообщество в лице государств крайне заинтересовано в решении экологических проблем.

Началом всемирного взаимодействия в области решения экологических проблем выступает проведенная в Стокгольме конференция ООН по проблемам окружающей среды человека в 1972 г. В рамках данной конференции была принята Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды человека (далее – Стокгольмская декларация). Хотя Стокгольмская декларация и носит лишь рекомендательный характер, но она стала фундаментом для других международных документов, таких как Конвенция о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., Венская конвенция об охране озонового слоя 1987 г. и Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием 1994 г.

Ввиду специфики международного экологического права, можно говорить о том, что при попытке создания Международного экологического суда можно столкнуться с проблемой определения объекта, т.е. на данном этапе в международных нормах нет четкого представления не столько в объекте правонарушения, сколько в объеме самого понятия экологическое правонарушение, где, с учетом особенностей законодательств стран, затруднительно определить признаки рассматриваемого понятия.

Для примера можно упомянуть меры предпринятые международным сообществом по уменьшению влияния парниковых газов на изменение климата, результаты проведенного и опубликованного в 2022 г. на сайте Фонда «Центра стратегических разработок» исследования позволяют сделать вывод об отсутствии одинакового определения квалификации базового понятия «углеродная единица», которое поставлено законодателем различных стран в зависимости как от трактовки понятия «имущество», так и в определении механизма применения в гражданском обороте норм по аналогии, либо возможности распространения норм публично-правового характера.

Второй немаловажной проблемой в создании Международного экологического суда является определение юрисдикции на аналогичные либо подобные спорные отношения, которые возникают на территории отдельных государств, трансграничных отношений (споры возникают между государствами в приграничной полосе) либо на территориях, на которые не распространяется юрисдикция ни одного из государств. Рассматривая данную проблему, необходимо учитывать, прежде всего, суверенное право каждого конкретного государства по установлению экологических норм и возложенную на него обязанность по соблюдению экологической безопасности населения, которые оно реализует путем установления санкций, принуждающих к выполнению установленных норм. При этом с учетом внесенных изменений в Конституцию РФ в 2020 г., закрепляется приоритетность Российского законодательства над международным (ст. 15), применение международных актов в экологической сфере, с учетом изложенной выше проблемы в установлении объема понятия правонарушения, на данном этапе будет вызывать трудности.

С учетом изложенного, используя, исключительно пример Российской Федерации, установить территориальную юрисдикцию Международного экологического суда на территории конкретного государства в настоящий момент не представляется возможным.

С аналогичными проблемами мы сталкиваемся и при определении возможности распространения юрисдикции международных экологических институтов, в т.ч. суда, на возникающие трансграничные экологические споры между государствами. В частности, как правильно указала в своей работе Е.П. Васильева, рассматривая Соглашение между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики «О рациональном использовании и охране трансграничных вод» (далее – Соглашение), подписанное в 2008 г., можно сделать вывод, что Российская Федерация имеет возможность воспользоваться правом разрешения спора о возмещении вреда, возникшего из-за трансграничного загрязнения вод, только путем межгосударственных переговоров, т.к. Соглашением не предусмотрены нормы как о возмещении вреда, возникшего из-за трансграничного загрязнения, но и не определено право на передачу спора в какую-либо международную судебную инстанцию.

И последняя, рассматриваемая в данной статье проблема, препятствующая началу работы международного экологического суда, связана с отсутствием каких-либо нормативно-правовых актов в области экологического права, которые бы распространялись на территории, не находящиеся под юрисдикцией ни одного из государств. При этом мы сталкиваемся как с проблемой отсутствия общепризнанного закрепленного на международном уровне понятия экологического правонарушения, так и с отсутствием общепризнанных организационных структур, уполномоченных на проведение соответствующего контроля и аудита, выводы которых в обязательном порядке принимались всем мировым сообществом.

Подводя итог вышесказанному, можно согласиться с мнением Е.В. Виноградовой, которая в своей работе указывает на то, что мировое сообщество уделяет большое внимание вопросам защиты природы от преступных посягательств и в последнее время эта тема вновь стала актуальной. Однако механизм, позволяющий привлекать к ответственности лицо, виновное в посягательстве на международную экологическую безопасность до настоящего времени не создан [2], а создание мирового экологического суда не представляется возможным и, с учетом практики применения в одностороннем порядке санкционной политики в отношении оппонентов, не является перспективой ближайшего будущего. В то же время, как подчеркивает А.М. Солнцев, борьба с экологическими проблемами возможна только когда государства будут прилагать совместные усилия по решению экологических проблем [3].

Для примера такого взаимодействия, хотелось бы привести информацию с сайта «Портал БРИКС», где сказано, что вопросы экологии и изменения климата становятся все более обсуждаемыми и выходят на первый план в мировой повестке. Также на данном сайте приведены экологические инициативы стран БРИКС. Через взаимодействие стран БРИКС мы можем наблюдать, что с целью устранения возникающих ранее упомянутых в статье противоречий в экологической сфере, страны развивают и внедряют экологические программы в рамках многосторонних проектов в области природоохранной деятельности, которые позволили бы выработать практику применения соответствующих экологических норм, по обобщению которых можно будет в дальнейшем сделать вывод о возможности создания международного (межгосударственного) института, обладающего функциями арбитра.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Васильева Е.П. Международный экологический суд // Молодой ученый. 2022. № 32. С. 68–70.
 2. Виноградова Е.В. Проблемы юрисдикционной подсудности преступлений, посягающих на международную экологическую безопасность // Право и современные государства. 2018. № 2–3. С. 20–26. DOI: 10.14420/ru.2018.2-3.2.
 3. Солнцев А.М. Современные проблемы разрешения международных экологических споров // Государство и право. 2014. № 6. С. 71–77.
-
-

В.М. ПИСКАЙКИНА
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – А.Г. МОНЕТОВ

**ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВОСУДИЮ
ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ**

В статье представлено исследование статуса несовершеннолетнего в международном праве, проведен анализ ключевых международно-правовых документов, а именно «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» и «Конвенция ООН о правах ребенка». Целью настоящей работы было выявления способов доступа несовершеннолетних граждан Российской Федерации к международному правосудию для защиты их прав и интересов, которая была достигнута при помощи изучения данного вопроса, вследствие чего были установлены международные организации, посредством обращения в которые возможна реализация защиты прав и интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации, а именно: Комитет по правам человека при ООН и Комиссия по правам человека Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: статус несовершеннолетнего в международном праве; международная защита прав и интересов несовершеннолетних; Европейский суд по правам человека; Комитет по правам человека при ООН; Комитет по правам ребенка; Комиссия по правам человека Содружества Независимых Государств.

Законодательства зарубежных государств предусматривает различный возраст человека, с которого он становится носителем полной дееспособности, так в некоторых государствах возраст наступления совершеннолетия составляет 15 лет, в других 20 лет, а также предусмотрены и иные подходы. На уровне международного права осуществляется регулирование возраста совершеннолетия, в частности согласно ст. 1 Конвенции ООН «О правах ребенка» от 20 ноября 1989 г., следует, что лицо признается совершеннолетним по достижению им восемнадцатилетнего возраста.

Согласно российскому законодательству, каждый гражданин России обладает правом свободно обращаться за защитой своих интересов в органы правосудия, в т.ч. и несовершеннолетние. Право на свободный доступ к правосудию гарантируется Конституцией РФ. Помимо этого, граждане России могут обращаться за защитой своих нарушенных прав не только в национальные органы, но и в международные организации, что гарантируется ч. 3 ст. 46 Конституции РФ. Это также подтверждается тем фактом, что согласно ч. 4 ст. 15 Конституции положения международных актов включаются в состав национально-

го законодательства. Таким образом, несовершеннолетние могут защитить свои права и законные интересы не только в судах своего государства, но и при помощи международных средств защиты.

Согласно ст. 56 Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ следует, что несовершеннолетний имеет право самостоятельно защищать свои нарушенные права и законные интересы. Непосредственно порядок защиты нарушенных прав регламентируется процессуальным законодательством, так ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ предусматривает, что любое лицо имеет право обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав, в т.ч. и другое лицо может выступать в защиту интересов несовершеннолетних. Исходя из этого можно сделать вывод, что несовершеннолетний может как самостоятельно инициировать процесс по защите своих нарушенных прав, так и другое лицо может выступить в защиту его прав. Прежде всего, такими лицами выступают родители ребенка, его законные представители, уполномоченными на то государством, субъектами.

Одним из самых распространенных международных методов защиты нарушенных прав является обращение в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), в который в свою очередь могут обращаться и несовершеннолетние. ЕСПЧ был создан в 1959 г., в силу реализации «Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Особенностью Европейского суда является то, что его решения обладают обязательной юридической силой, поэтому должны в обязательном порядке исполняться государствами участниками Конвенции. Помимо этого, ЕСПЧ при вынесении решения могут назначать заявителю компенсацию [1]. Стоит отметить, что в вышеуказанной Конвенции не содержится достаточное количество специальных норм, посвященных защите прав именно несовершеннолетних, поэтому положения Конвенции можно признать универсальными, действующими в отношении любого человека, в силу чего в ЕСПЧ может и обратиться несовершеннолетний [2].

Но 25 февраля 2022 г. Комитетом Министров Совета Европы было принято решение о приостановлении права представительства Российской Федерации в Комитете Министров и Парламентской Ассамблее. Данное решение приобрело юридическую силу немедленно, Министерство иностранных дел РФ заявило, об отсутствии желания европейских государств продолжать взаимодействие в рамках Совета Европы. После чего Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла решение о выходе России из Совета Европы. 16 марта 2022 является датой прекращения членства России в Совета Европы. В связи с чем 11 июня 2022 г. Президент РФ подписал Федеральный закон № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», касательно неисполнения на территории Российской Федерации решений ЕСПЧ. Именно поэтому все решения, принятые ЕСПЧ после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению на территории России. Принятие такого закона автоматически лишило возможности граждан России обращаться в ЕСПЧ за защитой нарушенных прав.

Однако, не смотря на сложившуюся политическую ситуацию, несовершеннолетние граждане Российской Федерации сохраняют возможность защиты своих интересов при помощи международных средств. Так, в настоящее время осуществляет

свою деятельность Комитет по правам человека, который входит в состав ООН, при этом данный Комитет полномочен рассматривать жалобы, поступающие от граждан различных государств. В Комитет по правам человека можно обратиться с жалобой о нарушении основных прав человека: право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность; справедливое рассмотрение дела в суде; свободу слова, политических убеждений; на проведение мирных собраний. Жалоба подается именно к стране-нарушителю, при этом жалоба может быть подана как лично лицом, права которого были нарушены, так и другим заинтересованным лицом, даже если оно не является родителем или законным представителем несовершеннолетнего.

Кроме того, в составе ООН функционирует еще одно структурное подразделение, в функции которого входит защита прав именно несовершеннолетних – Комитет по правам ребенка. Основанием для обращения с жалобой в вышеуказанный Комитет является нарушение прав ребенка, предусмотренных Конвенцией о правах ребенка. Она была принята для того, чтобы воспрепятствовать торговле детьми, использованию несовершеннолетних в занятии проституцией, а также для противодействия вовлечения несовершеннолетних в вооруженные конфликты [3].

Стоит отметить, что Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений был принят достаточно давно, но он до сих пор не применяется при защите нарушенных прав несовершеннолетнего, т.к. большинство государств, так и не ратифицировали вышеуказанный Протокол, в т.ч. и Российская Федерация, что лишает несовершеннолетних россиян использовать Комитет по правам ребенка в качестве средства международной защиты [4].

Кроме того, стоит упомянуть Комиссию по правам человека Содружества Независимых Государств, которая является консультативным органом для наблюдения за выполнением обязательств по правам человека, взятых на себя государствами-участниками в рамках Содружества. Комиссия рассматривает индивидуальные и коллективные обращения любых лиц и неправительственных организаций по вопросам, связанным с нарушениями прав человека, основываясь в своей работе на «Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека».

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что несовершеннолетние граждане Российской Федерации, находясь в текущей международной обстановке и учитывая актуальные обстоятельства, имеют возможность на защиту своих прав и интересов на международном уровне посредством обращения в такие организации, как: Комитет по правам человека при ООН и Комиссия по правам человека Содружества Независимых Государств. Однако, дружественным государствам необходимо продолжать развитие политики, направленной на выработку эффективности соблюдения и защиты прав детей на основе принципов, закрепленных в «Конвенции ООН о правах ребенка».

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Топорина Д.Е. Роль Европейского суда по правам человека в механизме защиты прав несовершеннолетних // Марафон знаний: Сб. науч. тр. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2021. С. 36-38

2. Стрельчук И.А. Международные стандарты в области судебной защиты несовершеннолетних и проблемы обеспечения доступа детей к международной правосудию для защиты их прав

и интересов // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: Мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск – Улан-Удэ: БГУ, 2016. С. 72–75. DOI: 10.18101/978-5-9793-0791-6-72-75.

3. Сулейманова И.Е. К вопросу о защите прав несовершеннолетних в современном международном законодательстве // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3. С. 119–123.

4. Анисимова С.А., Глушкова С.И. Актуальные вопросы международной защиты прав детей (к 30-летию Конвенции о правах ребенка) // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 63–70.

А.М. ТЛЯБИЧЕВА

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – К.П. МОССУР

ЧЛЕНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФАТФ: АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИОСТАНОВКИ

В статье анализируется степень влияния ФАТФ на становление и развитие федерального законодательства в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, а также современные тенденции изменения законодательства в этой сфере в условиях приостановки членства России в ФАТФ.

Ключевые слова: международное сотрудничество; ФАТФ; противодействие легализации доходов; международные стандарты; национальное законодательство; приостановка членства.

Международное сотрудничество является важной составляющей деятельности государства по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем (далее – противодействие легализации доходов). Связано это с тем, что проблема легализации доходов, осуществляемой путем нарушения законодательства, распространена во многих государствах, поэтому эффективная борьба с ней может осуществляться странами только при их тесном взаимодействии и сотрудничестве. Нередки случаи, когда легализация доходов происходит за рубежом, поэтому для выявления данного факта органам государственной власти необходимо иметь возможность взаимодействия с компетентными органами иностранных государств [1].

Наиболее крупной международной организацией по борьбе с отмыванием доходов является Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (далее – ФАТФ). За период активного участия России в ФАТФ ей удалось достичь значительных результатов в борьбе с легализацией доходов. Во многом такой прогресс стал возможен благодаря внедрению информационных технологий, позволяющих осуществлять контроль за законностью получения денежных средств, а также формированию прочной правовой базы, охватывающей наиболее важные вопросы, касающиеся противодействия легализации доходов.

В частности, после вступления России в ФАТФ значительным изменениям был подвергнут Федеральный закон от 7 октября 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В нем был расширен список операций, подлежащих обязательному контролю, были скорректированы пра-

ва и обязанности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами, Центральный Банк России получил ряд полномочий в сфере разработки правил внутреннего контроля кредитных организаций.

Большое влияние на стратегию страны в области противодействия легализации доходов также оказывали руководства ФАТФ, которые предписывали странам-участницам оперативно регулировать отношения, представляющие угрозу для общества и государства [2]. Некоторые положения данных руководств нашли свое отражение в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Например, Руководство ФАТФ «О публичных должностных лицах» от 27 июня 2013 г. (далее – Руководство) стало основой для принятия Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

Руководство в п. 33 указывает на то, что идентификация бенефициара является необходимой мерой, направленной на предотвращение мошенничества со стороны данного бенефициара. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 215-ФЗ, следуя положениям Руководства, предусматривает дополнение Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» ст. 6.1, которая предусматривает обязанность юридического лица раскрывать информацию о своих бенефициарных владельцах, тем самым создавая условия для осуществления компетентными субъектами идентификации этих бенефициаров.

Учитывая упомянутые факты, можно сделать вывод о том, что ФАТФ оказало большое влияние на развитие российского права в области противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, однако на сегодняшний день членство России в ФАТФ приостановлено, и актуальным остается вопрос о пути развития отечественного законодательства в данной области.

Высоким уровнем риска на сегодняшний день обладают способы отмывания доходов путем совершения платежей по банковским счетам, поэтому данный вид операций требует особых методов контроля со стороны кредитных организаций. Однако такой вид контроля предполагает выполнение кредитными организациями дополнительных функций, поэтому данная сфера, помимо Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», регулируется так же и актами Центрального Банка РФ, которые в последние несколько лет приобрели особую значимость при регулировании деятельности кредитных организаций в области противодействия легализации доходов. Помимо этого, можно заметить тенденцию, направленную на расширение компетенции Центрального Банка в данной области.

В частности, Федеральный закон от 22 июля 2024 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» внес значительные изменения в ст. 7.8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирова-

нию терроризма», наделив Центральный банк компетенцией по пересмотру решений об отнесении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к группе высокой степени риска совершения подозрительных операций.

Кроме того, можно заметить стремление законодателя к более конкретному регулированию правового положения и деятельности филиалов иностранных кредитных организаций и иностранных граждан по вопросам, относящимся к легализации ими доходов, что связано с прекращением действия в отношении России некоторых международных договоров, в т.ч. тех, которые регулировали правовое положение иностранных субъектов. Данные тенденции предопределили ряд изменений, вносимых в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» Федеральным законом от 8 октября 2024 г. № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Многочисленные изменения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» были направлены на выделение иностранных субъектов в отдельную группу, которая хотя и не соотносится с уже существовавшими группами субъектов, но обладает большей частью тех прав и обязанностей, которые уже были перечислены в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» применительно к другим субъектам. При этом, ст. 2 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» отмечает, что филиалы иностранных банков, в связи с данными изменениями, теперь являются отдельным элементом банковской системы России.

В заключение можно отметить, что ФАТФ оказало существенное влияние на формирование и развитие в Российской Федерации основ правового регулирования противодействия легализации доходов, полученных преступным путем [3]. При этом Россия продолжает совершенствовать правовое регулирование в области противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, придерживаясь тех стандартов, которые установлены на международном уровне, даже в условиях приостановки ее членства в ФАТФ.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безверхов А.Г., Кривокапич Б. Противодействие легализации (отмыванию) криминальных доходов: комплексно-правовой подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 194–204. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.194-204.
 2. Варфоломеев А.А. ФАТФ: международные стандарты финансового мониторинга и их имплементация в России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 3. С. 6–20.
 3. Писаренко А.П. Национальная «антиотмывочная» система РФ: соответствие требованиям ФАТФ и оценка эффективности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2019. № 2. С. 58–61.
-
-

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

С.Ю. ДЕРЕВЯНЧЕНКО
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Т.А. ФРОЛОВА

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ НАУКИ

В статье рассматривается проблема коррупции в научной сфере России, ее влияние на развитие науки, а также существующие методы борьбы с ней. Анализируются законодательные инициативы и ведомственные акты, направленные на противодействие коррупции. Предлагается внедрение образовательного курса для молодых ученых, направленного на профилактику коррупции и развитие антикоррупционного сознания. Акцентируется внимание на важности совместных усилий государства, научного сообщества и общества для создания среды, свободной от коррупционных рисков.

Ключевые слова: коррупция; научный эмос; моральные нормы; научное сообщество; курс по противодействию коррупции.

Рассматриваемая нами проблема актуальна, т.к. по данным Министерства внутренних дел РФ за последний год, в период с январь–сентябрь 2023 г. по январь–сентябрь 2024 г. наблюдается серьезное увеличение числа общих коррупционных преступлений, их рост составил 13,49%. Коррупция является одной из главных проблем современного российского общества, она затрагивает все жизненно важные социальные институты, наука не является исключением. Коррупция в научной сфере подрывает доверие к исследованиям и их результатам, что может негативно сказаться на скорости развития технологий и внедрении инноваций, необходимых для прогресса общества. Она приводит к неэффективному распределению бюджетных средств, выделяемых на исследования, что ограничивает возможности для талантливых ученых. Кроме того, в современных условиях странам крайне важно поддерживать свою конкурентоспособность на мировой политической арене, которая в немалой степени зависит от научно-технологического суверенитета.

Целью нашей работы является рассмотрение уже существующих методов борьбы с коррупцией и их механизмов реализации: формулирование прямых требований по противодействию коррупции, создание институциональных органов для контроля за соблюдением морально-этических и профессиональных норм, формирование этической культуры, препятствующей коррупции, а также разработка рекомендаций для молодых ученых.

Рост коррупции в научной сфере можно проследить с того момента, когда человечество перешло от классической науки к «большой науке», в условиях которой исследования проводятся крупными научными коллективами, требующими значительных бюджетов. В новых реалиях учеными начинают двигать не стремление найти истину, а интересы заказчика, финансирующего исследования, в роли которого выступают государство или корпорации. С каждым годом растет количество новостей об очередных «купленных» диссертациях или фальсификации данных для получения гранта, поскольку независимая научная деятельность, как это было в XIX в., теперь невозможна для ученого. Подобное положение вещей становится обыденностью в научной среде и, как следствие, нарушения норм научной работы, перестают осуждаться, поскольку все прекрасно понимают, что без субсидирования со стороны исследование неосуществимо.

Научная деятельность в период классической науки определялась неофициальным сводом норм и правил, которыми руководствовалось научное сообщество. Известный социолог Р. Мертон в 1942 г. ввел понятие «этос науки», описывающее наиболее значимые принципы и ценности научной деятельности. Одной из важнейших норм научного этоса является «бескорыстие», т.е. ориентация на поиск истины, а не выгоды. Однако в период большой науки эти нормы «адаптируются» к новым условиям, в результате чего ученый, скорее, руководствуется их противоположностью, так называемыми антинормами научного этоса [1].

Международный опыт показывает, что борьба с коррупцией в науке требует комплексного подхода, включающего как внутренние механизмы саморегулирования научного сообщества, так и внешние меры государственного контроля. Например, в США и странах Европы активно применяются системы этических кодексов, независимых аудитов и прозрачности данных. В России и Китае также предпринимаются меры по регулированию деятельности научного сообщества, направленные на усиление государственного контроля за освоением грантовых средств и повышению ответственности ученых. Государство пытается установить необходимые правила поведения для научного сообщества путем создания рекомендательных документов, таким образом, ученое общество теряет независимость, что тоже влияет на рост коррупции.

Повышенное внимание противодействию коррупции в науке объясняется ее глобальными последствиями. Сфальсифицированные результаты научных исследований способны привести к ошибочным решениям в области здравоохранения, экологии, экономики и безопасности. В связи с этим формирование и интеграция эффективных мер по борьбе с коррупцией в науке является одной из основных задач современного общества и законодательства. Именно поэтому Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», противодействие коррупции отнесено к одному из основных национальных приоритетов в сфере государственной и общественной безопасности Российской Федерации.

Анализ российского антикоррупционного права позволяет выделить три метода борьбы с коррупцией:

- 1) формулирование прямых требований по противодействию коррупции;
- 2) создание институциональных органов для контроля за соблюдением морально-этических и профессиональных норм;

3) формирование этической культуры, непригодной для существования коррупции.

Для более четкого понимания проблемы необходимо выяснить, какое толкование понятия коррупция представлено в российском законодательстве.

Отметим, что система антикоррупционного законодательства в Российской Федерации включает в себя широкий перечень законов и подзаконных актов. Основным законом, регулирующим антикоррупционную деятельность, является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В нем коррупция определяется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами», устанавливаются принципы противодействия и профилактики коррупции, а также меры наказания. Федеральный закон «О противодействии коррупции» задает основные векторы антикоррупционной деятельности государства. Также в этом документе упомянуто немаловажное понятие в контексте противодействия коррупции – «конфликт интересов». Согласно ст. 10 данного Федерального закона, «под конфликтом интересов на государственной или муниципальной службе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного или муниципального служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственного или муниципального служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства».

По мнению А.М. Павловой и Р.Р. Ураева, коррупция и конфликт интересов тесно взаимосвязаны, хотя и не являются тождественными понятиями, авторы статьи делают акцент на том, что, если знать о причинах конфликта интересов и самом конфликте, то предупредить коррупционную ситуацию будет гораздо проще [2; 3]. В качестве наглядного примера можно привести конфликт интересов в сфере научных публикаций, когда автор, рецензент или редактор имеют финансовые или личные отношения, а также идеологические убеждения, препятствующие беспристрастному восприятию, рецензированию, принятию решения о публикации результатов исследования.[4]

Однако нам более интересны ведомственные правовые акты, регулирующие сферу науки, т.к. они учитывают специфику среды и дают более конкретные инструкции и предписания, нежели более общие законы. Одними из таких актов является Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 22 марта 2019 г. № 24н «Об утверждении Порядка уведомления работодателя работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством

науки и высшего образования РФ, о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов». В данном приказе определяется порядок уведомления работником работодателя о появлении личной заинтересованности, которая, в свою очередь, может привести или приводит к конфликту интересов. Документ фиксирует оповещение о конфликте интересов или его возможности как обязательство работника, и является примером проактивного уведомления.

Названный документ – иллюстрация прямого требования для противодействия коррупции.

Второй механизм демонстрирует несколько иной вариант профилактики коррупции представляет Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 26 июля 2018 г. № 15н «Об утверждении Положения о Комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по соблюдению требований к служебному (должностному) поведению и урегулированию конфликта интересов». Документ устанавливает порядок формирования и деятельности комиссии, а также ее функции и задачи. Исходя из приказа, основной задачей деятельности Комиссии является «является содействие Министерству:

а) в обеспечении соблюдения федеральными государственными гражданами служащими Министерства, гражданами, ранее замещавшими должности федеральной государственной гражданской службы в Министерстве, и работниками организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством, для которых работодателем является Министр науки и высшего образования РФ, ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также в обеспечении исполнения ими обязанностей, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», другими федеральными законами»;

б) в осуществлении в Министерстве мер по предупреждению коррупции.

Функциями комиссии являются:

1. Проведение анализа и оценки степени соблюдения требований к профессиональному поведению.

2. Рассмотрение сообщений о конфликте интересов.

3. Создание рекомендаций по улучшению служебной этики и предупреждению конфликтов интересов.

4. Организация обучения сотрудников по вопросам этики и антикоррупционного поведения.

В отличие от Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 22 марта 2019 г. № 24н, делающего акцент на индивидуальной ответственности работника, Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 26 июля 2018 г. № 15н создает институциональный механизм – Комиссию Министерства образования и науки РФ для контроля за соблюдением норм профессиональной этики работниками и профилактике коррупции.

Законодательством устанавливается перечень требований к поведению сотрудников. Одним из таких требований к педагогическим работникам высшей школы, установленных этим документом является соблюдение моральных и этических норм, а также следование правилам профессиональной этики, однако эти нор-

мы не прописаны, поэтому образовательные учреждения создают собственные этические кодексы, комитеты, обозначающие морально-нравственные ориентиры научно-педагогического работника и следящие за их соблюдением.

В качестве практического примера можно привести Положение об этическом комитете ФГБОУ ВО «ОмГПУ» от 18 июля 2023 г. В полномочия комитета входит рассмотрение этическим вопросов, связанных с научными исследованиями в области социальных, гуманитарных, естественных наук. Понятие «этического вопроса» в данном документе трактуется достаточно широко, поэтому оно также подразумевает конфликт интересов. В Кодексе профессиональной этики педагогических работников ФГБОУ ВО «ОмГПУ» от 4 апреля 2014 г. устанавливаются этические нормы поведения, направленные на формирование непригодной для коррупции среды: «Педагогическим работникам надлежит принимать меры по недопущению коррупционно опасного поведения педагогических работников, своим личным поведением подавать пример честности, беспристрастности и справедливости».

Таким образом, только совместными усилиями государства, научного общества и образовательных учреждений можно создать среду, свободную от коррупционных рисков, что, в свою очередь, будет способствовать устойчивому развитию науки и технологий в стране. Эффективная борьба с коррупцией в научной сфере – это не только задача законодательства, но и всего общества, требующая активного участия всех его членов.

На наш взгляд, необходимо готовить молодых ученых, вступающих в мир научных исследований, к противодействию коррупции еще на этапе обучения. С целью предотвращения коррупционных решений в своей профессиональной деятельности, необходимо искоренять коррупциогенные стереотипы мышления и поведения. Предлагаем внедрить в образовательные программы и внеучебную деятельность высших учебных заведений ряд систематических мероприятий, направленных на профилактику и противодействие коррупции среди аспирантов. Это может включать курсы, тренинги, форумы, посвященные борьбе с коррупцией, где участники смогут обсудить актуальные вопросы, связанные с этикой и честностью в науке.

Одним из примеров таких мероприятий может быть курс, который ознакомит молодых ученых с теоретическими аспектами научной этики на основе трудов Р. Мертон. Целью курса является «формирование способности следовать этическим нормам в профессиональной деятельности (УК-5)». Путем анализа Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлениям обучения в аспирантуре была выбрана именно УК-5, т.к. данная универсальная компетенция присутствует во всех (образовательных) направлениях от ветеринарного до строительного, иными словами, УК-5 является обязательной для молодого ученого, проходящего подготовку в аспирантуре.

Предлагаемый нами курс может иметь следующую структуру:

1. Введение в проблему коррупции в научную среду. Обращение к личному опыту участников.
2. Изучение концепции научного этоса Р. Мертона и основных принципов поведения ученого. Обсуждение актуальности классических норм научной этики.

3. Изучение причин возникновения коррупции и существующие механизмы борьбы с ней. Изучение мирового опыта борьбы с коррупцией.

4. Определение роли личностных качеств в противодействии коррупции.

5. Рассмотрение рисков, связанных с ростом коррупции в научном обществе.

Курс носит деятельностный характер и предполагает решение практических ситуационных задач на выявление и противодействие коррупции в каждой из тем, например. Например, задача из блока «Противодействие коррупции в исследовательской деятельности». Вы аспирант, работающий над исследованием в области экологии в одном из ведущих университетов. В процессе подготовки к публикации вашей статьи вы столкнулись с ситуацией, когда один из ваших преподавателей предложил вам внести его имя в соавторство в обмен на зачет по его предмету. Вы понимаете, что это может быть связано с коррупционными практиками в научной среде, и вам необходимо принять решение о том, как поступить.

Курс предлагает следующую модель решения задачи:

1. Идентификация проблемы: необходимо определить признаки коррупции в данной ситуации.

2. Анализ причин возникновения коррупционной ситуации.

3. Предложение мер борьбы с коррупцией.

Кроме того, важно активное включение тем антикоррупционной направленности в исследовательские проекты и научные работы аспирантов. Вполне возможно, что в предстоящих учебных годах, что темы, связанные с антикоррупционной политикой и этикой научной деятельности, будут интегрированы в учебные планы, что позволит повысить осведомленность будущих ученых о важности честности, неподкупности и прозрачности в их работе.

В конечном итоге, формирование культуры антикоррупционного сознания среди молодых ученых не только укрепит их личные качества, но и внесет значительный вклад в развитие науки, основанной на принципах открытости, равенства и независимости.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Павлова А.М., Ураев Р.Р. Коррупция и конфликт интересов на государственной гражданской службе Российской Федерации // Экономика и социум. 2014. № 2–3. С. 799–802.

2. Поляков М.М. Противодействие коррупции в сфере высшего образования и научно-исследовательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 54–62. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.054-062.

3. Этика научных публикаций: руководства, стандарты и блок-схемы Committee on Publication Ethics (COPE) / Пер. под ред. Н.Г. Поповой, О.В. Кирилловой; под общ. ред. О.В. Кирилловой. М.: АНРИ, 2023. 92 с.

4. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / Ed. B. Barnes. London: Penguin Books, 1972. pp. 65–79.

УСТОЙЧИВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Конституционная поправка – ст. 75.1 Конституции РФ закрепила понятие экономической солидарности. В настоящей статье исследуется вопрос о том, в каких формах может быть реализована экономическая солидарность в практическом применении. Кроме того, в новой статье законодатель отмечает важность устойчивого экономического роста. Автором статьи поднимается вопрос о соотношении устойчивого и стабильного экономического развития.

Ключевые слова: экономическая солидарность; устойчивое развитие; стабильный экономический рост; поправки к Конституции РФ.

Целью любой конституции является обозначение правовых рамок и основ правопорядка в важнейших аспектах жизнедеятельности общества и государства. Пожалуй, одной из ключевых является экономическая среда, от регулирования которой зависят как макроэкономические показатели – благосостояние нации, устойчивость национальной экономики от кризисов и санкций, так и микроэкономические, которые касаются «рядовых» субъектов экономической деятельности – предпринимателей, домохозяйств, фирм. Государство путем правового регулирования, в частности конституционного, создает благоприятную почву для устойчивого экономического роста страны. Однако конституции далеко не всегда способствуют экономическому развитию. Бывают случаи, когда законодательство напротив сдерживает прогресс, сохраняя отжившие экономические институты и игнорируя современные реалии и дух времени [1].

Конституционные новеллы, одобренные по результатам общероссийского голосования 1 июля 2020 г., не обошли стороной цели устойчивого развития экономики Российской Федерации. В частности, речь идет о неоднозначной новой ст. 75.1 Конституции РФ, в которой законодатель отмечает важность устойчивого экономического роста и впервые апеллирует таким понятием, как «экономическая солидарность». В настоящей работе предлагается рассмотреть соотношение устойчивого и стабильного экономического развития, а также реализацию «экономической солидарности» на практике.

Понятия устойчивости и стабильности схожи, но не синонимичны. По мнению Е.П. Губина, устойчивость – более широкая категория, поскольку и стабильность, и устойчивость предполагают постоянство системы внутренних отношений, однако, если при стабильности отсутствуют изменения внешних факторов, то при устойчивости происходят внешние изменения [2]. Таким образом, устойчивое экономическое развитие – это процесс сбалансированных экономических и социальных изменений, при которых сочетаются экономический рост, развитие личности и технологий.

Законодатель не дает легального определения экономической солидарности. В тематическом комментарии к Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов орга-

низации и функционирования публичной власти» Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас раскрывают экономическую солидарность как справедливое распределение благ между членами общества, независимо от их социального положения. Возникает ряд вопросов, которые не освещаются в комментарии: о каких благах идет речь – общественных или материальных? Что значит справедливое распределение – поровну, по потребностям или по заслугам? Как отметил В.А. Вайпан, «дискуссии о справедливости в экономической сфере приобрели особую остроту, т.к. здесь встает вопрос о материальных ценностях и распределении благ» [3].

Пожалуй, наиболее показательная реализация принципа экономической солидарности связана с поддержкой государством малого и среднего бизнеса во время кризисов последних лет. В результате начала специальной военной операции в 2022 г. экономика Российской Федерации оказалась под санкционным давлением целого ряда государств. Для поддержания бизнеса Правительство РФ легализовало параллельный импорт. Так, Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» для импортеров была отменена гражданско-правовая ответственность за ввоз продукции без согласия правообладателя. Во время эпидемии коронавируса в 2020–2023 гг. государство объявило о кредитных каникулах, ввело мораторий на рост взносов ИП и налоговые санкции, снизило тарифы по страховым взносам и многие другие меры.

Мы приходим к выводу о том, что устойчивое экономическое развитие возможно благодаря экономической солидарности, которую можно рассматривать как сотрудничество частного и публичного интереса. Например, в форме государственно-частного партнерства. Экономический интерес государства в государственно-частном партнерстве объясняется тем, что бизнес путем привлечения инвестиций развивает те направления, в которых государству требуется поддержка частного сектора (например, из-за дефицита бюджета или специфики определенной территории). Кроме того, зачастую инфраструктурные проекты, реализацией которых государство занимается самостоятельно, «испытывают ряд трудностей: срыв сроков реализации и многократное увеличение стоимости проекта, что не только увеличивает нагрузку на бюджетную систему, но и создает определенную социальную напряженность и негативно отражается на имидже органов государственной власти» [4].

Конституция РФ, принятая в 1993 г., закрепила базовые принципы рыночной экономики, т.к. главной целью всего государственного аппарата того времени было обеспечение перехода командной экономики на рыночный механизм. Экономическая составляющая Конституции РФ, бесспорно, актуальна и сегодня, однако Основной закон совершает переход от классических экономических принципов к экономике доверия, партнерства и взаимопомощи между государством и субъектами экономической деятельности во имя устойчивого экономического развития.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2010. 256 с.
 2. Губин Е.П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 36–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.004.
 3. Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: Монография. М.: Юстицинформ, 2020. 696 с.
 4. Краюшкин Д.В., Воронина Е.В. Государственно-частное партнерство как механизм развития территории // Российские регионы в фокусе перемен: Сб. докл. XVI Междунар. конф. Т. 2. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2022. С. 297–300.
-
-

Д.Д. НЕКРАСОВ
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Ю.Ф. ЩЕЛОК

ПРИЧИНЫ ВАЛЮТНОГО КОЛЕБАНИЯ КУРСА РОССИЙСКОГО РУБЛЯ

Российский рубль является одной из наиболее востребованных валют в мировой экономике, что отражает как внутренние экономические условия, так и внешние геополитические влияния. В этой статье рассматриваются ключевые факторы, влияющие на колебания курса рубля, включая цены на сырьевые товары, денежно-кредитную политику, геополитическую напряженность и санкции. Понимая эту динамику, политики, инвесторы и предприятия смогут лучше ориентироваться в условиях неопределенности на мировом рынке.

Ключевые слова: рубль; обменный курс; цены на сырьевые товары; денежно-кредитная политика; санкции; геополитические риски; российская экономика; волатильность валюты; Центральный Банк РФ; мировой рынок

Российский рубль (₽), национальная валюта Российской Федерации, играет важную роль в мировой экономике благодаря известности страны как крупного экспортера энергоносителей и ее геополитическому влиянию. На протяжении многих лет ее обменный курс испытывал значительную волатильность, обусловленную сочетанием внутренних и международных факторов. Одной из основных причин этих колебаний является сильная зависимость России от экспорта природных ресурсов, особенно нефти и газа. Следовательно, курс рубля тесно связан с колебаниями мировых цен на сырьевые товары. В периоды высоких цен на нефть увеличение валютных поступлений укрепляет рубль, в то время как снижение цен на нефть часто приводит к обесцениванию рубля. Например, в 2014–2015 гг. курс рубля резко снизился из-за резкого падения мировых цен на нефть, что усилило инфляционное давление в России.

Центральный Банк РФ играет решающую роль в стабилизации курса рубля с помощью таких инструментов денежно-кредитной политики, как процентные ставки и валютные интервенции. Переход к режиму свободно плавающего обменного курса в 2014 г. позволил рыночным силам определять стоимость рубля, повысив его устойчивость к внешним шокам [1]. Однако этот режим также усилил краткосрочную волатильность. Высокая инфляция и геополитическая напряженность, такие как экономические санкции, еще больше влияют на стабильность рубля. Санкции, введенные западными странами, ограничили доступ к международным финансовым рынкам, что привело к резкому снижению курса рубля. Геополити-

тические события подчеркивают чувствительность рубля к внешним политическим и экономическим событиям, и настроения иностранных инвесторов также играют решающую роль. Позитивные настроения, как правило, укрепляют рубль, в то время как отток капитала в периоды неопределенности ослабляет его. Хотя его высокодоходный характер привлекает инвесторов, занимающихся кэрри-трейд, геополитические риски сдерживают долгосрочные инвестиции [2].

Переход России к режиму свободно плавающего обменного курса позволил рублю выступить в качестве амортизатора, смягчив воздействие внешнеэкономических потрясений на экономику в целом. Однако более широкие глобальные экономические тенденции, такие как изменения в политике Федеральной резервной системы США или глобальная склонность к риску, также влияют на рубль. Укрепление доллара США часто приводит к ослаблению рубля, поскольку валюты развивающихся рынков, как правило, обесцениваются в периоды доминирования доллара. И наоборот, возросший мировой спрос на сырьевые товары может укрепить рубль за счет увеличения доходов России от экспорта. Политики должны сбалансировать стабилизацию курса национальной валюты с стимулированием экономического роста, в то время как предприятия, ведущие торговлю с Россией, должны застраховаться от рисков изменения обменного курса, чтобы сохранить свою прибыль.

Колебания курса рубля определяются сложным взаимодействием внутренних и глобальных факторов, включая цены на сырьевые товары, денежно-кредитную политику, геополитические события и настроения на рынке [3]. Хотя его волатильность создает проблемы, более глубокое понимание этой динамики может помочь заинтересованным сторонам снизить риски и воспользоваться возможностями на мировом рынке. Поскольку Россия продолжает ориентироваться в своем экономическом и геополитическом ландшафте, рубль будет оставаться барометром экономического здоровья и устойчивости страны.

В последние годы рубль стал объектом повышенного внимания на фоне изменения глобального экономического ландшафта [4]. Одним из ключевых факторов, влияющих на курс российской валюты, является политика ведущих центральных банков мира. Например, изменение процентных ставок Федеральной резервной системы США оказывает значительное влияние на стоимость доллара и, соответственно, на обменный курс рубля. Когда Федеральная резервная система США повышает ставки, доллар укрепляется, что вызывает давление на валюты развивающихся рынков, включая рубль. Кроме того, глобальная склонность инвесторов к риску оказывает непосредственное воздействие на рубль. В периоды экономической нестабильности или политической напряженности инвесторы, как правило, стремятся к активам-убежищам, таким как доллар США, что приводит к оттоку капитала из развивающихся рынков [5]. Наоборот, в периоды стабильности и высокого спроса на сырьевые товары рубль получает поддержку благодаря увеличению экспортных доходов России. Например, в 2021 г. восстановление мировых цен на нефть после пандемии COVID-19 способствовало укреплению рубля [6].

Российская экономика исторически сильно зависима от экспорта энергоносителей, таких как нефть и газ. Соответственно, колебания цен на эти товары оказывают прямое воздействие на курс рубля. Стратегические проекты, та-

кие как строительство новых трубопроводов или заключение долгосрочных контрактов на поставку газа, также могут укреплять позиции рубля на мировом валютном рынке [7]. Однако возрастающая конкуренция на энергетическом рынке и переход многих стран на возобновляемые источники энергии создают долгосрочные вызовы для российской экономики и стабильности национальной валюты. В последние годы Россия предпринимает попытки диверсифицировать свою экономику, чтобы снизить зависимость от энергетического сектора. Успех таких инициатив может снизить волатильность рубля, сделав его менее подверженным изменениям мировых цен на нефть.

Экономические санкции, введенные в отношении России, значительно ограничили доступ страны к международным финансовым рынкам. Эти меры привели к снижению ликвидности рубля и увеличению его волатильности. В то же время Россия приняла меры по снижению зависимости от иностранных инвестиций и технологий, что привело к развитию внутреннего производства и созданию альтернативных платежных систем. Одним из ключевых направлений стало создание Национальной системы платежных карт (НСПК) и активное продвижение расчетов в национальных валютах со странами-партнерами. Эти меры способствуют укреплению финансовой стабильности России и снижению влияния санкций на курс рубля.

С развитием цифровых технологий рубль может получить дополнительный импульс благодаря внедрению цифровой версии валюты – цифрового рубля. Центральный Банк РФ активно работает над этим проектом, который нацелен на повышение эффективности расчетов и снижение транзакционных издержек. Цифровой рубль также может укрепить позиции национальной валюты на международной арене, способствуя увеличению объемов расчетов в рублях. Однако внедрение цифрового рубля сопряжено с рядом вызовов, включая необходимость обеспечения кибербезопасности и адаптации правовой базы [8]. Успешная реализация этого проекта может открыть новые перспективы для российской экономики и укрепить доверие к рублю как к стабильной валюте.

Таким образом, курс российского рубля продолжает оставаться чувствительным индикатором экономической и геополитической ситуации как внутри страны, так и за ее пределами. Для достижения устойчивости необходим комплексный подход, включающий диверсификацию экономики, развитие инновационных технологий и усиление международного сотрудничества. В условиях растущей глобальной неопределенности стабильный и предсказуемый курс рубля станет важным фактором экономического роста и инвестиционной привлекательности России.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Евсин М.Ю., Макаров И.Н., Коренько Е.А. Ретроспективный анализ фундаментальных факторов валютной динамики на мировых и национальных финансовых рынках // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 9. С. 3621–3636. DOI: 10.18334/ce.16.9.116227.
2. Копаница В.Ю., Беляев Д.А. Политико-экономический анализ влияния международной казахстанской фондовой биржи на отношения между Россией и Казахстаном // Риски и уязвимость современной социокультурной трансформации: Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 53–57.
3. Чалдаева Л.А., Данилин А.А. Прогнозирование курса российской валюты на основе макроэкономических параметров // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 6. С. 73–81. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.06.02.010.

4. Тарасов А.Н., Доможилкина Л.С., Сорокина А.И. Мировая экономическая трансформация: абрис исследования // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 3–2. С. 105–109.

5. Жуковская Н.Ю., Марков Р.С., Шмарина Ю.С. Глобальная модернизация vs дезинтеграция: динамика федеративных отношений в России в 1990-х гг. // Вопросы истории. 2023. № 10–1. С. 54–63. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202310Statyi35.

6. Нешп А.Н., Джураева З.Ф. Стал ли COVID-19 причиной девальвации рубля и валют развивающихся стран? // Экономика и математические методы. 2024. Т. 60. № 1. С. 17–30. DOI: 10.31857/S0424738824010023.

7. Ерусалимский В.М., Некрасов Д.Д. Адаптация к новым реалиям: Российская экономика на волне санкций и глобальных изменений // Эпоха науки. 2024. № 38. С. 85–87.

8. Основы публичного права России: Учеб. пособие / Под общ. ред. Е.В. Калининной. Липец: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. 155 с.

Т.Е. ОРЛОВА

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ИГРОВЫХ АККАУНТОВ В ОНЛАЙН-ИГРАХ

Непроходящая популярность компьютерных игр порождает множество правовых вопросов, в т.ч. связанных с наследованием аккаунтов. В статье исследовано зарубежное и отечественное регулирование наследования цифровых активов, проанализирован правовой статус аккаунта и игрового имущества, а также приведены практические рекомендации по решению возникающих проблем в этой сфере.

Ключевые слова: наследование аккаунта; онлайн-игра; социальная сеть; цифровой актив; пользовательское соглашение.

Современное общество живет в эпоху Интернета, когда практически вся жизнь человека, его работа, увлечения и даже личная жизнь связаны с онлайн-пространством. Такая тесная связь диктует необходимость совершенствования законодательства для урегулирования вопросов безопасности в Интернете, сохранности данных, а также различных прав человека, которые касаются его активности в виртуальной среде. Одна из насущных проблем связана с наследованием аккаунтов и профилей, создаваемых на различных ресурсах. Большинство из них регистрируются в социальных сетях или интернет-магазинах, а также на различных образовательных ресурсах. Отдельный интерес представляют аккаунты на платформах многопользовательских игр.

Онлайн-игра – компьютерная игра, использующая постоянное соединение с Интернетом. Они отличаются от игры по сети, где интернет-соединение с одним или несколькими игроками опционально.

В 2023 г. за первое место по популярности в мире боролись такие онлайн-игры, как Fortnite, насчитывающий 250 млн пользователей и PUBG с аудиторией порядка 280 млн человек. В целом же по всему миру сейчас зарегистрировано более 1 млрд игровых аккаунтов. Такие масштабы развития данной индустрии привели к необходимости детального изучения прав игроков с точки зрения законодательства, и отдельно – в вопросах наследования аккаунтов.

В общемировой практике подобные вопросы либо не регулируются, либо аккаунты в Интернете не считаются имуществом и не наследуются, поэтому компании-владельцы серверов вправе не предоставлять родственникам доступ к учетным записям умершего. Однако положительное законодательное закрепление вопросы наследования аккаунтов и связанных с ними цифровых прав все же получили в некоторых странах. Во Франции возможно включить в завещание распоряжения относительно цифровых активов, имеющие преимущество над соглашениями провайдеров, а в Испании дополнительно учрежден специальный документ – цифровое завещание [1]. Соответствующая судебная практика имеется в Германии [2] и Швеции [3]. Там виртуальное имущество приравнивается к материальному, а в случае противоречия последней воли пользовательского соглашению вопрос о распределении наследства остается на судейское усмотрение.

Несмотря на то, что в Российской Федерации пока отсутствует подобный опыт нормативного регулирования, возможность получить доступ к игровому имуществу наследодателя у наследников имеется.

Толкование ст. 129 Гражданского кодекса РФ позволяет сделать вывод, что аккаунт или профиль в видеоигре можно признать имуществом, исходя из возможности его стоимостной оценки и последующего отчуждения.

В то же время учетная запись подразумевает под собой систему видимого пользователю интерфейса и внутренних программных средств и инструментов, обеспечивающих доступ к сервису. Данная часть программного обеспечения является интеллектуальной собственностью правообладателя (разработчика или издателя). Следовательно, правообладатель на основании подписываемого с клиентом лицензионного (пользовательского) соглашения самостоятельно определяет круг прав и правила доступа к этим объектам, в т.ч. возможность их передачи третьим лицам после смерти последнего.

Например, правила игровой библиотеки Steam, изложенные в пп. «С» п. 1 Соглашения подписчика, не предполагают возможность оставления аккаунта близкому другу или родственнику после смерти. Без специального разрешения корпорации Valve, владельца сервиса, игрок не может передать свою учетную запись Steam другому лицу. Даже упоминание подобного наследства в завещании без указанного разрешения не способно повлечь дальнейших правовых последствий. Стоит отметить, что такова стандартная позиция производителей или администраторов игровых площадок.

Помимо наследования профилей на практике возникают вопросы передачи наследникам игрового имущества. Гражданский кодекс РФ в ст. 1112 устанавливает запрет на наследование неимущественных прав. Иными словами, если к нотариусу придет клиент, желающий унаследовать коллекционный автомат в многопользовательской игре Counter-Strike, который при жизни купил его родственник, то сделать это не представится возможным ввиду отсутствия законодательного основания включения такого предмета в наследственную массу. Соответственно, официально унаследовать виртуальную собственность аккаунта в онлайн-игре невозможно, даже в том случае, если игровое имущество было куплено за реальные деньги (донаты).

Сегодня многие социальные сети разработали сценарии существования пользовательских профилей после смерти владельцев. Так, сеть «ВКонтакте» позволяет как удалить страницу умершего, так и оставить ее на память близким. Памятная страница перестанет отображаться в блоке «Возможных друзей», а пользователи не смогут писать на стене умершего, комментировать его фото или отправлять запросы в друзья. В то же время никто, включая родственников, не сможет авторизоваться в аккаунте или прочитать сообщения. Для активации необходимо обратиться в техподдержку, приложив ссылку на профиль умершего и фото свидетельства о смерти.

Популярные мессенджеры вроде Telegram или WhatsApp не предоставляют доступ к аккаунтам или перепискам умерших, потому что это противоречит политике конфиденциальности платформ и законодательству о тайне переписки [4]. Единственный способ получить доступ к аккаунту умершего – мобильный номер, привязанный к сервису. Для этого нужно авторизоваться и указать проверочный код. Однако стоит помнить: формально это также нарушение тайны переписки.

С наследованием аккаунтов многопользовательских игр связано большое количество проблем, которые не связаны с отсутствием судебных прецедентов. В первую очередь – это реальность пользователя. Более 70% аккаунтов в онлайн-играх регистрируются под чужими именами, с новой почтой, в аккаунтах используются «ники» – вымышленные имена, псевдонимы. При регистрации пользователь не указывает паспортные данные, номер водительского удостоверения или другую информацию, подтверждающую его личность. Соответственно, формально он не может в полной мере считаться хозяином своего аккаунта.

В играх, где часто все анонимно или связано с вымышленной личностью крайне сложно доказать право на наследование чего-либо. Так, для подтверждения обладания аккаунтом можно предъявить номер телефона или адрес электронной почты, что также не будет достоверным доказательством наличия прав. Пользователь, утеревший доступ к своему аккаунту, может вспомнить, какие действия он в нем совершал, какие пароли у него были и в принципе доказать свое право. Наследник этого сделать не сможет. Фактически, в данном случае нет никаких оснований для предъявления прав на игровой аккаунт или его атрибуты, если нет ни установленного владельца, ни подтвержденной личности наследника. Кроме того, если происходит взлом профиля, и злоумышленник меняет данные, доказать первичное владение аккаунтом бывает крайне затруднительно. С данной точки зрения нет ни объекта, ни субъекта наследования.

Таким образом, на сегодняшний день наследование игровых аккаунтов в многопользовательских играх, как и аккаунтов в социальных сетях и на других платформах – это совершенно несформированный институт наследственного права. Для того, чтобы приблизиться к официальной возможности права наследования аккаунтов, необходимо выполнить ряд преобразований.

1. Разработать нормативно-правовую базу по данному вопросу, отражающую основные проблемы наследования онлайн-аккаунтов, а также их элементов. При этом нормы закона в данном случае должны соотноситься с правилами пользовательских соглашений, которыми регулируются действия пользователей в онлайн-играх сейчас.

2. Сформировать также нотариальную практику по наследованию аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах, т.к. в них больше возможностей соотнесения аккаунта и личности владельца.

3. Необходимо предоставить возможность владельцам игровых аккаунтов при желании легализовать свою личность с помощью личных документов. Таким образом, можно будет говорить о появлении у учетной записи официального владельца, который является живым человеком, а не абстрактным персонажем.

Проведенное исследование показывает необходимость разработки практических рекомендаций для граждан, желающих оставить в наследство аккаунты в многопользовательских играх:

1) составить список цифровых активов, которые человек хочет оставить близким, с логинами и паролями для доступа;

2) по возможности перевести свой аккаунт на почту того, кому предполагается завещать профиль в игре, или «привязать» номер телефона данного лица;

3) отвязать свою банковскую карту от аккаунта, удалить платежные данные;

4) выбрать удобный способ хранения (например, облачные хранилища), систематизировать данные и контент, поставить пароль, который будет знать только будущий владелец, и указать данные для доступа либо место их хранения в завещании.

В заключение стоит отметить, что на сегодняшний день процедура наследования аккаунтов в онлайн-играх невозможна по многим причинам, в т.ч. потому, что аккаунт не является имуществом наследодателя, и нет никаких оснований для передачи его после смерти другому человеку.

На данный момент есть только один легальный метод получить разрешение на доступ к логину и паролю от игровой учетной записи умершего – обращение в суд с запросом на предоставление такого разрешения. Однако, возникает трудность, связанная с защитой персональных данных умершего человека. Дело в том, что персональными данными могут признаваться сведения не только о живом, но и об умершем физическом лице. Данный вывод следует из положений ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в которой говорится, что наследники субъекта персональных данных могут давать согласие на обработку его персональных данных, «если такое согласие не было дано субъектом персональных данных при его жизни». Логин и пароль от аккаунта признаются персональными данными.

В конечном счете развитие метавселенной, постоянный интерес пользователей к онлайн-играм неизбежно приведет к тому, что вопрос их существования, а также, права наследования будут со временем урегулированы нормативными правовыми актами.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мигачева А.Ю., Печушная К.А. Наследование интернет аккаунтов: опыт регулирования в зарубежных странах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 157–162. DOI: 10.23672/a2036-9412-0751-у.

2. Mikk T., Sein K. Digital Inheritance: Heirs' Right to Claim Access to Online Accounts under Estonian Law // Juridica International. 2018. № 27. pp. 117–128. DOI: 10.12697/JI.2018.27.12.

3. Абросимова Е.А., Власенко Э.В. Наследование аккаунтов в социальных сетях в Германии и Швеции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2. С. 452–468. DOI: 10.21638/spbu14.2022.210.

4. Крицын Н.В., Сычугов В.Е. Наследование криптовалюты и цифрового инвентаря в многопользовательских играх // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 4. С. 149–157.

А.М. РАДОЛИН

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ – Б.Н. ЛАЗАРЕВ

ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ

В статье предпринят анализ влияния песенного творчества В. Цоя и группы «Кино» на формирование патриотических настроений в обществе. Показано, какие мотивы в текстах В. Цоя позволяют современной аудитории считать его песни патриотичными. Проводится мысль о том, что музыка может быть не только развлечением, но и мощным средством социализации, формирования моральных и духовных ориентиров целого поколения.

Ключевые слова: Виктор Цой; группа «Кино»; патриотизм; песенное творчество; рок-музыка; слова и смыслы; ценностные ориентиры.

Тема патриотизма является сегодня одной из наиболее востребованных в самых разных сферах общественного взаимодействия: в политике, образовании и, конечно, в массовой культуре. Как сложный социокультурный феномен патриотизм характеризуется не только чувством любви к родине, но и осознанием ответственности перед своим народом, готовностью работать на его благо и бороться за сохранение его ценностей [1]. Эта многогранность патриотизма находит выражение в различных формах искусства – отливается в монументальных скульптурах, отражается в живописи, стремится быть осмысленной в стихах, прозе и, конечно, в музыке и песенном творчестве. В последнем варианте идеи патриотизма становятся наиболее близки широкой публике, а сами песни играют роль инструмента для трансляции идеалов, сохранения исторической памяти и формирования национальной идентичности.

Искусство, особенно музыка, обладает уникальной способностью воздействовать на чувства и сознание людей, а песни – наиболее отзывчивый ее инструмент. В них можно выразить самые глубокие переживания, затронуть самые животрепещущие темы, изложить политические взгляды и создать новые смыслы. Песни способны вдохновить слушателей на размышления и действия. В современном песенном творчестве в этом контексте наиболее показательны произведения рок-исполнителей, в которых часто затрагиваются темы борьбы, свободы, справедливости и в которых в той или иной степени возникает идея патриотизма [2]. Рок-музыка, всегда служившая средством выражения протестных и социально-значимых настроений, преподносит патриотизм как один из важнейших элементов единения людей и их способности сообща строить свое будущее.

Ярким примером того, как музыка может стать «рупором» поколения, движущей силой перемен, помогая слушателям осознавать свое место в обществе, свои права и обязанности, является творчество Виктора Цоя (1962–1990 гг.)

и группы «Кино». В своих произведениях музыкант поднимал самые актуальные проблемы окружающей его действительности, пробуждал в людях стремление созидать. Как писал сам В. Цой, «Музыка должна охватывать все: она должна, когда надо, смешить, когда надо, веселить, а когда надо, и заставлять думать. Ее должны слушать».

Виктор Цой родился 21 июня 1962 г. в г. Ленинграде. Его юность пришлась на период радикальных социальных и политических перемен в СССР. Как музыкант В. Цой сформировался в условиях поиска новых идеалов и новых смыслов. Музыкант писал свои тексты в период, когда свобода слова и самовыражения находились под строгим контролем. Однако его творчество стало своеобразным протестом против существовавших ограничений. Песни группы «Кино», насыщенные поэтическими образами и философскими размышлениями, несмотря на их полуподвальное происхождение, быстро обрели популярность у молодежи. В них сочетались выразительные и отчасти «жесткие» тексты и лаконичная мелодия, пафос, который с легкостью покорял не только разум, но и сердца слушателей.

Тему патриотизма нельзя назвать главной в творчестве музыканта, однако, идеи многих его песен заставляли задуматься о ней. В песнях В. Цоя патриотизм проявлялся в любви к людям, к своей земле и желании лучшего будущего. И не случайно его песни многими воспринимаются именно как патриотические, как гимны, призывающие к подвигу. Одна из таковых – культовая композиция «Группа крови», которая сегодня воспринимается как одна из наиболее патриотичных, поскольку сосредотачивает внимание на героизме, самопожертвовании и верности своему долгу. Эта композиция, как уже неоднократно отмечалось, не о войне, но наполненная символами жертвенности и чести, она вдохновляет слушателей на осознание своей роли в обществе. Лирический герой обращается к собеседнику с просьбой пожелать удачи в бою, демонстрируя готовность к борьбе: «Группа крови – на рукаве, мой порядковый номер – на рукаве».

Наряду с этим в песне поднимается философский вопрос о выборе между личным счастьем и долгом перед Родиной. Слова «Я хотел бы остаться с тобой, но звезда зовёт меня в путь» создают образ высокого идеала, который требует жертв. Строки же «...и есть чем платить, но я не хочу победы любой ценой» подчеркивают нравственные приоритеты героя.

Дополнительную грань патриотизма, связанного с «Группой крови», обнаруживает С.А. Петрова. В ее трактовке, в «Группе крови» В. Цой выражает родовую идентичность со своим народом, ради которого он встал на борьбу с ложью и злом. Порядковый номер – есть место рядового солдата в строю, место в череде (предыдущих) поколений, место воина, принимающего ответственность за полноту исторической жизни своего народа – отцов, матерей, дедов и прадедов, за будущую счастливую жизнь своего потомства [3].

Справедливости ради, необходимо отметить, что, по мнению отдельных авторов, песни В. Цоя, являющиеся не патриотическими, а, скорее, философскими, шаманскими сегодня принудительно «привязываются» к патриотизму в силу популярности самой этой тематики. В понимании же некоторых авторов, в текстах В. Цоя и богословие, и философия, и этика, и эстетика – подлинно новое понимание [4]. Но сложно отрицать тот факт, что смысл песне зачастую придается имен-

но теми, кто ее слушает, а основная идея песенных текстов заключена в том, какой отклик они находят в сердцах людей. Следовательно, если музыкальное произведение вызывает у аудитории стремление к идеалу, служению, самопожертвованию, назвать его непатриотичным просто невозможно [5]. Сам В. Цой неоднократно высказывался против «псевдопатриотизма», против осознанной эксплуатации этой темы, но с убеждением в том, что писать надо о том, что происходит вокруг. В связи с этим нельзя в его текстах искать патриотизм в «чистом виде»; он заключен намного глубже – в смыслах, в образах и идеях.

Так, в словах песни «Война» отражены мысли о конфликте, который происходит не только на внешнем уровне, но и внутри каждого человека. Строки «Земля. Небо. Между Землей и Небом – Война!» передают осознание ответственности за собственные действия и выбор. В этом произведении лирический герой обращает внимание на неизбежность борьбы и необходимость понимания собственной роли в ней: «Кто-то станет стеной, а кто-то плечом, под которым дрогнет стена».

Образ борьбы за свободу и справедливость прослеживается также в песне «Дальше действовать будем мы». Строки «Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив» призывают к отказу от пассивности, к участию в преобразовании общества. Кроме того, в песне прослеживается мотив молодёжного единения и общего стремления к переменам: «И вот мы пришли заявить о своих правах». Песня «Мы ждем перемен!» в этом контексте становится мощным символом народного стремления к обновлению: «В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен: Перемен!».

Важная проблема, поднятая в творчестве В. Цоя, – это отчуждение и пассивность, которые препятствуют развитию общества. Песни Цоя предлагают пути решения через осознание индивидуальной ответственности, личностный рост и активное участие в жизни своей страны. В песне «Закрой за мной дверь, я ухожу» герой говорит о необходимости найти своё место в мире, несмотря на многие трудности: «Меня ждет на улице дождь, их ждет дома обед». В этих словах – выражение готовности преодолеть преграды ради достижения цели.

В композиции «Смерть стоит того, чтобы жить» передается философская идея о том, что в жизни важно бороться за то, что действительно имеет значение: «Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать». Но главным все-равно остается выбор и ответственность за него. Так, в песне «Кукушка» герой задается вопросами о смысле жизни и долге перед собой и окружающими: «Скажи, кукушка, пропой. В городе мне жить или на выселках, камнем лежать или гореть звездой?» Эти строки отражают внутренний поиск и выбор между покоем и борьбой.

Завершая анализ идей патриотизма в песнях В. Цоя, стоит отметить, что его творчество – это, прежде всего, пример того, какое глубокое влияние на мировоззрение слушателей может оказывать искусство, формируя среди прочего и отношение людей к Родине. Песенное творчество, особенно в жанре рока, благодаря эмоциональному воздействию на слушателей и способности в лаконичной форме передавать глубинные смыслы, и в наше время остается мощным инструментом передачи патриотических идей и настроений. Ключевую роль в этом процессе играет не само слово «патриотизм», а понимание того,

что настоящее искусство способно активно влиять на гражданское сознание. Как показывает текущий момент, сложное творчество В. Цоя оказывается востребованным в наиболее драматичные периоды истории – именно тогда, когда необходимость сделать свой выбор стоит перед каждым.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жуковская Н.Ю., Радолин А.М. Содержание и функции воспитания в образовательных отношениях: актуальные контексты // Педагогические идеи К.Д. Ушинского в контексте современного образования: Сб. науч. ст. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. С. 54–59.

2. Лазарев Б.Н. Внеаудиторная работа как средство ознакомления студентов с авангардной музыкой // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2021. № 2. С. 62–65. DOI: 10.51904/2306-8329_2021_77_1_62.

3. Петрова С.А. Иррациональность и рациональность темы войны в альбоме В.Р. Цоя «Звезда по имени Солнце» // Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре: Сб. науч. ст. по итогам X Междунар. науч. конф. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 290–295.

4. Петрова С.А. Антимилитаризм в творчестве В.Р. Цоя (на примере песни «Война») // XXIV Царскосельские чтения. 75-летие Победы в Великой Отечественной войне: Мат-лы Междунар. науч. конф. Т. I. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 284–286.

5. Марков Р.С. Гражданская идентичность как конституционная ценность // Исторический кванториум как модель для научно-проектной и воспитательной деятельности образовательных организаций: Мат-лы Междунар. науч.-практ. сем.-конф. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2023. С. 95–97.

М.К. РЫЖКОВА

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
В ОБЛАСТИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Статья посвящена использованию социальных сетей для правового просвещения в сфере антимонопольного законодательства. Рассматриваются их роль в повышении правовой грамотности бизнеса и общества, а также возможности для распространения информации и мониторинга антиконкурентных практик. Обозначены вызовы, такие как риск недостоверной информации и защита данных, и подчеркивается перспективность социальных сетей при решении этих проблем.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; социальные сети; правовое просвещение; конкуренция; цифровая экономика; правовая грамотность; безопасность данных.

В условиях конкуренции цифровой экономики и глобализации антимонопольное законодательство играет важную роль в обеспечении справедливости условий для всех участников рынка, особенно в сфере закупок, где велик риск монополизации и картельных переговоров. Для российского бизнеса и общества понимание антимонопольных норм становится необходимостью, так как несоблюдение норм приводит к этим главным правовым и видимым последствиям, таким как штрафы и потеря доверия со стороны сторон и государства. В то же время уровень грамотности в этой области остается низким, особенно среди подросткового и среднего бизнеса, что зачастую не приводит к регулярным последствиям.

Антимонопольное законодательство представляет собой систему правовых норм, направленную на поддержку конкуренции и предотвращение монополистических действий, которые могут учитывать интересы потребителей и участников рынка. Основная цель антимонопольного регулирования – создание конкурентной среды, в которой собственники и компании могут вести свою деятельность на равных условиях, избегая манипулирования со стороны крупных игроков или картелей [1]. В России регулирование антимонопольного регулирования осуществляется Федеральным законом 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», который включает основные правила и нормы по поддержанию здоровой конкуренции и предотвращению монополий.

Антимонопольное законодательство решает несколько ключевых задач:

1) поддержка честной конкуренции (законодательство ограничивает действия, направленные на злоупотребление устойчивыми положениями на рынке, чтобы крупные компании не могли вытеснять или ущемлять более мелкие);

2) борьба с картами и разговорами (картели и разговоры на рынке создают искусственные условия для ценообразования и распределения ресурсов. антимонопольные нормы запрещают подобные соглашения, что приводит к повышению цен и ограничению поставок);

3) контроль сделок по слияниям и отношениям (проверка сделок между компаниями, которые могут привести к доминированию на рынке, помогает предотвратить рыночную стабильность и монополизацию);

4) меры защиты интересов потребителей (антимонопольные ограничения, согласно которым потребители будут иметь доступ к продуктам и услугам на справедливых условиях и на конкурентных условиях) [2].

В соответствии с современными требованиями антимонопольное законодательство в России становится все более необходимым для обеспечения честной конкуренции на рынке. В этом случае органы Российской Федерации начали активно использовать социальные сети в качестве меры повышения грамотности работников и бизнеса в области антимонопольного законодательства, особенно в сфере закупок. Данная практика обеспечивает информирование о новых нормах, разъяснении правил и обмене правилами, что, в свою очередь, помогает обеспечить соблюдение законодательства и защитить права потребителей.

Социальные сети стали важнейшим инструментом передачи информации и обмена в современных условиях [3]. Они предоставляют потенциал для распространения информации, что особенно важно в сфере антимонопольного регулирования и закупок, где законы и нормы регулярно обновляются, и пользователям необходимо быть в курсе актуальных изменений. Благодаря социальной доступности, мобильности и оперативности социальных сетей, органы государственной власти и образовательные ресурсы могут активно распространять правовую информацию. В сети существуют многочисленные сообщества и блоги экспертов по антимонопольному праву, где рассматриваются практические аспекты законодательства, делятся актуальными новостями и разбираются случаи из практики, бизнесмены могут делиться своими кейсами, обсуждать сложные ситуации и находить решения вместе с коллегами. Такой формат способствует развитию культуры правового поведения и повышению уровня правовой грамотности.

Существование популярных платформ, таких как Skillbox и «Яндекс.Практикум», позволяет проводить обучающие вебинары, где представители бизнеса могут в живом формате ознакомиться с новыми нормами, узнать об изменениях в правилах закупок и задать интересующие вопросы. Многие организации и эксперты в области антимонопольного законодательства используют социальные сети для проведения обучающих программ и вебинаров. Эти мероприятия могут охватывать различные аспекты законодательства, включая основные принципы антимонопольного регулирования, правила организации закупок и антиконкурентные практики. Участие в таких программах позволяет значительно расширить свои знания и уверенно применять их в своей работе. Использование социальных сетей для правового просвещения в сфере антимонопольного законодательства соответствует современным тенденциям и востребовано среди предпринимателей, общественных деятелей и граждан, а также может служить инструментом мониторинга антимонопольного поведения конкурентов. Работая в сфере закупок, компании могут следить за действиями своих конкурентов через открытые источники информации, такие как посты в социальных сетях, пресс-релизы и обсуждения на специализированных форумах [4]. Это позволяет выявлять потенциальные антиконкурентные практики и своевременно реагировать на них, минимизируя риски для собственного бизнеса.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, использование социальных сетей для повышения правовой грамотности сталкивается с рядом вызовов и ограничений. Одним из главных препятствий является проблема достоверности информации. В условиях свободного доступа к публикациям и отсутствия строгого контроля над контентом, существует риск распространения ложных сведений или неправильных интерпретаций правовых норм, это может привести к тому, что пользователи будут действовать на основе неверной информации, что, в свою очередь, приведет к нарушению законодательства. Для преодоления этого вызова необходимо развивать механизмы верификации информации, предоставляемой через социальные сети. Государственные органы должны уделить особое внимание качеству контента, публикуемого на официальных страницах, и обеспечить его соответствие актуальным законодательным актам. Также важно привлекать экспертов и юристов для создания обучающих материалов и консультационных сервисов, доступных через социальные платформы.

Еще одной проблемой является низкий уровень вовлеченности некоторых категорий населения и бизнеса. Несмотря на широкое распространение социальных сетей, многие люди и компании предпочитают традиционные методы получения информации, такие как законодательство, консультации юристов, специализирующихся в этой сфере [5]. Чтобы повысить эффективность использования соцсетей и повысить мотивацию, необходимо разработать стратегию привлечения этих групп, включая создание специализированных сообществ единомышленников и проведение тематических мероприятий в формате деловых игр, которые направлены на всестороннее усовершенствование навыков как в сфере права, так и бизнес-сфере.

Кроме того, важным аспектом является защита персональных данных и конфиденциальной информации при использовании социальных сетей. Участники рынка и обычные граждане должны быть уверены в безопасности своих данных,

когда обращаются за юридической консультацией или участвуют в обсуждении правовых вопросов. Информация в социальных сетях является публичной и общедоступной, поэтому разработка и внедрение надежных механизмов защиты данных станет ключевым фактором успеха в этом направлении.

Таким образом, социальные сети обладают огромным потенциалом для повышения правовой грамотности населения и бизнеса в области антимонопольного законодательства. В условиях динамично меняющегося законодательства использование социальных сетей становится стандартным условием для успешной работы организаций и обеспечения соблюдения. Однако для реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующие ограничения, обеспечить качество и достоверность информации, а также создать условия для безопасного и эффективного использования этих платформ.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грязнов С.А. Антимонопольная служба на страже справедливой конкуренции // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11–1. С. 241–243. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10905.
 2. Основы частного права России: Учеб. пособие / Под общ. ред. Е.В. Калининной. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. 252 с.
 3. Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира / Под общ. ред. О.А. Мельниковой; рук. проекта А.В. Крутских. М.: Аспект Пресс. 2024. 542 с.
 4. Марков Р.С., Забайкалов А.П., Маликова Д.В. Использование информационных технологий в муниципальном управлении (по материалам городского округа город Липецк) // Наука Красноярья. 2024. Т. 13. № 1. С. 58–69. DOI: 10.12731/2070-7568-2024-13-1-236.
 5. Пащук Е.О. Влияние цифровизации на правовую систему и социально-экономическую жизнь общества // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2022. № 3.
-
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

Абанина Елена Николаевна – заведующий кафедрой земельного и экологического права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), доктор юридических наук, доцент.

Ахмедова Написат Кадимагомедовна – старший преподаватель кафедры «Бухучет–2», ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (г. Махачкала).

Байкалов Михаил Максимович – студент Института истории и права, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г. Абакан).

Баранникова Анна Андреевна – студент Факультета среднего профессионального образования, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики» (г. Таганрог)

Барбакадзе Вахтанг Тамазиевич – доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), кандидат юридических наук, доцент.

Белова Олеся Александровна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Волгоград), кандидат юридических наук, доцент.

Беляев Дмитрий Анатольевич – профессор кафедры философии, политологии и теологии, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк), доктор философских наук, доцент.

Березкина Виктория Андреевна – студент Юридического института, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» (г. Рязань).

Благодаров Анатолий Евгеньевич – студент магистратуры, Сибирский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Новосибирск).

Бокова Вероника Анатольевна – студент Юридического факультета, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь).

Борисова Елизавета Александровна – студент магистратуры направления подготовки «Международные отношения», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь).

Бурмистров Георгий Владимирович – аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Ваймер Евгения Владимировна – доцент кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Новосибирск), кандидат юридических наук.

Волкова Таисия Михайловна – студент Института права и управления, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула).

Глушкова Светлана Игоревна – заведующий кафедрой прав человека, заместитель декана Юридического факультета, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), доктор политических наук, доцент.

Деревянченко Семен Юрьевич – студент Факультета философии, истории и права, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (г. Омск).

Дерябин Илья Сергеевич – студент Юридического института, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород).

Дытченко Геннадий Владимирович – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург).

Журавлева Анастасия Сергеевна – студент Юридического института правосудия и адвокатуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Жутаев Алексей Сергеевич – доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), кандидат юридических наук, доцент.

Зарипова Камилла Нафисовна – студент Института права, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», (г. Уфа).

Иванова Татьяна Александровна – доцент кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), кандидат юридических наук, доцент.

Иргит Сайзана Шамбуловна – студент магистратуры, Сибирский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Новосибирск).

Каичева Ольга Игоревна – студент Института юстиции, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Картавов Яков Олегович – студент Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург).

Кекеева Баина Мергеновна – студент Института юстиции, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Ключкова Анна Сергеевна – студент Юридического факультета, Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Волгоград).

Козлова Александра Ильинична – студент Института психологии и образования, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк).

Козлова Валерия Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г. Абакан).

Копьева Ирина Анатольевна – доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула), кандидат юридических наук.

Кошман Николай Анатольевич – соискатель кафедры философии, политологии и теологии, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк).

Козьмина Ангелина Андреевна – студент Института права и управления, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула).

Лебедев Михаил Юрьевич – доцент кафедры гражданского процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), кандидат юридических наук, доцента.

Лелетко Виктория Владимировна – студент Института прокуратуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Леоненко Наталья Терентьевна – доцент кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Новосибирск), кандидат юридических наук.

Лысова Александра Владимировна – студент Института юстиции, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Малькова Дарья Романовна – студент Юридического факультета, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург).

Марков Роман Станиславович – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк), кандидат юридических наук.

Маслич Александра Евгеньевна – студент Юридического факультета, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь).

Минченков Владислав Игоревич – студент Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва).

Миронова Анна Игоревна – студент Института права и управления, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула).

Митякина Надежда Михайловна – заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород), кандидат юридических наук, доцент.

Монетов Антон Геннадиевич – преподаватель кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» (г. Рязань).

Моссур Кирилл Павлович – ассистент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Лазарев Борис Николаевич – доцент кафедры музыкальной подготовки и социокультурных проектов, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк), кандидат педагогических наук, доцент.

Наумов Дмитрий Михайлович – студент Института прокуратуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Некрасов Даниил Дмитриевич – студент Института истории, права и общественных наук, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк).

Нурмухаметов Руслан Наилевич – ассистент кафедры уголовного права и процесса, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (г. Уфа).

Омарова Наргиз Курбанмагомедовна – старший преподаватель кафедры «Бухучет–2», ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» (г. Махачкала).

Орлова Татьяна Евгеньевна – студент магистратуры, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва).

Павленко Алена Александровна – студент Института прокуратуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Пашков Сергей Николаевич – доцент кафедры административного и финансового права, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» (г. Донецк), кандидат юридических наук, доцент.

Пискайкина Виктория Михайловна – студент Юридического института, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» (г. Рязань).

Плотникова Инна Николаевна – профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), доктор юридических наук, доцент.

Пономарева Юлия Владимировна – доцент кафедры международных отношений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь), кандидат филологических наук.

Радолин Артемий Михайлович – студент Института культуры и искусства, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк).

Рыжкова Маргарита Константиновна – студент Института истории, права и общественных наук, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк).

Сальников Александр Дмитриевич – сотрудник отдела исследований, Дом семейных традиций «Кристиан» (г. Москва).

Санникова Светлана Сергеевна – доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов), кандидат юридических наук.

Сейтбекирова Улькер Эльдар Къзызы – ассистент кафедры гражданского и трудового права, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь).

Синицына Софья Сергеевна – студент Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург).

Ситдикова Динара Альбертовна – студент Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва).

Скрипник Виктория Витальевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики» (г. Таганрог)

Спасова Мария Александровна – студент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Спирина Полина Алексеевна – студент Института юстиции, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Тлябичева Алина Маратовна – студент Института юстиции, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Фаттахов Галим Ринатович – студент Института права, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (г. Уфа).

Фейзуллаева Фатима Рамисовна – студент Юридического института правосудия и адвокатуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Фролова Дарья Михайловна – студент магистратуры, Сибирский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Новосибирск).

Фролова Татьяна Анатольевна – доцент кафедры правоведения, государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (г. Омск), кандидат исторических наук.

Хазиева Дарья Дамировна – студент Института права, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», (г. Уфа).

Чирков Денис Владимирович – студент Института истории и права, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г. Абакан).

Шишкин Дмитрий Сергеевич – студент Института магистратуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов).

Щелок Юлия Фаридовна – доцент кафедры социологии и управления, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк), кандидат экономических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Н.А. Кошман	
Искусственный интеллект в пространстве правовой культуры: проблема правосубъектности.....	3
А.Г. Монетов	
Ретроспективный анализ исторического развития необходимой самообороны в доимператорский период.....	11
А.Д. Сальников	
Хазарский след в древнерусской государственности	13

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Н.К. Ахмедова	
Межбюджетные отношения и принципы их организации в России	16
В.А. Березкина	
Проблемы правового регулирования чрезвычайного и военного положения	20
А.Е. Благодаров	
Правовые и организационные проблемы реализации права граждан на обращения в органы публичной власти	24
В.А. Бокова	
Право на забвение: актуальные вопросы защиты личности в цифровую эпоху	27
Е.А. Борисова	
Подходы к обеспечению информационной безопасности в Соединенных Штатах Америки: опыт анализа правовых норм.....	31
Г.В. Бурмистров	
Развитие институтов общественного контроля в современной России с помощью технологии форсайта: политико-правовой аспект	34
С.Ш. Иргит	
Конституционно-правовое регулирование доступа к информации о деятельности судов	38
О.И. Каичева	
Недействующие кладбища как угроза экологической безопасности	41

Б.М. Кекиева	Анализ института гражданства в Республике Беларусь	44
Р.С. Марков	Местное самоуправление в Липецкой области: современное состояние и перспективы развития	46
В.И. Минченков, Д.А. Ситдикова	Подсудность и компетенция Верховного Суда Российской Федерации: история и современность	49
С.Н. Пашков	Общественные объединения: проблемы терминологии и систематизации	53
М.А. Спасова	Особенности организации местного самоуправления в муниципальных образованиях территорий, относящихся к Арктической зоне Российской Федерации	57
А.В. Лысова, П.А. Спирина	Перспективы применения искусственного интеллекта в сфере бюджетного процесса	59
Д.М. Фролова	Государственная система оказания бесплатной юридической помощи: состояние, проблемы, предложения	61

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

М.М. Байкалов, Д.В. Чирков	Современные тенденции и проблемы в сфере защиты прав предпринимателей	65
А.А. Баранникова	Проблемы рассмотрения дел в порядке особого производства о внесении изменений в записи актов гражданского состояния	69
А.С. Журавлева, Ф.Р. Фейзуллаева	Коллизия норм об обеспечении иска на стадии возбуждения гражданского дела	73
Я.О. Картавов, С.С. Синицына	Механизмы разрешения корпоративных дедлоков: компаративный анализ и перспективы применения в России	75
А.С. Ключкова	Защита прав потребителей при оказании медицинских услуг в сфере косметологии	78
А.И. Козлова	Правовой статус несовершеннолетней матери	81
В.В. Лелетко	Правовое регулирование наследования по завещанию с иностранным элементом	85

А.Е. Маслич	Рекламная деятельность в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и защита потребительских прав	87
Д.М. Наумов, А.А. Павленко	Некоторые аспекты применения института принудительного лицензирования в авторском праве.....	91
Н.К. Омарова	Общая тенденция развития банковских услуг	95
Т.Е. Орлова	Критерии предоставления авторско-правовой охраны фотографическим произведениям	98
Д.С. Шишкин	К вопросу о необходимости выделения принципа закрытого перечня вещных прав.....	103

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Т.М. Волкова	Особенности квалификации контрабанды	106
А.А. Кузьмина	Гуманизация уголовного законодательства в современных реалиях	108
Д.Р. Малькова	Вопросы обеспечения прокурором законности на стадии возбуждения уголовного дела	112
А.И. Миронова	Уголовная ответственность за доведение до самоубийства.....	115
Г.Р. Фаттахов	К вопросу о действии уголовного закона в воздушном и космическом пространствах	119
Д.Д. Хазиева, К.Н. Зарипова	Особенности правового регулирования применения принудительных мер медицинского характера.....	122

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

И.С. Дерябин	Международный экологический суд: проблемы и перспективы	126
В.М. Пискайкина	Проблема обеспечения доступа несовершеннолетних граждан Российской Федерации к международному правосудию для защиты их прав и интересов.....	129
А.М. Тлябичева	Членство Российской Федерации в ФАТФ: аспекты влияния и последствия приостановки	132

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

С.Ю. Дервянченко	
К вопросу о противодействии коррупции в сфере науки	135
В.И. Минченков, Д.А. Ситдикова	
Устойчивое экономическое развитие и экономическая солидарность	141
Д.Д. Некрасов	
Причины валютного колебания курса российского рубля	143
Т.Е. Орлова	
Правовые проблемы наследования игровых аккаунтов в онлайн-играх	146
А.М. Радолин	
Идеи патриотизма в песенном творчестве Виктора Цоя	150
М.К. Рыжкова	
Социальные сети как инструмент правового просвещения в области антимонопольного законодательства	153
Сведения об авторах и научных руководителях	157

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

ПРАВОСОЗЕРЦАНИЕ

Выпуск I

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Подписано в печать 30.01.2025.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,38.
Тираж 500 экз. Заказ № 00000
ТК 851444-2192092-300125

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29